

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

В. И. ВОЛОВИЧ

НАДЕЖНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Проблемы методологии
и методики

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ 1974

ВВЕДЕНИЕ

Масштабность и перспективность задач, решаемых развитым социалистическим обществом, предъявляет новые, повышенные требования к социальному познанию. Создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социальных отношений и формирование нового человека выдвигают сложные вопросы, практическое решение которых должно опираться на глубокий научный анализ. «Все более решительный поворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего,— вот что нам нужно»¹, — подчеркнул Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС.

Глубина и результативность социальных исследований определяются прежде всего тем, насколько полно реализуются в них принципы марксистско-ленинской философии как методологии познания и революционного преобразования действительности, насколько тесно связаны они с политическими целями и практической деятельностью Коммунистической партии. Чтобы выполнить это принципиальное условие, общественные науки должны располагать совершенным арсеналом познавательных средств, опираться на прочный фундамент объективной социальной информации, умело сочетать смелый творческий поиск с точностью научного анализа.

Управление социалистическим обществом требует не только знания общих закономерностей и тенденций его развития, но и знания локальных процессов, происходящих на производстве, в семье и т. д. Исторический опыт управления обществом в условиях научно-технической революции убедительно подтвердил научную состоятельность ленинского требования «в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные факты»². Использование эмпирических данных о конкретных социальных процессах является обязательным условием принятия управленческих решений.

¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1971, с. 112.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319.

Стремление к глубокому эмпирически обоснованному раскрытию социальных закономерностей присуще самой природе марксистской теории общественного развития. Подчеркивая необходимость такого анализа социальных процессов, К. Маркс писал, что разнообразие «градаций» и «вариаций» в развитии экономического базиса, которые зависят от бесконечно разнообразных конкретных обстоятельств, «возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³. Поэтому конкретные социальные исследования, направленные на изучение системы общественных закономерностей, на эмпирическое исследование отдельных ее элементов, сторон, «градаций» и «вариаций», играют столь важную роль в нашем обществе. Данные конкретных исследований дают необходимый материал для общесоциологических выводов, они обогащают и развивают теорию и методологию исторического материализма, обеспечивая более точную идейную ориентацию и объективность результатов конкретных исследований социалистического общества и социальных процессов вообще.

Использование общесоциологической теории в прикладных исследованиях, в свою очередь, повышает значение таких исследований, предохраняет от узкого эмпиризма и описательности, столь характерных для буржуазной эмпирической социологии.

Вместе с тем социологи-марксисты не отождествляют проблематику конкретных социологических исследований с проблематикой исторического материализма, включая в структуру социологического знания «наряду с историческим материализмом как общесоциологической теорией частносociологические теории, призванные объяснять конкретные общественные процессы... Они более непосредственно связаны с эмпирическим материалом и являются как бы посредствующим звеном между общей теорией и конкретными исследованиями в различных областях социальной жизни»⁴. При этом, как отмечают советские исследователи, «исторический материализм не утрачивает своей методологической всеобщности, а эмпирические исследования получают тео-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 25, ч. II, с. 354.

⁴ Г. Глезерман, В. Келле, Н. Филипенко. Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия. — «Коммунист», 1971, № 4, с. 68.

ретическую базу в виде марксистской общесоциологической методологии»⁵.

Советская социология на современном этапе ее развития, как и другие науки, неразрывно связана с решением практических задач коммунистического строительства в нашей стране. Социологические исследования помогают не только вырабатывать и принимать те или иные управленческие решения, но и изучать механизм их воздействия на людей, их восприятие различными категориями трудящихся, прослеживать, как эти решения трансформируются в сознании людей, отражаются в их поведении, сказываются на развитии социальных процессов, на отношениях в коллективах, группах, межличностных отношениях.

Решение практических задач, стоящих перед советским обществом на данном этапе его развития, требует глубокого теоретического осмысления, детального изучения и правильного, основанного на достоверной информации, раскрытия механизмов функционирования и развития социальных процессов и явлений в самых разнообразных условиях. «Теоретическое осмысление явлений общественной жизни, ее главных тенденций,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду,— позволяет партии предвидеть ход общественных процессов, выработать верный политический курс, избежать ошибок и субъективистских решений»⁶. Именно поэтому КПСС уделяет особое внимание общественным наукам, создает все необходимые условия для их творческого развития и повышения действенности их результатов.

Партия высоко оценивает роль общественных наук и, в частности, конкретных социальных исследований. Вместе с тем в документах КПСС критиковались недостатки в развитии этих исследований. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» специально отмечается, что «научно-методическая основа» конкретных социальных исследований «остается весьма эмпиричной»⁷. Этот серьезный недо-

⁵ Там же.

⁶ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1, с. 127.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1972, с. 345.

статок объясняется, очевидно, тем, что конкретные социальные исследования в нашей стране получили широкое распространение сравнительно недавно. Достаточно квалифицированных специалистов по методике социальных исследований имеется все еще мало. «Проведение конкретных исследований для большинства наших кадров,— это новое дело,— пишет академик П. Н. Федосеев,— поэтому... в организации этой работы наряду с хорошим опытом имеется и много бестолковщины»⁸.

Со времени указанного постановления ЦК КПСС советская социология сделала крупный шаг вперед. Пополнились кадры социологов, возникли новые научные социологические учреждения и организации. Широким фронтом развернулись конкретно-социологические исследования в разных областях общественной жизни, а их результаты стали проникать даже в сферу непосредственного производства. Солидный эмпирический материал, накопленный в последние годы, позволяет многим ученым плодотворно решать проблемы эмпирического и теоретического обоснования социально-научного знания.

Тем не менее количественный рост эмпирических исследований далеко не всегда сопровождается ростом качества получаемых результатов. Но именно качество определяет научную и практическую значимость результатов исследования, делает возможным использование их для построения достоверных теорий. Потребность в достоверном знании особенно стимулирует разработку проблемы органического единства теории и методов социологических исследований, их теоретического и эмпирического уровней. Существует еще большая опасность искажения картины познаваемой действительности на основании некачественных, ненадежно полученных эмпирических данных. Поэтому вопросы методологии конкретных социальных исследований с развитием социологии несколько не потеряли своей актуальности^{8-а}.

В последнее время появилось значительное число публикаций, в которых разрабатываются проблемы методологии конкретных социальных исследований. Однако

⁸ П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1971, с. 407.

^{8-а} См.: М. Н. Руткевич. Социология и управление обществом.— «Правда», 14. IX 1973.

проблема «надежности эмпирических данных» или «вопрос качества, достоверности получаемой информации» продолжает оставаться, по мнению многих советских социологов, одним из «центральных вопросов социологии»⁹.

На четвертой сессии Всесоюзного методологического семинара по проблемам педагогики, который состоялся 5—8 октября 1971 г. в Москве, специально отмечалось, что для решения проблемы построения частных теорий «необходима предварительная разработка критериев, с помощью которых устанавливаются истинность и надежность результатов исследования»¹⁰. С решением этой проблемы, как справедливо пишет В. Н. Шубкин, обеспечивается не только надежность тех или иных социологических показателей, но и научность теоретических концепций прикладной социологии¹¹.

Сложность данной проблемы заключается в том, что она не может быть решена только путем анализа процесса социологического исследования. Ее решение предполагает, прежде всего, выяснение ряда логико-методологических вопросов научного познания вообще и социологического — в частности. Одним из них является вопрос о том, как первичные высказывания, субъективные мнения, отражающие практику непосредственного общения людей, преобразуются в достоверное знание, носящее всеобщий характер.

Решение вопроса предполагает отыскание таких путей и способов перехода от исследовательской практики к социальной теории, которые превращают вероятностные эмпирические данные в достоверное знание. Иными словами, в методологическом плане эта проблема должна решаться как проблема построения надежного эмпирического базиса описательной (частной) социологической теории. С точки зрения конечных задач она является проблемой формирования достоверного социального знания. Эта проблема по-новому возникает

⁹ См.: М. Т. Иовчук, А. Г. Харчев, В. А. Ядов. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР.— «Философские науки», 1970, № 5, с. 12; А. М. Румянцев. Вопросы социального прогнозирования и планирования.— «Вопросы философии», 1970, № 8, с. 76.

¹⁰ Методологические основы построения педагогической теории.— «Советская педагогика», 1972, № 2, с. 70.

¹¹ См.: В. Н. Шубкин. Социологические опыты. М., 1970, с. 53.

на каждом этапе исследования. Учитывая ее многогранность и малоизученность, мы не ставим себе цель показать в этой книге все ее стороны в равной мере и ограничиваемся описанием общеметодологических основ ее постановки и некоторых процедурно-технических аспектов решения.

Этот путь исследования не является проторенной дорогой. В литературе по методологии познания отсутствуют специальные обобщающие работы по проблеме надежности информации. В отечественных исследованиях сложилась традиция рассматривать проблемы логики и методологии научного познания на материале естественных наук. Социологи поэтому вынуждены приспособливать основные положения логики естественнонаучного познания к социологическому исследованию.

Однако такая адаптация не всегда уместна — логика социального познания во многом отличается от логики естественнонаучного. Игнорирование этого факта неизбежно приводит к ошибкам в исследовании и, в конце концов, к недостоверным выводам. Разумеется, при анализе этой проблемы нельзя следовать и по пути буржуазных социологов, исходящих в общем из недостаточно обоснованных посылок. Ведь даже такой крупный ученый, как О. Моргенштерн, автор известной в зарубежной литературе монографии о надежности социальной (экономической) информации, признает, что, изучая природу и возможности возникновения ошибок в экономической информации, он подходил к этой задаче «только с точки зрения здравого смысла или того, что, по нашему мнению, является здравым смыслом»¹². Но, как указывал К. Маркс, действительная наука начинается там, где кончаются спекуляции обыденного мышления. Достоверное знание об обществе можно получить только при органическом единстве теории, методологии и методов социального познания.

Важное значение для решения этой задачи имеет предварительный анализ природы научного исследования социальных явлений, возможностей и пределов его отдельных методов. Необходимы поиски причин неадекватности выводов, поиски критериев достоверности со-

¹² О. Моргенштерн. О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1965, с. 15.

циального знания. Такие критерии не могут субъективно налагаться на знание извне, они заключаются в самом характере применимости и реализуемости методов научного исследования, при этом существенно зависят от того, получены ли научные данные на основе реализации методологических принципов научного исследования или на основе «здравого смысла». Специфика решаемой задачи — анализ именно социологического познания — обуславливает выделение следующего круга вопросов: а) выработка исходных путей для анализа надежности социологической информации как предмета методологического исследования; б) определение и уточнение основных и рабочих понятий для анализа проблемы; в) выяснение типичных причин недостоверных выводов в конкретном социологическом исследовании; г) выявление общих условий формирования надежного эмпирического базиса социологической теории; д) разработка процедуры получения надежных эмпирических данных и их контроля.

Обращение именно к этим вопросам вызвано рядом причин. Во-первых, многие из них недостаточно освещены в философских, а тем более — в социологических работах. Таковым, например, является вопрос о взаимодействии субъекта и объекта познания на эмпирическом уровне социологического исследования или вопрос о неопределенности социологической информации. Рассматривая эти вопросы, мы подчеркиваем необходимость их методологического анализа. Во-вторых, ряд вопросов, касающихся данной темы, в настоящее время является дискуссионным. Например, вопрос о возможностях и границах определенных способов сбора эмпирических данных, о специфике социологического наблюдения и др.

Следует отметить и такую причину, побудившую пристрасно относиться к понятийному аппарату социологического исследования: многие определения понятий, встречающиеся в литературе, страдают неточностью, односторонностью, а то и просто неправильны. Бывают еще случаи дилетантского применения методов исследования, переоценки возможностей одних и недооценки других методов. Путь к исключению этих недостатков мы усматриваем, в частности, в развитии и унификации понятийного аппарата исследования и особенно техники контроля результатов.

Стремление в какой-то мере преодолеть перечисленные трудности и определило содержание книги. В первом разделе ее рассматривается процесс конкретного социологического исследования с точки зрения возможностей получения надежных результатов. Анализируются причины неопределенности социологической информации, те объективные и субъективные факторы, от которых зависит ее деформация в конкретном социологическом исследовании, намечаются пути ее устранения.

Во втором разделе дается методологический анализ методики и техники получения надежных первичных социологических данных. При этом подчеркивается, что объективная оценка методов конкретного социологического исследования может быть дана лишь с учетом логико-методологических основ эмпирического исследования. Эти методы, строго говоря, не являются специфическими методами собственно социологии, так как они заимствованы из смежных наук, преимущественно из социальной психологии и антропологии, где они давно применяются и дают надежные результаты. В социологии они также эффективны, но требуют более осторожного применения, особенно при изучении скрытых социальных переменных — отношений людей к социальным явлениям, их мнений, ценностных ориентаций, установок, мотивов деятельности и т. п. В этой главе анализируются те аспекты их применения, от которых зависит надежность получаемых данных. При этом важно сразу отметить, что плохих или хороших методов с этой точки зрения нет — есть адекватное или неадекватное их применение.

Не все аспекты надежности социологической информации рассмотрены нами в равной мере, а некоторых (например, ее репрезентативности) мы не касались вовсе, поскольку они более или менее полно описаны в соответствующей литературе.

При написании книги большим подспорьем служили материалы отдела конкретных социальных исследований Института философии АН УССР, ценные замечания его сотрудников — товарищей по работе, а также дружеская критика и помощь сотрудников отдела логики научного познания Института, которым автор выражает искреннюю благодарность.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Несмотря на то что проблема надежности информации в социологическом исследовании является весьма актуальной, уровень ее разработки нельзя признать удовлетворительным. Поэтому исследователь не может сразу приступить к конструктивному решению ее для определенных социологических задач и методов и вынужден выяснять условия ее решения на уровне гносеологии и методологии. В исследованиях подобного рода приходится начинать с определения основных рабочих понятий для анализа проблемы и поиска исходных методологических принципов.

Ограничиваясь кругом задач, поставленных во введении, рассмотрим в данной главе некоторые важные аспекты эмпирического социологического исследования с тем, чтобы выявить основные факторы, влияющие на достоверность выводов и наметить пути разработки логических и процедурно-технических способов повышения надежности исходных эмпирических данных.

КОНКРЕТНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ДОСТОВЕРНОСТЬ ЗНАНИЯ

Исследование проблемы надежности социологической информации казалось бы логично начать с рассмотрения самого понятия надежности и определения тех показателей, которые и характеризуют эту информацию как надежную. Однако осуществить такой анализ чрезвычайно трудно без предварительного рассмотрения общих логико-методологических проблем формирования достоверного социального знания. Поэтому представляется более целесообразным начать изучение проблемы не с анализа процедуры и техники конкретного исследования, а с выяснения более общих, гносеологических аспектов процесса эмпирического социологического исследования вообще. Существенно важно в этом процессе выявить те субъективные и объективные условия, в которых

формируется конкретное социальное знание и которые определяют в конце концов его структуру, характер и свойства. Под объективными условиями мы понимаем те, которые не создаются исследователями, не зависят от них, а определены спецификой изучаемого объекта и которые реализуются в объективном содержании применяемых методов исследования и исходных методологических принципов, реализованных в этих методах.

Субъективные условия — это те, которые вызваны спецификой взаимодействия субъекта и объекта конкретного социологического исследования и побочными «возмущающими» влияниями, возникающими при этом и являющимися причиной деформации первичных эмпирических данных. Конкретное определение этих условий требует учета субъективных элементов в исследовании как неизбежных, присущих ему свойств. (Подробнее эти условия будут рассмотрены в третьем параграфе раздела.)

Предварительный методологический анализ процесса социологического исследования, опирающийся на исходные положения марксистско-ленинской теории познания, является надежной гарантией от узкоэмпирических, необоснованных выводов, которые обычно угрожают социологу-эмпирику.

О необходимости такого анализа говорит печальный опыт буржуазной эмпирической социологии, которая стремилась его осуществить, преодолевая недостатки «энциклопедической» социологии. На этом пути она, как известно, впала, во-первых, в эмпирический позитивизм, который во имя «строгой научности» социологии фактически ликвидирует общую социологическую теорию и на ее место ставит доктрину операционального прагматизма. Во-вторых, она впала в антиисторический теоретический формализм, отрицающий диалектику социального познания и ее главный принцип — историзм. Стремясь рассматривать «социальные факты как вещи» (Э. Дюркгейм), эмпирическая социология не учитывает диалектического характера ни самих социальных процессов, ни их познания. Именно поэтому она обречена на теоретическую бесплодность. Такая судьба вообще присуща эмпиризму. Ф. Энгельс давно критиковал «одностороннюю эмпирию», «которая сама, насколько возможно, превращает себе мышление, которая именно поэтому не

только мыслит ошибочно, но и оказывается не в состоянии верно следовать за фактами или хотя бы только верно излагать их и которая, таким образом, превращается в нечто противоположное действительной эмпирии»¹.

В анализе «действительной эмпирии» марксистская гносеология исходит из признания диалектического единства эмпирического и теоретического уровней познания. В противоположность позитивистской традиции буржуазной социологии марксистская социология рассматривает их как два различной глубины уровня научного проникновения в сущность социальных процессов и явлений. Оба они неразрывно связаны друг с другом, взаимно предполагают и обуславливают друг друга, и только в их единстве познавательный процесс является научным.

Эмпирический уровень социологического исследования связывают обычно с получением описательного знания, т. е. знания, которое эмпирическими методами (эксперимент, наблюдение, опрос, исследование документов и т. п.) воспроизводит данную конкретную ситуацию во всем разнообразии ее внешних связей. Устанавливая эмпирические зависимости между признаками исследуемых объектов, это знание еще не представляет собой строгой системы и не всегда бывает истинным, поскольку «эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость»².

Однако задача всякого исследования — получение достоверного знания, а это становится возможным, если исследователи исходят из более общих понятий социологической теории. Показательным в этом отношении является известное исследование ленинградских социологов «Человек и его работа» (М., 1967), в котором постановка гипотез социологического исследования отношения к труду как жизненной потребности человека конкретно обосновывается в рамках положений общесоциологической теории.

Исходя из некоторых общих положений марксистской теории, социологи переводят на язык эмпириче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 434.

² Там же, с. 544.

ского исследования прежде всего само понятие «отношение к труду». Оно конкретизируется в следующих трех плоскостях: отношение к труду как к некоторой всеобщей социальной ценности; отношение к труду как отношение к своей профессии и отношение к труду как к конкретному содержанию своей деятельности на данном предприятии, на рабочем месте.

Третий аспект, который изучается в названном выше исследовании, определяется далее еще более подробно. Авторы стремятся последовательно учесть как объективные показатели, выражающие «отношение к труду», так и субъективные оценки индивидов. Исходной теоретической посылкой такого подхода является основной тезис марксистского понимания личности, который гласит, что личность следует рассматривать как совокупность общественных отношений. Авторы прибегают к диалектическому расчленению объекта исследования на специфические его проявления в разных отношениях и связях. Исходные теоретические представления об этих связях и отношениях выводятся из общесоциологических положений теории марксизма и достоверных результатов других эмпирических наук.

Таким образом, отношение между исходным тезисом и понятийным аппаратом гипотез конкретного социологического исследования не является непосредственным. Рассмотрение личности как субъекта общественных отношений — это общесоциологический уровень анализа. Его связь с эмпирическим уровнем исследования должна опосредоваться промежуточным уровнем теоретических построений, которые представляют собой определенные частносоциологические теории. Целесообразность таких теорий в структуре социологического знания сегодня уже общепризнана. Эти теории хотя и не являются строго формализованными системами, отличаются тем не менее богатством содержания, всесторонним охватом и полнотой описания объекта исследования, надежностью эмпирического базиса³. Методологической основой для построения таких специальных теорий выступает общесоциологическая теория.

³ См.: П. Ф. Йолон. Наукова теорія та її особливості в гуманітарних науках.— В сб.: Логіка і гуманітарні науки. К., 1971, с 21.

Многоуровневая структура марксистской социологии предполагает последовательные взаимные переходы от эмпирических данных ко все более высоким уровням абстракции, а также использование общих принципов методологии с учетом специфики исследуемых объектов и изучения социальной реальности на различных ее уровнях, начиная от анализа эмпирических данных и кончая общими философско-социологическими абстракциями.

Но признать многоуровневую структуру социологии — еще не значит ответить на труднейший методологический вопрос: каким образом теория должна присутствовать в эмпирическом исследовании, каким образом она может влиять на исследование эмпирического объекта? В конкретном социологическом исследовании объектом не выступает общество как таковое, исследователю непосредственно даны индивиды и группы, их действия в определенных ситуациях. Поэтому перед исследователем неизбежно встает и вопрос о том, имеет ли процедура социологического исследования отношение к тому, как в социологической теории интерпретируется его объект, какое это отношение, какова «привязанность» эмпирического объекта к социальным структурам, в которые он включен.

Очевидно, в зависимости от цели каждого конкретного исследования необходимо найти такие операциональные определения, которые служили бы своеобразным переходным «мостиком» от наиболее общих понятий к конкретным понятиям рабочих гипотез, которые проверяются в данном исследовании. Однако сколько бы мы не осуществляли экспликацию общих понятий, если эти понятия не являются частью определенной социологической теории, если они не связаны с определенной научно-философской интерпретацией объекта исследования, то гипотезы, построенные исследователем, никогда не приведут его к достоверному знанию. Вывод всегда будет относиться лишь к отдельным сторонам объекта.

Именно в этом заключается слабость бихевиористского подхода в социологии. Суммируя данные о поведении отдельных индивидов, сторонники бихевиоризма наивно полагают, что таким образом они получают знание об объективных основах функционирования обще-

ства. Однако это тщетные усилия — эмпирическое исследование, описывающее отдельные стороны деятельности человека, утрачивает представление о целом. В результате неизбежна крайне вульгарная механистическая модель общества и общественных процессов.

Научное исследование практически никогда не начинается с анализа непосредственно данного (хотя с гносеологической точки зрения опыт предшествует теории), в реальном научном исследовании исследователь беспомощен перед действительностью без определенных апробированных теоретических представлений. Из этого вовсе не следует отрицание или хотя бы умаление значения дихотомии «эмпирическое — теоретическое». Это было бы такой же грубой ошибкой, как и абсолютизация одного из них, провозглашение его единственно научным уровнем исследования, что имеет место в буржуазной эмпирической социологии в отношении эмпирии.

На эмпирическом уровне социологическое исследование устанавливает определенные эмпирические закономерности путем анализа конкретных внешних связей явлений социальной действительности, например, определенные корреляции между переменными различных социальных объектов. Но оно не в состоянии раскрыть внутренние связи между ними, отразить сущность исследуемых объектов. Это под силу только теоретическому исследованию.

Непосредственная связь теории и эмпирического исследования осуществляется прежде всего через гипотезы. Гипотезы определяют в общих чертах и выбираемую процедуру исследования. Необходим также поиск операциональных определений, уточняющих и конкретизирующих общие понятия. Их задача — обеспечить переход от одного структурного уровня знания к другому. Данная операция позволяет проследить известную зависимость между исходной теоретической концепцией и процедурой эмпирического исследования. Следующим, наиболее существенным, если не основным, условием достоверности знания является адекватность методов его получения. На способах получения эмпирического знания, которые в основном и определяют его характер, остановимся более подробно.

Конкретное социологическое исследование предполагает использование эмпирических методов. К ним отно-

ются методы сбора первичных данных и их обработки. Они, как уже отмечалось, направлены на выявление эмпирических закономерностей по индуктивно-статистической процедуре. Одни из них эмпирические по характеру информации, получаемой с их помощью, другие — по уровню обобщения данных и по степени вероятности воспроизведения реального положения вещей.

Именно вероятностный характер результатов, получаемых этими методами, является тем общим, что в первую очередь характеризует их как эмпирические. Очевидно, имея в виду этот признак, многие авторы вообще все эмпирические методы, в том числе и статистические, просто называют индуктивными⁴. Некоторые, правда, статистику считают самостоятельным, не эмпирическим методом исследования, который употребляется только перед индуктивным обобщением⁵. Причем, мысль эта не нова, ее давно высказывал известный статистик Р. Орженцкий: «Статистический метод, как особый логический прием, относится лишь к получению сводных признаков, следовательно, только к первой стадии опытного изучения — наблюдению и установлению признаков. В дальнейшем есть только общая, обычная индукция, одинаково применяемая как к родовым, так и к сводным признакам»⁶.

Это вопрос — третьестепенного значения. По нашему мнению, правильно поступают те исследователи, которые понимают индукцию в самом широком смысле, как совокупность ряда эмпирических методов перехода от известного к неизвестному, способов обобщения и анализа эмпирических данных, форм движения познания от совокупности фактов к теоретическому обобщению. В этом смысле индукция включает наряду с классической индукцией и метод аналогии, статистических вычислений, различных форм экстраполяции от известного к неизвестному, которые применяются в моделировании. Они имеют то общее, что все являются методами сбора и обработки фактического материала, средствами, обеспечи-

⁴ См.: Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970, с. 10; М. С м и т. Основы статистической методологии. М., 1924, с. 4.

⁵ Е. Х а а н. Исторический материализм и марксистская социология. М., 1971, с. 158—159.

⁶ Р. О р ж е н ц к и й. Сводные признаки. Ярославль, 1910, с. 314.

вающими эмпирический базис, надежный фундамент описательной теории.

Все разнообразие этих методов можно условно разделить на две группы. Первую составляют сугубо специальные методы, тесно связанные с характером исследуемого объекта. Это методы, применяемые или в очень узкой области науки, или в одной отдельной науке. Таковыми, например, являются методы сбора социологической информации.

Вторую группу эмпирических методов составляют приемы и способы исследования, которые применяются в ряде наук. К ним относится и статистика. В данной типологии ее можно поставить рядом с экспериментом и наблюдением, являющимися почти универсальными методами эмпирического исследования.

Общий характер методов второй группы вовсе не означает возможность их использования во всех областях исследования или же возможность их одинакового применения. Например, эксперимент, несомненно, относится к числу общих научных методов, однако его применение в социологических исследованиях по сравнению с естественнонаучными крайне незначительно. Статистический метод также не является всеобщим — он не применим там, где нет массовых явлений, где нет индивидуальных отличительных признаков в объектах.

В отличие от эмпирических методов, с помощью которых исследуется объект экспериментально, сравнительно, структурно, статистически, иную группу (теоретических методов) составляет логическое выведение из сопоставления наличных знаний о действительности (дедукция), предположительное объяснение (гипотеза), мысленное допущение или устранение объекта (абстракция), творческое воображение. Все они в разной мере принимают участие в социологическом исследовании.

В изучении социальной действительности обычно выделяют три наиболее типичных исследовательских подхода, которые применимы в конкретном исследовании. Каждый из них в итоге обеспечивает в разной мере достоверное, но в общем приемлемое качество данных.

Первый подход характеризуется использованием аппарата статистики в процессе обобщения эмпирических данных. Результат, полученный при этом, имеет качест-

венно-количественную структуру статистического резюме исследуемых свойств индивидуальных социальных явлений и называется социально-статистическим научным фактом.

Второй подход, собственно индуктивный, имеет характер вывода общего из единичных наблюдений. Это — аналитико-синтетический путь, который опирается на качественную определенность социальных фактов. Наиболее приемлем он при изучении скрытых социальных переменных.

Наконец, последний возможный подход осуществляется путем абстрагирования существенных свойств из некоторой совокупности индивидуальных характеристик; его результат — определенное понятие.

Их главное отличие заключается только в характере вывода. Строго индуктивный вывод предполагает удержание в общем только тех свойств, которые присущи каждому элементу, входящему в исследуемую совокупность. Вывод же статистический — это такое обобщение индивидуальных показателей, в котором удерживается закономерность, присущая всей совокупности как устойчивому целому, при этом тенденция, обнаруженная в статистических средних, характеризует не каждый отдельный элемент совокупности, а состояние всей совокупности в некотором определенном отношении. Понятие фиксирует одинаковое, присущее всем единичным объектам, охватывает их родовые, качественные признаки и отличается устойчивостью. Его функция в исследовании — опосредствуя сходный опыт, конструировать непосредственно не наблюдаемые переменные.

Во всех подходах надежность обобщений обеспечивается содержательной обоснованностью посылок для операций с индивидуальными данными. Сами эти операции осуществляются по индуктивной схеме, определяя тем самым собственно индуктивный характер всего конкретно-социологического исследования как метода эмпирических обобщений. Последний, как известно, «никогда не дает полной достоверности, оставляя открытыми возможности для уточнения результатов», поскольку «любые эмпирические обобщения и законы в принципе носят вероятностный характер»⁷⁻⁸.

⁷⁻⁸ Философская энциклопедия, т. 3, с. 422—423.

Классический логический подход к решению проблемы достоверности выводного эмпирического знания заключается в обосновании индукции. Однако обоснование индукции не решает проблемы, так как проблема обоснования эмпирического вывода не покрывается решением проблемы логического оправдания индукции.

В практике марксистских социальных исследований повышение надежности индуктивных методов обеспечивается их использованием в комплексе с другими методологическими процедурами — абстрагированием, аналогией, гипотетико-дедуктивным методом.

Важным источником повышения надежности выводов, получаемых с помощью этих методов, является дополнение их дедуктивной проверкой, нацеленной на объяснение наличных и предвидение новых данных с помощью гипотезы. Впервые концепцию такого подхода в эмпирической социологии попытался выработать Ф. Знанецкий.

По мнению Ф. Знанецкого, «истинно научным» методом социологии является только индукция. Правда, таковой он считал аналитическую индукцию — метод, усовершенствованный им для использования в социологии. С помощью этого метода он стремился избавиться от недостатков индукции путем простого перечисления. Индукция через перечисление рассматривает все или многие известные признаки подобных объектов, которые благодаря своему общему характеру поддаются абстрагированию.

Аналитическая индукция исходит из обратного — абстрагируя определенные признаки объектов, обобщает их на основании их предполагаемого существенного характера. Иначе — индукция через простое перечисление абстрагирует при помощи обобщения, а аналитическая индукция обобщает с помощью абстракции⁹.

В отличие от классической индукции, над выводами которой всегда висит дамоклов меч ошибки, аналитическая индукция претендует на достоверные выводы. Ф. Знанецкий утверждал, что аналитическая индукция ведет к исчерпывающему знанию о любых изучаемых случаях и к истинному знанию причинности.

⁹ J. Szczepański. Socjologia. Rozwój problematyki i metod. Warszawa, 1967, s. s. 378, 386.

Процедурно она начинается с некоторой объяснительной гипотезы и предварительного определения того, что должно быть объяснено. Затем гипотеза неоднократно подвергается модификации с тем, чтобы она могла охватить все признаки исследуемых объектов, а последние определяются вторично, чтобы исключить те из них, которые не объясняются гипотезой. При этом гипотеза распространяется на объекты строго определенной совокупности, а последняя включает только те объекты, которые гипотеза в состоянии объяснить. По отношению к исключенным объектам создаются другие гипотезы. Каждой гипотезе должны соответствовать определенные, проверенные эмпирические данные. Путем исключения гипотез, опровергнутых соотнесением с эмпирическими данными, социолог приходит к единой гипотезе или к нескольким, которые подтверждаются.

Аналитическая индукция действительно повышает достоверность некоторых выводов. Ее можно рассматривать как противоборство обобщений, в ходе которого последовательное исключение необоснованных обобщений приводит в конце концов к единственно правильному. Логический механизм этого процесса очень прост и типичен для индукции: ни один пример подтверждения обобщения не может быть доказательством его истинности, но всякий опровергающий случай является доказательством его ошибочности.

Как и любая разновидность исключаящей индукции аналитическая индукция осуществляется по нормам, впервые сформулированным еще Дж. С. Миллем, который усматривал в них каноны для открытия причинной зависимости явлений. На самом же деле их значение заключается в том, что они дают возможность исключить определенные факторы и тем самым отбросить как несостоятельные некоторые индуктивные обобщения. С помощью этих канонов можно вывести простые эмпирические зависимости в пределах описательного знания. Объяснение им дает только теория, являющаяся формой достоверного знания, которое, хотя и не создается таким путем, однако неизбежно связано с индуктивным выводом.

Из вышесказанного следует сделать такой вывод: социолог, который пользуется эмпирическими методами исследования, никогда не должен забывать, что получен-

ные им результаты носят вероятностный характер. Их вероятность колеблется в пределах от 0 до 1, может быть, никогда не достигая последней. Однако это вовсе не является основанием для игнорирования индуктивно-статистических процедур. Ведь вероятность является объективным признаком определенных связей действительности. Вероятное знание выражается определенной величиной по отношению к определенным объективным условиям, в которых оно создается, и к способам его создания. С изменением этих условий изменяется и степень его вероятности.

Вероятность результатов конкретного социологического исследования можно повысить путем создания определенных условий познания и совершенствования процедуры и техники, способных обеспечить доброкачественность первичных эмпирических данных и надежность их обработки. Мы никогда не достигнем этим путем полной достоверности результатов, однако можем приблизиться к ней настолько, чтобы пренебрегать различием между вероятностью и достоверностью при использовании их для построения эмпирической теории¹⁰.

Именно поэтому социологи придают первоочередное значение проблеме «достоверности», «качества» и «надежности» социологической информации. Содержание этих понятий мы проанализируем во втором параграфе данной главы, поскольку они имеют большое методологическое значение в эмпирическом исследовании. А пока рассмотрим основные понятия и элементы структуры конкретного социологического знания, поскольку анализ этих элементов в процессе исследования с точки зрения данной проблемы требует различных процедурных подходов. Это вызывается также необходимостью унификации и упорядочения соответствующей терминологии.

Исходным первичным элементом эмпирического знания являются собранные первичные данные об исследуемом объекте. Мы абстрагируемся здесь от того, что их сбор предваряет гипотеза и программа, которые вы-

¹⁰ «Не следует бояться применить слово «достоверность», — замечает по этому поводу известный французский математик Э. Борель, — для обозначения вероятности, которая отличается от единицы на достаточно малую величину». — Э. Б о р е л ь. Вероятность и достоверность. М., 1961, с. 7.

полняют функцию теоретической ориентации эмпирического исследования.

Первичное данное (протокол единичного наблюдения, личный документ, заполненная анкета, зафиксированные ответы респондента и т. п.) несет в себе информацию только о том состоянии объекта, которое имело место в определенной эмпирической ситуации. Последняя — это контакт, взаимодействие объекта и субъекта исследования, в результате которого получается отдельное эмпирическое данное. Всякое первичное данное, фиксируя единичную эмпирическую ситуацию, носит в известной мере случайный характер. Оно может быть научно необоснованным фактом обыденного сознания, которое нередко видит только то, что «находится под носом», а может быть и достоверным высказыванием. Задача научного социологического исследования заключается в том, чтобы в высказываниях, являющихся субъективным мнением о действительности, выделить такое содержание, которое не зависит от субъективности их авторов, т. е. обнаружить его объективную истинность. Для этого исследователь должен иметь достаточно репрезентативный массив первичных данных — первичную социологическую информацию. Эту информацию ему необходимо затем «перевести» в более достоверную форму эмпирического знания путем максимально возможного освобождения от субъективного и случайного в ее содержании. Орудием такого «перевода» выступают определенные статистические методы.

В результате статистической обработки первичной информации получают определенные статистические показатели: средние величины, показатели вариации, дисперсии, моду, медиану и т. п. Упорядоченную после статистической обработки информацию мы называем вторичной. Вторичными данными в специальной литературе издавна называют также статистические данные, взятые из другого исследования, если известно, что получены они достаточно корректным способом, соответствующим требованиям статистического наблюдения¹¹. Всякая статистическая сводка — вторичная информация.

В социологической литературе встречается и другое толкование понятий первичной и вторичной социологи-

¹¹ Г. М а й р. Статистика и обществоведение. СПб., 1899, с. 56.

ческой информации, с которым мы не можем согласиться. Так, Л. Н. Суворов считает, что первичная информация — это результаты исследования, «выводы, раскрывающие специфику существования и развития наблюдавшегося объекта», а вторичная — «выводы и обобщения всех областей социального знания»¹², к которым прибегают социологи. Мы согласны с другим мнением, что «первичная информация представляет собой «сырой», необработанный материал», и «характерной особенностью этого вида информации является то, что она получена в форме, не приспособленной для непосредственного ее использования»¹³. Это — массив сведений об объекте исследования, получаемый в виде анкетных данных, данных интервью, наблюдений, а также данных, почерпнутых из личных документов и документов первичного учета. Будучи описанием единичных ситуаций, эти данные, как убедительно показал А. И. Ракитов¹⁴, не могут дать исчерпывающую характеристику объекта, а тем более — не могут раскрыть специфику его существования и развития.

Вторичная информация, по определению Л. Н. Суворова, — это теоретическое знание, которое не имеет непосредственного отношения к объекту данного конкретно-социологического исследования. Оно получено ранее и с иными целями. Такое определение исключает эту информацию из структуры специального эмпирического знания и не отражает специфику конкретно-социологического исследования. Вторичная информация, в нашем понимании, — это форма эмпирического знания. По сравнению с первичной она является более высокой ступенью, с точки зрения достоверности, поскольку значительно нивелирует различные случайные и субъективные элементы в его содержании, неизбежные в первичной информации. Вероятность ее истинности может быть близка к единице, поэтому она как статистическое резюме

¹² Л. Н. Суворов. Первичная и вторичная информация в марксистских социологических исследованиях. — «Философские науки», 1967, № 3, с. 67.

¹³ Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968, с. 9—10.

¹⁴ А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания. — В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964, с. 381—384.

ме может выступать надежным основанием описательной (эмпирической) теории. Эта информация может быть также формой проверки (интерпретации) более общей социологической теории, поскольку она отвечает таким требованиям: во-первых, описывает и в определенной мере объясняет объект в целом, а не отдельные его стороны, как первичная; во-вторых, относительно свободна от ошибок; в-третьих, основывается на непосредственных, собранных самим исследователем данных, степень надежности которых ему известна.

Вторичная информация, благодаря этим качествам, дает возможность отыскать эмпирические референты понятиям общей теории, однако сама не является теорией. Массив вторичной информации, уплотненный в определенной концептуальной системе, является надежным базисом теории. Созданием эмпирического базиса теории нередко достигается цель конкретного социологического исследования. Однако он еще не является достоверным знанием. Достоверным знанием может быть только теория, построенная на таком основании.

Теория же не является простым обобщением научных фактов, полученных в результате эмпирического исследования. Она формируется как гипотеза с привлечением не только эмпирического материала, но и теоретических выводов, причем как в начале построения, так и в зависимости от потребностей ее разворачивания. Гипотеза должна быть обязательно проверяемой. Из нее выводятся определенные следствия, которые, в свою очередь, подтверждаются или опровергаются путем соотнесения с действительной эмпирией, с проверенными фактами.

Констатацией эмпирических законов обеспечивается подтверждаемость теоретических положений. Окончательным, но не всегда непосредственным критерием, который определяет достоверность знания, выступает практика. Опосредованно таким критерием могут быть различные экспериментальные формы практики или определенные логические способы доказательства, также являющиеся формами осознания практики.

При определении достоверности выводов конкретного социологического исследования нельзя, однако, все сводить к критерию непосредственной практики, тем более что это не всегда возможно осуществить достаточно

своевременно и полностью. «Не надо забывать,— указывал В. И. Ленин,— что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления»¹⁵. Поэтому проблема достоверности выводов социологического исследования должна решаться уже в процессе исследования. Анализ отдельных структур эмпирического знания в процессе его формирования часто бывает единственным возможным способом контроля его истинности. В силу этого, как подчеркивал К. Маркс, «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»¹⁶.

Необходимость реализации этого условия диктуется не только естественным стремлением к достоверному знанию, но и спецификой внедрения социологического знания в практику. Дело в том, что потребитель социологической информации («социальный заказчик»), за редким исключением, не может проверить ее качества и полностью полагается на ее «поставщиков», социологов. А это требует от них особенного внимания к процессу ее получения, к методологии и процедуре обеспечения ее надежности и качества.

Основные принципы методологического подхода к определению достоверности тех или иных исследовательских выводов определили классики марксизма-ленинизма. Это, во-первых, последовательно проведенный материализм — установление объективной истинности фактов и законов, доказывающих определенный тезис. Во-вторых, последовательно проведенная диалектика при решении вопросов «как собрать факты?», «как установить между ними связь и взаимозависимость?», чтобы в итоге «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться»¹⁷. При этом важным исследовательским принципом для социолога является и указание В. И. Ленина о том, что «для установления истины необходимо... самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания»¹⁸.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145—146.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 7.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 67.

ка- Применение этих принципов жизненно важно в лю-
не бой сфере знания, особенно на уровне прикладных
рг- исследований. Цель прикладных исследований в социоло-
ого гии, как уже отмечалось, достигается с получением вто-
вы- ричной социологической информации, или просто —
ься социологической информации как продукции, удовлетво-
ук- ряющей непосредственные потребности практики. Это
ния является отличительным признаком прикладных иссле-
ро- дований, но нередко характерно и для поисковых. По-
зал- этому анализ отдельных элементов структуры эмпири-
ве- ческого знания, и особенно процесса его формирования,
тс- представляется чрезвычайно важной задачей, решение
ому которой обеспечит исследователю-практику надежность
ого и необходимое качество результатов и в конце концов —
ио- достоверность социологического знания.

за Социолог-марксист всегда обязан руководствоваться
тва указанием К. Маркса о том, что «истинное исследова-
ло- ние — это развернутая истина, разъединенные звенья
дес- которой соединяются в конечном итоге»¹⁹. Методом вся-
ече- кого «истинного исследования» является, как известно,
а и диалектический метод, единственно способный направ-
ова- лять научное исследование на правильное использова-
ени- ние всего богатства исследовательских приемов, исход-
ный- ных принципов и основополагающих теоретических идей.
ости Диалектический подход в исследовании не допускает
зис- применения умозрительных схем и шаблонов, требует
ик- правильного сбора, адекватной оценки, надежной обра-
ста- ботки и объективной интерпретации эмпирических дан-
об- ных.

ПОНЯТИЕ НАДЕЖНОСТИ В ЭМПИРИЧЕСКИХ НАУКАХ И СОЦИОЛОГИИ

В решении проблемы надежности исходной социоло-
том- гической информации социологи делают только первые
про- шаги. По мнению известного болгарского социолога
л- Ст. Михайлова, эта область вообще «еще не тронутая це-
»²⁰ лина». На то, что «проблема повышения качества

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 7—8.

²⁰ Ст. Михайлов. Отношение к достоверности в эмпи-
ричного социологически исследоване. — «Социологически проблеми»,
брой 2. София, 1969, с. 18.

социологической информации еще далека от решения и что усилия социологов должны быть в значительной мере направлены на многообразные вопросы надежности результатов проводимых исследований»²¹, обращают внимание и некоторые советские специалисты по методике эмпирических социологических исследований. Поэтому нельзя не присоединиться к мысли Ст. Михайлова о том, что «в этой области можно и необходимо общими усилиями усовершенствовать социологическое познание на методологических основах марксистско-ленинской теории»²².

Следует отметить, что актуальной эта проблема является и для буржуазных социологов-эмпириков, которые, однако, в попытках ее решения исходят из других методологических предпосылок. Известны неопозитивистские притязания на монополию в разработке данной проблемы. Это делает необходимость ее марксистского исследования особенно острой. В связи с этим задача заключается не только в конструктивной разработке проблемы надежности социологической информации, но и в содержательной и достаточно аргументированной критике буржуазных концепций по этой проблеме.

Несмотря на актуальность этой проблемы, в нашей социологической литературе пока нет фундаментальных работ, где бы она специально монографически исследовалась. Несколько отдельных статей, которые были опубликованы в сборниках²³, касаются преимущественно процедурно-технических аспектов обеспечения качества первичных и вторичных данных, надежности их об-

²¹ Читатель и газета. Информационный бюллетень ССА, № 35. Серия: Материалы и сообщения. М., 1969, с. XXXVIII.

²² Ст. Михайлов. Основы проблемы достоверности в эмпирическом социологическом исследовании, с. 18.

²³ В. Э. Шляпентох. Некоторые методологические и методические проблемы социологии печати.— В сб.: Проблемы социологии печати, вып. 1. Новосибирск, 1969; Д. В. Демин. Некоторые научно-организационные вопросы экономичности и надежности социологического исследования.— Там же; В. З. Коган, В. С. Таплина. К вопросу об обеспечении надежности первичной социологической информации.— В сб.: Проблемы социологии печати, вып. 2. Новосибирск, 1970; М. В. Захарченко. Про можливість деформації образу дійсності в конкретному соціологічному дослідженні.— В зб. Соціологічні дослідження, вип. 2, К., 1971.

работки, контроля и т. п. Не является исключением и недавно опубликованная книга В. Э. Шляпентоха²⁴, в которой рассматриваются проблемы надежности процедуры опросов.

Отсутствие методологических разработок данной проблемы чувствительно сказывается на концептуальном аппарате конкретной социологии и в конце концов — на качестве научной социологической литературы. Нередко приходится встречать в публикациях по социологии произвольные или даже противоречивые и неправильные истолкования понятий, касающихся данной проблемы. Иногда эти понятия имеют противоречивые определения, а некоторые из них, как, например, надежность и достоверность, качество и точность, искренность и истинность, обоснованность и объективность, — употребляются как синонимы. Такое употребление этих терминов в социологии является, очевидно, следствием заимствования их смысла из обыденного языка, слова которого не отличаются строго фиксированным смысловым содержанием. Например, словари русского языка В. Даля, С. И. Ожегова, некоторые академические издания истолковывают слова «надежность» и «достоверность» совершенно или почти аналогично. Их английский эквивалент *reliability* и немецкий *Zuverlässigkeit* употребляются в обыденной речи и в значении надежности, и в значении достоверности.

Понятия обыденного сознания, адаптированные наукой, требуют обычно уточнения и имеют ограниченное применение, в противном случае они не приобретают научного содержания. В естественных науках этот процесс осуществляется довольно быстро, нередко конвенциональным путем. В гуманитарных же науках, к сожалению, чаще всего лишь неоправданно длительная практика использования тех или иных понятий уточняет их место в концептуальном аппарате науки.

В такой ситуации находится сейчас конкретная социология, понятийный аппарат которой еще далеко не сложился. Именно поэтому в социологической литературе в одних случаях мы читаем, что достоверность социологической информации — это вопрос об искренности

²⁴ В. Э. Шляпентох. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М., 1973.

респондентов²⁵, в других достоверность — это очевидность («я видел, слышал, читал») или «общепринятость» эмпирических данных («все (или многие) так говорят») ²⁶, в третьих — «под достоверностью понимается точность показаний инструмента при измерении» ²⁷. Иногда считают, что «достоверность состоит в совпадении фактических наблюдений различных наблюдателей в отношении одного и того же объекта» ²⁸, или несколько иначе: «в конце концов, достоверность является адекватной регистрацией» эмпирических данных ²⁹ и т. д. Соответствуют ли эти определения научному пониманию этого термина? Преимущественно нет.

В марксистской гносеологии достоверность — это категория, противоположная вероятности. Вероятность и достоверность — две характеристики доказательности знания. Отдельное высказывание, концепция или теория являются формами достоверного знания, если имеется достаточное основание утверждать, что их истинность окончательно установлена. Иными словами, — это знание, не требующее дальнейшего доказательства. Вероятное же знание — это знание, требующее дальнейшего доказательства, поскольку в отношении его имеется сомнение, что оно может оказаться ложным.

Достоверность, как и вероятность, рассматривается в марксистской гносеологии в связи с основной в гносеологическом отношении категорией истины. Она не тождественна ей, как это иногда считают, а является лишь ее определенностью. Достоверность И. Элез определяет как «один из способов существования истины «для нас», при котором совпадение соответствия между познанием и объектом и знания этого соответствия... выступает для субъекта как полностью установленное» ³⁰. В определении достоверности знания фиксируют-

²⁵ Е. Антосенков, З. Куприянова. Текучесть рабочих кадров в строительстве. Новосибирск, 1970, с. 231.

²⁶ Коллектив колхозников. М., 1970, с. 27.

²⁷ К. Мозер. Методы социального исследования. Информационный бюллетень ССА, № 32, вып. 2. М., 1970, с. 123.

²⁸ Р. Пэнто, М. Гравитц. Методы социальных наук. М., 1972, с. 297.

²⁹ Ст. Михайлов. Отношение к достоверности в эмпирическом социологическом исследовании. — «Социологические проблемы», брой 2, с. 99.

³⁰ Философская энциклопедия, т. 2, с. 55.

ся, таким образом, два аспекта: указывается как на установленность его истинности, так и на убежденность, уверенность субъекта в этом.

Первый аспект означает, собственно, обоснованность истинности знания, которая обычно осуществляется в форме практического подтверждения или логического доказательства. Второй аспект — убеждение, с которым субъект познания относится к истинности того или иного положения, зависит, прежде всего, от логического обоснования и от личности субъекта познания. Поскольку убеждение является субъективной характеристикой, этот аспект особенно важно рассматривать в его связи с первым. Приведенные же выше толкования достоверности некоторыми социологами грешат именно такой односторонностью.

Действительно, исследователь может быть убежденным в искренности высказываний респондента, однако это не исключает того, что высказывания могут быть ложными. Он может также адекватно регистрировать высказывания респондентов, но они могут оказаться неискренними. В связи с этим следует различать понятия «достоверность» и «правдивость». Термины «правда», «неправда», «искренность» и «неискренность» могут обозначать правдивое и неправдивое выражение мнений респондентов, независимо от того, являются ли они истинными или ложными. Многие высказывания могут оказаться правдивыми (искренними), но ложными, и наоборот, — неправдивыми, но истинными.

Определения достоверности цитированными ранее авторами являются скорее определения *надежности* той или иной информации или метода ее получения.

Понятие надежности более связано с понятием вероятности, поскольку оно характеризует такие познавательные процессы, выводы которых носят вероятностный характер. Оно является функциональным понятием в тех областях знания, которые пользуются эмпирическими методами и основываются на вероятностных расчетах. В этих случаях надежность означает способность с большой вероятностью обеспечивать получение искомого, запрограммированного результата.

В социологии оно приобретает методологический смысл как характеристика процедуры и результатов познавательной деятельности. Если в этом процессе иссле-

дователь не имеет достаточно полного представления о достоверности получаемого знания, понятие надежности хорошо «работает» при определении меры адекватности знания объекту. Это позволяет ему до некоторой степени абстрагироваться от нерешенных логических проблем и противоречий индуктивного вывода достоверного знания и определять адекватность как надежность.

Характеризуя метод или инструмент исследования, надежность означает уверенность в том, что при данных условиях отношение числа m — случаев достижения некоторой цели к числу n — случаев применения этих средств исследования, а следовательно, величина, измеряемая дробью $\frac{m}{n}$ приближается к 1 при достаточно большом числе случаев применения данных средств исследования. Иначе говоря, метод (инструмент) считается надежным, если он с большой вероятностью (в идеале — всегда) обеспечивает получение искомого результата, т. е. такого, качество выполнения которого удовлетворяет исследователя. Соответственно информацию, полученную с помощью надежного метода, называют надежной, или качественной. Как таковая она должна относительно исключать процедурно-технические ошибки — «возмущающее» влияние средств исследования и не отражать индивидуальных особенностей личности исследователя.

Однако такое толкование понятия надежности не единственно возможное и не единственно правильное. Рассматривая это понятие за пределами техники, где оно впервые приобрело специфическое научное значение³¹, обычно исходят (как и в рассмотренном случае) из этимологии этого слова. Но при таком интуитивном подходе теряется тот точный смысл, который приобрело это понятие в технике. По этимологии слово «надежность» в конкретных случаях применения связывают с несомненностью, уверенностью, прочностью, плотностью, устойчивостью, основательностью, солидностью и т. п.

³¹ В технике под надежностью понимают способность определенной системы или ее элементов сохранять и поддерживать постоянство нормального (исправного) функционирования в заданных условиях эксплуатации.

В этих значениях оно и проникает в биологию, психологию, социологию и другие науки. Количественный подход, успешно применяемый при определении надежности технических систем, привлекает многих исследователей к аналогичному применению его в других областях знания, по отношению к другим системам. Однако в этих случаях понятие надежности, как увидим, неизбежно трансформируется: оно неоправданно или отождествляется с понятием стабильности, или сводится к значению философской категории. Так, например, В. Г. Пушкин считает, что понятие надежности по своему статусу является (или, по меньшей мере, становится) философской категорией³². Вряд ли философы согласятся с этим утверждением, хотя никто не станет отрицать факт общенаучного значения этого понятия. Конечно, в настоящее время в различных отраслях знания и даже на различных уровнях внутри его понятие надежности приобрело разное истолкование и различные оттенки значения, однако это различие имеет и общее.

Одни трактовки понятия надежности касаются описания объективных свойств реально существующих материальных систем, другие носят преимущественно аксиологический характер: надежность рассматривается как оценочная характеристика процессов деятельности людей, информационных процессов, качества продуктов труда, результатов исследования и т. п. Типичное первое истолкование этого понятия мы находим, например, у А. К. Астафьева: «Понятие надежности раскрывает особое качество сохраняемости (степень исправного функционирования) сложно-телеономических систем, к которым относятся технические системы, живые образования всех форм и уровней организации, а также социальные явления»³³.

Академик П. К. Анохин понятие надежности рассматривает примерно в том же плане в связи с анализом саморегуляции живых систем. Однако надежность системы П. К. Анохин связывает с надежностью результата ее деятельности. Результат рассматривается им как своеобразный организатор деятельности системы,

³² В. Г. Пушкин. Проблема надежности. М., 1971, с. 47—66.

³³ А. К. Астафьев. Философские аспекты проблемы надежности живых систем. Автор. канд. дис. Л., 1968, с. 5.

направляющий ее функционирование на поддержку и сохранение устойчивости в условиях возмущающих влияний. «Термин «надежность», — пишет П. К. Анохин, — во всех саморегулирующих системах, как общественных, так и биологических и механических, может быть применим только к результату деятельности системы»³⁴. Такая трактовка имеет уже и аксиологический аспект.

В прикладном аспекте надежность — это чаще всего характеристика качества результата или продукта деятельности людей. Понятие надежности определяется здесь также и как характеристика самого процесса, как вероятность достижения определенной цели. Употребляется оно и в значении характеристики орудий и средств деятельности, как количественный показатель их эффективности и т. д. Поэтому понятие надежности трактуется в одних случаях в смысле нормативности, в других — в смысле образцовости, точности, постоянства или же в смысле результативности и т. д. Во всех случаях толкования понятие надежности так или иначе связывают со стремлением избавиться в известных процессах от ошибок, нарушений, флуктуаций.

В связи с этим теория надежности и развивается в прикладных науках как дисциплина, изучающая закономерности, которых следует придерживаться при проектировании, изготовлении, испытании и эксплуатации изделий для получения максимального эффекта от их использования. Здесь надежность — это «качество», «развернутое во времени», «способность изделия сохранять качество при определенных условиях эксплуатации»³⁵ или «числительный, статистически вероятностный показатель качества»³⁶.

В работах зарубежных авторов надежность в прикладном значении также понимается чаще всего как вероятность сохранения заданного качества на протяже-

³⁴ П. К. Анохин. Методологическое значение кибернетических закономерностей. — В сб.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968, с. 582.

³⁵ Б. В. Гнеденко, Ю. К. Беляев, А. Д. Соловьев. Математические методы в теории надежности и основные ее характеристики. М., 1965, стр. 80.

³⁶ А. И. Берг. Предисловие к кн.: Я. Сорин, А. Лебедев. Главное мерило качества. М., 1962, с. 4.

нии определенного промежутка времени. Нередко она просто определяется как качество (quality) или способность (ability), которую также следует понимать как синоним качества или свойства³⁷, иногда — как вероятность достижения успеха (probability of success)³⁸.

Различия в определениях обусловлены тем, что авторы их в каждом отдельном случае исходят из собственных прагматических позиций, поскольку общая теория надежности еще не создана. Однако нетрудно заметить, что понятие надежности, определяемое дескриптивно, через «свойства», «черты», «способности» и т. п. (надежность — пригодность удовлетворять определенным требованиям), или определяемое нормативно, через оценку (надежность — инвариант, с которым сравниваются результаты, продукты деятельности), или просктивно (надежность — необходимый образец) — в любом случае согласуется с прикладным понятием качества. На этом понятии следует остановиться подробно, поскольку оно широко употребляется в социологической литературе как характеристика отдельных эмпирических данных, результатов обобщений, а также самого процесса конкретного социологического исследования. При этом прикладное понятие качества не тождественно философской категории качества.

Философы, начиная с древних, как известно относят понятие качества к системе наиболее общих понятий бытия. Почти без изменений оно издавна рассматривается ими как «тождественная с бытием, непосредственная определенность... Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть»³⁹. Со временем понятие качества прижилось и в обыденном языке, а с развитием производства — в товароведении, технике и т. д., принимая, однако, разные значения в различных языках⁴⁰.

³⁷ D. K. Lloyd, M. Lipow. Reliability: Management, Methods and Matematiks. New Jersey, 1962. R. H. Myers, K. L. Wong, H. M. Jordy. Reliability Engineering for Elektronik Systems. N. Y., London, Sydney, 1964.

³⁸ F. E. Wenger. How Much Reliability. «IEEE Transactions on Reliability», June, 1964, vol. R.— 13, N 2.

³⁹ Гегель. Соч., т. 1. М.— Л., 1929, с. 157.

⁴⁰ См.: A. Killiński. Jakość, czyli nie wiadomo co.— «Miesięcznik Literacki», 1968, N 1.

Философское понятие качества хорошо «работает» на уровне гносеологических рассуждений, но оно не имеет операциональных показателей, необходимых в эмпирическом исследовании. Для ученых, занимающихся эмпирическими исследованиями, оно приобретает смысл только тогда, когда выступает конкретной определенностью в богатстве своих онтологических характеристик, когда оно является мерою, или иначе, — когда качество анализируется количественно со стороны его пространственно-временных границ и структуры. В этом случае качество выступает конкретно, выражая фиксированную совокупность свойств вещей, в которых «определенность положена уже больше не как тождественная с самим бытием, а как снятая»⁴¹.

В прикладных науках термин «качество» означает, как и в обыденном языке, «степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т. п., соответствия тому, какими они должны быть»⁴². «Мера свойств», очевидно, является тем звеном, которое связывает конкретно-научное и философское понятие качества. Эта связь особенно просматривается в историко-философской традиции интерпретации меры как соразмерности качества и количества. В античной концепции соразмерность качества и количества согласуется с понятием нормативности. Нормативное рассматривается как полноценное в вещах, имеющее идеальную структуру и упорядоченность в условиях их реального функционирования (перипатетики, неоплатоники, эпикурейцы)⁴³.

Античная концепция меры, сформировавшаяся в эпоху эллинизма, только видоизменялась в последующее время, но уже никогда не забывалась. Обыденное понимание качества, если внимательно присмотреться, оказывается также ничем иным, как определением адекватности понятия о вещи совокупности ее объективных свойств, или иначе — мерою соответствия вещи идее о ней (не обязательно априорной). Такое понимание качества совпадает с понятием идеала, который (с философской точки зрения) также является соразмерностью, адекватным единством идеи и ее опредмеченности.

⁴¹ Гегель. Соч., т. 1, с. 170.

⁴² Словарь русского языка в 4 томах. т. II. М., 1958, с. 53.

⁴³ Философская энциклопедия, т. 3, с. 392.

Как видим, философская и прикладная интерпретации качества хотя и отличаются, однако не противоречат друг другу. Отличие этих интерпретаций заключается в том, что диалектический материализм не отождествляет качество с механической совокупностью свойств. Для прикладного же употребления понятия качества вполне достаточно определения его через совокупность существенных свойств, как это и имело место в философии.

В рамках такого определения качество — относительно, поскольку оно зависит от свойств, которые в разнообразии связей и отношений проявляют различную существенность, т. е. в различных отношениях существенными бывают разные свойства. Наконец, общим в различных толкованиях качества является то, что определенные величины, характеризующие качество с количественной стороны, имеют место в относительно точно определенных границах. Выход за эти пределы приводит к соответствующим качественным изменениям.

В прикладных отраслях знания понятие качества употребляется обязательно в некотором узком отношении. По отношению к продукту оно имеет определенность с учетом цели, для которой он предназначен. Это означает, что один и тот же продукт может иметь различное качество в зависимости от потребностей, которые он должен удовлетворять. Такое понимание позволяет сделать некоторые выводы.

Для того чтобы иметь представление о качестве продукта, необходимо располагать данными о его существенных свойствах, а также об условиях его использования. Поскольку всякий продукт имеет определенную ценность, то качество характеризуется оценочными свойствами продуктов человеческой деятельности.

В философской литературе существуют попытки отыскать общий подход к определению качества любых продуктов путем оценки отношения проективного качества продуктов к его существенным свойствам. Значительные усилия на этом пути прилагают польские праксеологи. Определяя качество вообще как «отношение между изделием и потребностью», интересующее в одинаковой мере как производителя, так и потребителя изделия, М. Мазур, например, выделяет более конкретные виды качества: «качество образца» и «качество нормы».

Первое — это отношение между образцом и потребностью, второе — отношение между нормой и образцом⁴⁴. Поскольку они не тождественны (изделия могут быть нормальными, но не образцовыми), вводится понятие «нормализатора» — посредника между продуктом и потребителем. Им, видимо, является лицо, проектирующее качество продукта. С заданной целью это лицо может создать «реестр отличительных свойств» продукта, или «качество образца».

Аналогично может быть построен образец действий. Исходя из реестра отличительных свойств, лицо, разрабатывающее образец действий, может постулировать качество работы путем перевода целей, с учетом которых создается продукт, оценивается работа исполнителей, материал и инструмент изготовления на отличительные свойства. Оценка качества продукта в конце концов представляется праксеологам как «суммарная праксеологическая оценка, прежде всего, эффективности, исправности и экономичности»⁴⁵.

Приведенная нами дефиниция делает возможным применение методов квалиметрии к анализу качества любого продукта. Квалиметрия как самостоятельная отрасль научного знания оформилась недавно⁴⁶, однако ее проблематика — количественное измерение и оценка качества продукции⁴⁷ — разрабатывается прикладными науками сравнительно давно. Исследователи исходили из простого предположения, что потребитель чаще всего в состоянии приписать свойствам продукта определенные количественные или качественные оценки и тем самым выразить соответствие или несоответствие продук-

⁴⁴ См.: M. Masur. Problem jakości.— «Prakseologia», 1969, N 32.

⁴⁵ T. Pszczolowski. Przechodzenie od rejestru cech do ocen jakości w roboty i pracy.— «Prakseologia», 1969, N 32, s. 13.

⁴⁶ Первая статья, авторы в которой наметили задачи и предложили сам термин «квалиметрия», была опубликована в 1968 г.— см.: Г. Г. Азгальдов и др. Квалиметрия — наука об измерениях качества продукции.— «Стандарты и качество», 1968, № 1.

⁴⁷ В квалиметрии отличают понятия «измерение» и «оценка». Первое означает процесс нахождения числового значения некоторого показателя, выражающего значение измеряемого свойства в соответствующих единицах измерения, другое — результат сопоставления, сравнения некоторого показателя с соответствующим показателем, взятым за эталон.

та известным требованиям к нему некоторой постоянной мерой.

Многие актуальные проблемы социальных исследований могут решаться (а частично уже и решаются) путем «социологизации» квалиметрии, т. е. использования ее методов в социологии. Таковы проблемы общеметодологического анализа качества и надежности социологических результатов, проблемы надежности измерений социальных переменных, использования математических моделей для преодоления трудностей, возникающих при квантификации социальных феноменов, а также проблемы общей теории ошибок, неизбежных во всяком эмпирическом исследовании, их типологии, методики предупреждения и исключения. Следует учесть также проблемы техники определения надежности самих методов и инструментов исследования и некоторые другие.

При решении этих проблем представляется перспективным использование количественных методов, предназначенных для обоснования выбора управленческих решений, методов исследования операций, опирающихся на теорию, игр, линейного, нелинейного и динамического программирования, а также математических моделей систем массового обслуживания, принципов построения, расчета и оптимизации показателей эффективности, разрабатываемых многими прикладными науками и т. д.

Рассмотренный подход к прикладному определению качества, очевидно, приемлем и в конкретной социологии. В прикладных социологических исследованиях определение качества как соответствия результатов исследования известной потребности в них приобретает довольно конкретное и операциональное содержание. Оно употребляется как характеристика не только в отношении к результатам исследования, но и к отдельным эмпирическим данным, к организационным элементам исследования, когда речь идет о надежности их получения, вывода, функционирования и использования. Так, например, по отношению к первичным данным часто употребляют термин «качество» в значении общего показателя их полноты, правдивости, полноценности и точности в отражении действительного положения вещей. Качество информации в таком понимании означает соразмерность адекватности и погрешности

в описании объекта, т. е. меру приближения результатов исследования к достоверности.

Как уже отмечалось, сложность общего определения качества продукта заключается в том, что последний характеризуется многогранностью определяющих его свойств. Несмотря на значительное количество работ по методике измерения тех или иных аспектов качества⁴⁸, все эти попытки свести измерение качества к единому критерию (коэффициенту качества) пока еще не имеют успеха или же, в успешных случаях, ограничиваются измерением простейших видов продукции. Чаще всего таким наиболее общим критерием качества продукта называют его надежность, которая действительно является существенным критерием качества продукта.

Понятие надежности является наиболее полной характеристикой продукта как результата деятельности и является для исследователя основанием для уверенности в его качестве. В известном сочинении «Трактат о хорошей работе» Т. Котарбиньский обращал внимание на то, что «та работа заслуживает доверия, которой присуща совокупность условий доброкачественной работы, гарантирующих получение надлежащего продукта»⁴⁹. Такой продукт он называет «солидным», понимая под этим термином то, «что немцы называют словом *zuverlässig*, а таким является все то, на что можно положиться, что заслуживает доверия»⁵⁰. Низкое качество (*tandeta*) — это противоположность «солидности».

Другой польский философ Я. Зеленовский в работе, получившей международное признание, определяет надежность, с одной стороны, как праксологическую оценку *безотказной деятельности* (средств, продуктов, людей), с другой стороны — как моральную оценку действующего субъекта, «который в пределах своего знания и возможности сделал все, что следовало» для

⁴⁸ Точный оценочный подход к определению качества результатов вообще — не новость в науке. Еще Ф. Бэкон доказывал необходимость «надежного и упорядоченного доступа» к изучению природы как условия получения «доброкачественного и хорошо подготовленного материала». См.: Ф. Бэкон. Соч., т. I, М., 1971, с. 81.

⁴⁹ T. Kotarbiński. Traktat o dobrej robocie. Warszawa, 1958, s. 145.

⁵⁰ Там же.

достижения поставленных задач⁵¹. Вообще, понятие надежности занимает в праксеологическом понятийном аппарате одно из центральных мест.

В буржуазной социологической литературе понятие надежности трактуется обычно слишком узко. Надежность (reliability) — это или «индекс, показывающий, в какой мере подобны результаты повторных измерений»⁵², или «стабильность результатов измерения»⁵³. Понятие надежности преимущественно употребляется как характеристика измерительного инструмента, реже надежным называют результаты, «если они независимы от личности получившего их исследователя и других случайностей процесса исследования»⁵⁴. Такое толкование понятия надежности заимствовано из экспериментальной психологии, в которой это понятие характеризует сугубо техническую сторону решения проблемы построения адекватного инструмента исследования. Возникла эта проблема в период разработки техники измерения латентных психических явлений. Здесь надежность — характеристика инструмента, определяющая его устойчивость, т. е. способность воспроизводить результаты измерения при повторении процедуры измерения одного и того же объекта в одних и тех же условиях. Коэффициент корреляции между ними имеет название «коэффициента надежности»⁵⁵.

В таком смысле понятие надежности не является всеобщим и не охватывает всех аспектов надежности конкретного социологического исследования. Конкретно-социологическое исследование — это сложный процесс сбора, переработки и передачи эмпирических данных. Как и во всяком информационном процессе, в этом процессе неизбежно возникают некоторые нарушения, ошибки, флуктуации. Поэтому проблема надежности социоло-

⁵¹ Я. Зеленовский. Организация трудовых коллективов, М., 1971, стр. 137; см.: J. Zieleniewski. Organizacja i zarzadzanie. Warszawa, 1969, s. 239.

⁵² Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966, с. 235.

⁵³ K. Roghman. Zuverlässigkeit.— In: Wörterbuch der Soziologie. Stuttgart, 1969.

⁵⁴ R. Mayntz, K. Holm, P. Hübner Einführung in die Methoden der Empirischen Soziologie. Köln und Opladen, 1969, s. 23.

⁵⁵ См. например: П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. М., 1966, с. 229.

логической информации возникает неизбежно, она сложна и не может иметь однозначного решения для всякого конкретного исследования.

Конечно, это вовсе не значит, что не может быть создано общей теории надежности социологической информации. В рамках такой теории могли бы разрабатываться возможности и способы повышения качества информации в процессе ее сбора, обработки, интерпретации и использования — все те пути, которые ведут к достоверным выводам.

В разных случаях и на различных этапах процесса исследования понятие надежности приобретает различное значение, но всегда остается характеристикой процесса преодоления известных нарушений и ошибок. Поэтому надежную социологическую информацию можно определить как информацию, в которой относительно отсутствуют ошибки, которая не деформирует познавательного образа объекта. Такая информация должна приближаться по качеству к достоверной⁵⁶, а значит, быть пригодной для практического использования. Выход в практику должен быть общим критерием качества социологической информации.

Таким образом, понятия качества и надежности информации являются характеристиками эмпирической процедуры научного исследования и поэтому пригодны для описания ее как процесса формирования надежного базиса теории как формы достоверного знания. Конкретно же в процессе исследования надежность социологической информации определяют и обуславливают различные факторы. Иногда выделяют четыре таких общих фактора:

1. Качество обработки первичных материалов.
2. Репрезентативность (включая проблему устойчивости во времени).
3. Адекватность собранных данных истинному положению вещей (например, соответствие высказанных мнений истинным суждениям опрошенных, так называемое качество ответов, или «ошибки регистрации»).

⁵⁶ Оптимальная надежность, в отличие от достоверности, — это качество в пределах определенного допуска. Повышение качества информации сверх принятых пределов не только может уменьшить ее надежность, но и неэкономично.

4. Обоснованность выводов⁵⁷.

В рамках выделенных четырех факторов надежности информации во многом раскрываются общие условия ее формирования как эмпирического базиса для социологических выводов. Однако эти факторы определяют преимущественно те ее параметры, которые сравнительно легко поддаются количественным оценкам. Качество собранных первичных данных, качество их обработки, репрезентативность данных и обоснованность выводов, конечно, являются необходимыми, но отнюдь не достаточными условиями надежности социологической информации. Надежность информации достигается не только путем контроля качества данных, на основании которых она получается (методический аспект). Ее фундамент закладывается уже в программе исследования (методологический аспект), с которой постоянно соотносят данные всех этапов исследования, прежде всего — с целью избежать узкого эмпиризма. Программирование дает исследователю научную теоретическую основу и ориентирует исследователя на более обоснованное, полное и адекватное воспроизведение действительного положения вещей.

Программа исследования также должна быть надежной. Она предполагает определение и формализацию (в схемах, графиках, моделях) основных зависимостей и связей между исследуемыми признаками, которые характеризуют структуру изучаемого явления. Программа должна предусматривать операционализацию общих понятий с возможностью построения индексов показателей их референтов и конкретизироваться в плане исследования, что, в свою очередь, должно преследовать цель качественно-количественного определения того, насколько надежно предусмотрены в гипотезах основные связи исследуемых явлений⁵⁸.

Ошибка в программе, даже в каком-либо одном ее звене, неизбежно влечет целую цепь ошибок в последующих операциях. Как следствие, полученные данные оказываются ненадежными, даже если применялись надежные методы и инструменты исследования, надежность

⁵⁷ См. Проблемы социологии печати, вып. I. Новосибирск, 1969, с. 128—129.

⁵⁸ См. А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 54—85.

которых, кстати, также должна быть определена программой. Этот аспект надежности процедуры особенно четко проявился в технических науках. Специалистам по электронной аппаратуре известно, например, что до 40% ее неисправностей — результат недостатков проектирования: неудовлетворительной отработки схем, погрешностей в расчетах, использования элементов в режимах, не предусмотренных техническими условиями, и т. п.

Очевидно, в социологическом исследовании процент ошибок в результатах, зависящих от неудовлетворительного программирования, также значительный, их трудно исключить полностью, поскольку недостатки программирования выявляются, главным образом, уже после его проведения. В. А. Ядов не без оснований считает, что построение доброкачественной программы — это минимум пятьдесят процентов интеллектуальных затрат на исследование. Другие пятьдесят процентов выпадают на ее осуществление⁵⁹.

Использование квалиметрических процедур при программировании социальных исследований, видимо, обеспечивает возможность определять столь же точно, как и в исследованиях научно-технических, процент вероятных ошибок и коэффициент надежности информации. В определенной мере это осуществляется сейчас при помощи аппарата математической статистики (например, при обеспечении репрезентативности данных), надежны также методы обработки данных и отдельные математические модели и т. д.

Однако трудности квантификации сложных социальных процессов не позволяют пока выработать единой квалиметрической процедуры, пригодной для большинства случаев. В дальнейшем изложении мы рассмотрим некоторые технические приемы повышения качества социологической информации, описанные в отечественной и зарубежной литературе. Но предварительно следует с марксистской точки зрения рассмотреть основные причины «неопределенности» социологической информации, необходимость изучения которых понимали даже основатели буржуазной позитивистской социоло-

⁵⁹ В. А. Ядов. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, с. 103.

гни⁶⁰. Это причины, обусловленные спецификой эмпирического исследования, особенно социологического, в котором объективная сторона (предмет, объект, средства исследования) находятся в тесной взаимосвязи с субъективной стороной (особенностями субъекта исследования, его квалификацией и т. п.).

Эта специфика вызывает трудно поддающееся учету взаимовлияние субъекта и объекта исследования, обременяющееся некоторой неопределенностью получаемых данных. Такой анализ необходим для вычленения тех аспектов (логических, методических, технических) процедуры исследования, которые в конце концов обеспечивают надежность получаемой информации.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСТРАНЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

«Принцип неопределенности» был, как известно, сформулирован В. Гейзенбергом в связи с необходимостью учета современной физикой влияния инструмента исследования на исследуемый объект. Всякая современная экспериментальная наука, если она хочет получать достаточно надежные результаты исследования, вынуждена считаться с этим принципом. В социологических исследованиях он приобретает особенно важное значение, поскольку в этом исследовании и объект, и субъект — «неклассические» стороны процесса исследования с точки зрения «классической» эмпирической науки, например физики. Парадоксально, но изучению этого принципа в социологии не уделяется пока должного внимания. Нередко при обеспечении надежности того или иного метода сбора информации социологи руководствуются лишь собственным опытом и интуитивными соображениями. А вместе с тем эта процедура требует тщательного анализа, который позволил бы уточнить важные вопросы «морфологии социологической деятельности» и снятия неопределенности первичной информации в процессе этой деятельности. Общеизвестно, что принцип неопределенности имеет гносеологическую интерпретацию, поскольку он характеризует связь между

⁶⁰ См.: Г. С п е н с е р. Изучение социологии. СПб., 1874, с. 14—16.

определенными, адекватными данными, которые получает субъект исследования об объекте, и неопределенностью данных, вызванной взаимным «возмущающим» влиянием субъекта и объекта.

Конкретному социологическому исследованию свойственны все основные черты эмпирического исследования. Но сложность и специфичность объектов социологического исследования, сравнительно небольшая практика проведения исследований и, естественно, более ограниченный, чем в естественно-научных исследованиях концептуальный и технико-методический аппарат, значительно отличают сам процесс эмпирического социологического исследования от аналогичных других. Отсюда также и различие в качестве получаемых данных.

В социологическом исследовании объект, как и субъект, — это так или иначе человек. Этим обусловлена необходимость изучения в любом конкретно-социологическом исследовании «возмущающего» влияния и объекта, и применяемой субъектом процедуры исследования.

Анализ процесса конкретного социологического исследования с точки зрения формирования в этом процессе достоверного социального знания может осуществляться на двух уровнях — методологическом и процедурном (к последнему мы относим и организационные мероприятия). На методологическом уровне исследователь имеет дело с двумя группами проблем: первая группа включает проблемы, относящиеся к объекту исследования, вторая — проблемы, относящиеся к самому исследовательскому процессу. Необходимость такого различения возникает по той причине, что изучение и объекта, и исследовательского процесса характеризуется специфическими особенностями.

Методологический уровень предусматривает анализ взаимоотношений субъекта и объекта исследования в целом и в конкретных эмпирических ситуациях, опосредствованных определенным методом исследования, анализ основных элементов структуры исследования с точки зрения выявления причин неадекватности получаемых данных действительному положению вещей и степени вероятности этой адекватности (уровень общего и особенного).

Процедурный уровень рассмотрения предполагает анализ собственно методов, техники и процедуры исследования в целях поиска внутренних возможностей для исключения «деформации информации» (Я. Щепаньский), которая возникает от их неадекватного применения. Это в первую очередь проблемы их надежности — обоснованности, устойчивости и чувствительности (уровень отдельного, специфического).

Анализ основных понятий любой научной дисциплины связан обычно с необходимостью определения ее предмета, ибо последний задаст границы и определяет смысл исходных понятий и в конце концов является определяющим началом любого проводимого в ее рамках конкретного исследования. Мы, однако, вовсе не намереваемся дать еще одно определение предмета конкретного социологического исследования. Тем не менее коснемся этого вопроса в связи с необходимостью рассмотрения особенностей объекта конкретно-социологического исследования.

В современной логической литературе стало общим местом различие «предмета» и «объекта» исследования, к тому же — в разных работах эти термины нередко меняются по значению местами. Предметом исследования будем называть совокупность эмпирических объектов и их отношений, которые существуют вне и независимо от исследователя (в гносеологическом смысле), а также наличное теоретическое знание и арсенал исследовательских средств, с помощью которых получают информацию от объекта. А область разворачивания предмета — предметная область исследования — это совокупность специфических для данной дисциплины проблем, на решение которых направлено исследование.

Объектом социологического исследования может быть социальный институт, группа или индивид, но независимо от этого исследователь всегда имеет дело с личностью (как источником информации) или отчужденными продуктами ее сознания (документами). Изучение объекта осуществляется как активный, творческий процесс, предварительно требующий рассмотрения объекта с точки зрения определенной проблематики. Это позволяет фокусировать объекты исследования в определенном направлении: если мы ставим вопрос, что такое данный объект как проблема, то тем самым

мы рассматриваем его как предмет исследования. Определив предмет исследования и объект, мы определяем и тему исследования в виде конкретной задачи.

Определившись в виде проблемы, объект исследования становится данностью субъекта, теми свойствами и отношениями, которые фиксируются исследователем. Субъектом социологического исследования выступает ученый или же коллектив научных сотрудников, который решает познавательную задачу нестривального содержания с целью получения *нового* знания. Решение этой задачи начинается как эмпирическое фиксирование субъектом «данностей» объекта.

Анализируя процесс эмпирического исследования, недостаточно ограничиться общей гносеологической схемой «субъект — объект познания». Поиск факторов, определяющих достоверность выводного эмпирического знания, предполагает рассмотрение конкретных условий его формирования — условий проведения исследования, характера и состояния средств исследования, а следовательно, и специфики отношения «субъект — объект исследования», в отличие от «субъект — объект познания» вообще.

Общая дихотомическая схема «субъект — объект познания», где субъектом выступает общество в целом, не учитывает конкретных факторов, влияющих на знание в процессе его формирования. Она не дает возможности судить об объективной значимости получаемых в этом процессе данных. Поэтому в последнее время в марксистской литературе рядом авторов поднимается вопрос о необходимости конкретизации этой схемы. Эти авторы выдвигают тезис о трехчленности структуры познавательного процесса. Одни из них предлагают конкретизировать его, опосредствовав понятием «условия познания» (П. С. Дышлевый) или «условия изучения предметов» (А. А. Зинovieв), другие предлагают взять на вооружение понятие «базис познания» (В. А. Штофф, В. П. Бранский), третьи — и то и другое вместе, как целое и часть (Н. А. Мариничева) и т. д.

Большинство же авторов конкретизацию общего гносеологического отношения понимают как конкретизацию характеристик субъекта и объекта. У П. С. Дышлевого, который наиболее продуктивно разрабатывает концепцию «условий познания», последние — это формы выра-

жения активности субъекта познания. Он обращает внимание на целесообразность установления отличий между объективностью в понимании наличия характеристик объекта «самого по себе», в рамках данной теории и в отношении фиксированных условий познания⁶¹.

Под «условиями познания» на эмпирическом уровне П. С. Дышлевыи понимает фон протекания исследуемых процессов, которые опосредствованным путем взаимодействуют с объектами, а также средства исследования последних (методы и совокупность инструментов измерения). Язык и способы интерпретации теоретических систем он относит к условиям познания на теоретическом уровне исследования⁶². Такая схема представляется достаточно продуктивной при анализе именно процесса исследования, поскольку при включении указанных элементов она уже перестает быть собственно общей гносеологической схемой процесса познания.

На гносеологическом уровне анализа вполне достаточно общей логико-гносеологической характеристики субъекта и объекта, ибо субъект собственно и является субъектом в качестве активно деятельного, использующего созданные обществом способы деятельности, накопленное знание, язык и все то, что П. С. Дышлевыи в совокупности относит к условиям познания.

Однако этой общей характеристики недостаточно, когда анализируется процесс научного исследования. Научное исследование как акт познания осуществляется на базе практического взаимодействия субъекта и объекта. Но здесь субъект уже не является субъектом в гносеологическом понимании, включающим в себя условия познания, он является конкретным субъектом, ученым-исследователем. При изучении этого процесса действительно уже недостаточно ограничиться общей схемой познания, рассмотрение условий исследования неизбежно, если мы хотим иметь представление о характере данных, получаемых в исследовании.

Этот процесс изучается логикой научного исследования, которая призвана давать «целостное знание о про-

⁶¹ П. С. Дышлевыи. Объект, субъект и условия познания в физике.— В сб.: Методологические проблемы теории измерений. К., 1966.

⁶² П. С. Дышлевыи. Ленин и философские вопросы релятивистской физики. К., 1969, с. 301.

цессе научного исследования, о его составных элементах»⁶³. Научное исследование как познание имеет свои специфические особенности, связанные с тем, что оно непосредственно направлено на получение результатов совершенно новых для субъекта (в гносеологическом значении). Логический анализ процесса конкретного социологического исследования требует и более конкретного рассмотрения его структуры, а это предполагает, прежде всего, выделение основных типов взаимоотношений субъекта и объекта, которые встречаются в конкретных случаях исследования. При этом обязательным должен быть учет того факта, что субъект конкретного социологического исследования изучает то, частью чего является он сам. Его определения связаны с различными ценностями, а само исследование пронизано социальными оценками, так как и его проблематика, и критерии исследователя, и используемые средства исследования находятся в одном и том же пространственно-временном взаимодействии.

В немногочисленных работах по логике процесса эмпирического исследования выделяются иногда типы взаимодействий объекта, условий наблюдения и исследователя⁶⁴, на которых мы потом остановимся. В социологическом исследовании типы взаимодействия трех названных его составных зависят от структурных особенностей каждой из них, но определяющее значение в этом процессе имеет объект исследования.

Для объекта социологического исследования характерно наличие всех атрибутов «неклассического» объекта. Неклассическими обычно называют объекты современной физики. М. Борн, образно иллюстрируя разницу между гносеологическими установками классической и квантовой физики, сравнивал современного физика-эк-

⁶³ Логика научного исследования. К., 1965, с. 8.

⁶⁴ А. И. Ракитов. Анатомия научного знания. М., 1969, с. 153—154. См. также: Количественные методы в социальных исследованиях. Информационный бюллетень ССА № 9. Серия: материалы и сообщения. М., 1968, с. 35. — К слову сказать, к «условиям наблюдения» в данном случае относят то же самое, что другие — к «условиям познания». Термин «наблюдение» употребляется здесь в смысле, который имеет место в логике науки — он обозначает всякую эмпирическую ситуацию получения первичной информации.

спериментатора с футбольным болельщиком, который, в отличие от театрального (классического) зрителя, своими бурно проявляемыми эмоциями влияет на игру, ее темп и ход.

Это сравнение «срабатывает» и в отношении конкретной социологии. Исследователь-социолог также «болельщик», его объект тем более не может быть наблюдаем классически — методами «замочной скважины», потому что, во-первых, он сам и его методы активно взаимодействуют с объектом, «возмущая» его и, в свою очередь, «возмущаются» им. Поэтому получаемые данные не могут быть нейтральными, безотносительными к способам и условиям их получения и в какой-то мере воспроизводят влияние последних.

Во-вторых, состояние объекта социологии изменяется в процессе исследования, поэтому данные о нем отражают только определенный момент его взаимодействия с субъектом. Следовательно, хотя первичная информация и дает нам ценные данные об объективной действительности, она вместе с тем несет в себе элементы неопределенности, нечто лишнее, субъективное, то, что зависит не только от объекта исследования, но и от взаимовлияния трех рассматриваемых составных процесса исследования.

В самом деле, качество данных, которые, например, сообщает респондент интервьюеру, зависит от различных объективных и субъективных факторов, большинство из которых пытаются учитывать в исследовании путем создания специальных условий и техники. Так, основное внимание исследователи обычно уделяют конструированию вопросника, зная, что «на глупые вопросы дают глупые ответы»; но не в меньшей мере качество данных зависит от техники его использования — контакта между двумя лицами. Некоторых «идолов», (по выражению Ф. Бэкона), искажающих процесс исследования, удастся, правда, элиминировать, предварительно определив тезавр (осведомленность) респондентов, их образовательный ценз и т. д.

Однако, даже определив меру несознательного искажения первичных данных, мы еще не устраняем всех субъективных факторов, влияющих на их качество. Респондент может также сознательно, из тех или иных побуждений, выдавать ложные суждения за истинные, и

наоборот⁶⁵. В этих случаях логический, математический и даже психологический анализ при определении надежности первичных данных нередко бессилён. Для этой цели буржуазные социологи иногда прибегают даже к помощи психиатров и психоаналитиков. В Англии одно время обсуждался вопрос использования гипноза с целью определения надежности первичных данных, однако (совершенно справедливо) использование гипноза было запрещено для подобных целей⁶⁶.

Практически социолог не может достичь полной изоляции объекта исследования от «возмущающих» факторов или добиться хотя бы такой «чистоты» его отображения, которой достигает естествоиспытатель. В социологическом исследовании влияние на отдельное данное может иметь, например, взаимоотношение индивидов в группе, спонтанные, неконтролируемые связи, возникающие вне изучаемой группы, но так или иначе деформирующие первичные данные и т. п.

Социологу приходится мириться с неизбежностью ошибок в исследовании, с определенной неточностью и недостоверностью данных. Но ему необходимо знать их меру, т. е. насколько им можно доверять. Поэтому как отдельная проблема любого конкретно-социологического исследования должна рассматриваться проблема изучения условий возникновения ошибок, возможностей их измерения и ликвидации.

Путь к получению надежных первичных данных — это, прежде всего, создание оптимальных условий для наиболее адекватного использования методов, применяемых в каждом конкретном случае. Для того, «чтобы результаты наблюдений давали возможно более объективную информацию о состоянии, свойствах и иных характеристиках изучаемого объекта, необходимо, — как пишет А. И. Ракитов, — прежде всего, максимально разнообразить условия наблюдения»⁶⁷.

В конкретном социологическом исследовании разнообразие условий наблюдения детерминируется, как от-

⁶⁵ K. M. Słomczyński. Conditions of Interview — Their Impact Upon Statements of Respondents. — «The Polish Sociological Bulletin», 1969, No. 2(20), s. 125.

⁶⁶ См.: У. Дж. Рейхман. Применение статистики. М., 1969, с. 235.

⁶⁷ А. И. Ракитов. Анатомия научного знания, с. 159.

мечалось, структурой объекта и типом взаимодействия с ним исследователя. Тип взаимодействия зависит, в свою очередь, от целей исследования, в соответствии с которыми он выбирается. В литературе по методике социологических исследований принято выделять такие взаимодействия между объектом, условиями наблюдения и исследователем. Во-первых, объект исследования находится под влиянием условий наблюдения, а исследователь — результатов наблюдения. Во-вторых, условия наблюдения влияют на объект, но и обратное влияние также существует. Условия наблюдения при этом влияют также и на исследователя.

Очевидно, первый случай взаимодействия наиболее подходит для исследования методами программированного опроса (стандартизированное интервью, анкетирование, промежуточная форма — анкета-интервью, подбор и изучение документов и т. п.). Первичные данные, полученные в этой эмпирической ситуации, подвергаются влиянию инструмента (например, скрытая подсказка в открытом вопросе, шаблонность ответов, возникающая иногда из закрытой формы вопроса и т. п.) и в свою очередь влияют на исследователя. Это влияние может быть прямым или косвенным, в зависимости от того, является ли наблюдатель (например, интервьюер) сам исследователем или «средством» исследования. В последнем случае он относится к системе условий наблюдения.

Второй случай особенно характерен для непрограммированного опроса (свободное интервью, беседа на данную тему, лекция, диспут и т. п.). В этой эмпирической ситуации позиция исследователя может значительно повлиять на характер ответа респондента (например, суггестивный вопрос), но и респондент имеет возможность влиять на формирование у исследователя определенных субъективных установок.

Анализ типов исследовательских ситуаций иллюстрирует тот факт, что причина неопределенности первичной информации находится не только в природе исследуемых объектов, но и в самом познавательном социологическом процессе. Этот анализ должен позволить внести определенную ясность в хаос (иногда лишь кажущийся) неизбежных в исследовании ошибок, облегчить их учет и типологию на основе единого методологического

принципа. Он должен, таким образом, облегчить определение надежности получаемых эмпирических данных, которая находится в обратной зависимости от совокупности допущенных в той или иной ситуации ошибок.

Пока еще не создана общая теория ошибок, хотя многие ошибки имеют общую основу и много тождественного, а тождественное не может быть каузально обусловлено разным. Ошибка — вид неадекватности, но она не просто неадекватность, ибо она является действием или результатом действия (поведения), выражаясь языком теории информации, любой системы с обратной связью. Ошибка — это разница между результатом действия такой системы и действительным содержанием объекта исследования. Такая разница в исследовательской ситуации возникает из-за того, что исследователь не имеет возможности исключить влияние всех побочных факторов, действующих на исследуемый объект. Если полученный им результат является исключительно следствием влияния этих факторов, то он будет совершенно ошибочным.

Ошибки являются неотъемлемой частью каждого исследования, их невозможно исключить полностью или хотя бы сделать по желанию как угодно малыми. Их просто необходимо учитывать как неоспоримый факт того, что получение определенного количества информации всегда оплачивается некоторым приростом ее неопределенности в процессе исследования («принцип Бриллюэна»)⁶⁸.

Термин «ошибка» во многих контекстах имеет довольно точное значение. Она может быть выражена количественно, как вероятная ошибка или стандартная ошибка при сравнении разных выборок из одной и той же совокупности, или как разница при измерениях одной и той же величины, имеющей известное содержание. Однако в социологических исследованиях возникают и такие ситуации, к которым невозможно подойти с позиций классического понятия вероятной ошибки. Поэтому здесь понятие ошибки имеет более широкое значение, а при ее измерении нередко обращаются к здравому смыслу или к логическим доказательствам, если неприменимы точные статистические определения.

⁶⁸ Л. Бриллюэн. Наука и теория информации. М., 1960, с. 137.

К логике здравого смысла придется, очевидно, прибегать до тех пор, пока теория ошибок не будет разработана в такой мере, что позволит объяснять все сложные случаи одновременного действия многих источников ошибок.

Далее мы отдельно остановимся на типичных ошибках, возникающих в процессе конкретно-социологического исследования, и на возможных способах их устранения. Вообще, изучение природы ошибок, возникающих в социологическом исследовании, требует специального подхода. Сейчас мы рассмотрим лишь некоторые процедурно-технические проблемы ликвидации ошибок, которые возникают при взаимодействии субъекта, условий и объекта исследования, о котором говорилось выше. Это так называемые систематические ошибки, возникающие преимущественно при измерении первичных данных. Они могут возникать также при составлении выборок, обработке первичных данных (кодировании, подсчете и т. д.). Обусловлены эти ошибки целым рядом причин, чаще всего — несовершенством техники и методов исследования. Действительно, достаточно лишь одного неправильно сформулированного вопроса в анкете или некорректного шкалирования ответов на закрытый вопрос — и все показания окажутся смещенными на определенную величину. К причинам этих ошибок относятся также некоторые нарушения условий исследования, правил регистрации сообщений и т. п.

Обеспечение надежности процедуры исследования — сложный процесс, осуществляемый поэтапно. Сначала проектируется надежность метода при программировании исследования с учетом необходимого уровня качества данных, который он должен обеспечить. При этом исходят из возможностей фиксирования свойств объекта; учитывают условия исследования. Затем с позиций приемлемости качества данных конструируется инструментарий для измерения признаков исследуемых объектов.

Разработанный для данного случая инструмент может быть использован неоднократно и не только в однотипных ситуациях. Он может быть использован (с определенными поправками и ограничениями) в несколько отличных по характеру и сложности ситуациях и даже в разное время. Однако непременным условием использования инструмента в конкретном измерении должно

быть соответствие принципа его действия методу измерения, а его проведение — технике измерения.

Метод измерения — это теоретически обоснованный принцип измерения, а методика — совокупность технических приемов, при помощи которых этот принцип проводится на практике. В методе сочетаются субъективные и объективные моменты процесса исследования, и его надежность зависит, хотя и не в равной мере, от каждого из них. На этом этапе определяется изоморфность инструмента структуре объекта исследования, т. е. определяется возможность соотнесения измеряемой эмпирической системы с его числовой системой.

В процессе сбора первичных данных надежность метода обеспечивается корректностью и строгостью соблюдения необходимой процедуры его применения. Бесспорно, не всякие эмпирические данные требуют проверки на надежность. В этом нет нужды при сборе и измерении сообщений респондентов о фактах бытия, которые достоверны *ipso facto*. Таковыми являются, например, сообщения о поле, возрасте, сообщения о текущих событиях и т. п., эмпирические референты которых поддаются проверке в ходе непосредственного наблюдения.

Но эта проблема стоит очень остро при сборе сообщений о фактах индивидуального сознания, эмпирические референты которых выявляются опосредственно и могут быть надежно измерены только путем обнаружения операциональной единицы измерения внешнего признака, т. е. путем перевода понятий, которые обозначают данный феномен, на язык инструмента, которым оперирует социолог. Их измерение представляет собой процесс соотнесения сообщения о данном факте с некоторой принятой сравниваемой величиной. Его цель — получение количественного результата в форме, наиболее удобной для восприятия человеком.

В социологических исследованиях такой наиболее надежной, а поэтому и наиболее распространенной формой являются шкалы. Шкала представляет собой определенную измерительную систему для получения оценки, зависящей от реакции источника информации на признаки, содержащиеся в данном инструменте, например в закрытом вопросе по выявлению мотивов, оценок, отношений и т. п. Числа, выведенные из реакций респондента на признаки, которые выявляют его позиции в отноше-

нии скрывающихся за ними переменных, представляют шкалу непосредственно неизмеряемых фактов индивидуального сознания.

Измерение социальных переменных, преимущественно скрытых,— сложный процесс, которому свойственны ошибки, искажающие качество данных. Поэтому исследователю необходимо знать меру надежности используемого инструмента, которая дала бы возможность судить, насколько точно полученные первичные данные фиксируют реальную структуру явлений, в какой мере можно им доверять при использовании.

Надежный инструмент, дающий возможность точно измерить информацию,— это инструмент, который в данном случае измерения относительно исключает ошибки и не искажает показаний. Именно поэтому проверка инструмента на надежность должна стать необходимым условием всякого исследования и всегда осуществляться в период пилотажного исследования. В процессе пилотажного исследования осуществляется усовершенствование инструментов, отбираются наилучшие пункты в анкетах, протоколах наблюдений, процедурах анализа документов и т. д., наконец, вычисляется коэффициент надежности, принимается оптимальный, наиболее эффективный и совершенный с технической стороны вариант инструмента.

Общие критерии качества и надежности одинаковы для всех методов эмпирического социального исследования. Их выработка тесно связана со становлением и развитием буржуазной психодиагностики. Именно поэтому их узкопрагматический характер отражается в определенной мере в понятиях техники проверки критериев качества. Операционально-прагматический подход при использовании этой техники в буржуазной эмпирической социологии нередко является причиной узкоэмпирических, неадекватных данных и выводов.

Такой подход неприемлем в марксистских конкретно-социологических исследованиях. Критерии качества, возможности использования социологической техники оцениваются в марксистской социологии с четко определенной теоретической и методологической позиции. По мнению Яна Щепаньского, техническое совершенство метода определяют следующие критерии: обоснованность (*ważność*), правильность, точность и стандартизи-

рованность⁶⁹. Подобные же критерии (устойчивость, обоснованность и точность) выделяет также В. А. Ядов в своих работах и другие авторы⁷⁰. В дальнейшем мы еще остановимся на них детально, а пока рассмотрим проблемы качества и надежности методов в общем виде, попытаюсь выяснить причины их неадекватности объекту и условия адекватного применения.

При рассмотрении трехчленной схемы процесса исследования мы отмечали такой субъективный фактор, вызывающий систематические ошибки, как возмущающее влияние исследователя на результат. Поэтому одним из условий, которое следует учитывать при определении надежности результатов исследования, должна быть объективность исследователя. Объективность исследователя заключается в том, чтобы сама его личность, его социальный статус и поведение не влияли на исследуемых и тем самым на результаты исследования. Единые требования к поведению исследователя, зафиксированные в инструкции по поведению с исследуемыми, а также стандартизированные ситуации эксперимента, должны повысить качество результатов.

Операционально меру качества данных, которая зависит от объективности исследователя, можно определить, установив меру надежности используемого им метода. Последняя — это степень, в которой данные, полученные в определенной эмпирической ситуации, независимы от влияния исследователя (на различных этапах исследовательской деятельности). Во всех отмеченных случаях надежность использования метода исследователем (объективность его действий) можно определить при помощи корреляции данных, полученных разными исследователями одним и тем же путем, в независимых ситуациях по той же группе исследуемых.

Существуют разные, в разной мере обоснованные способы технического контроля надежности измерения

⁶⁹ J. n S z c z e r a ń s k i. Dyskusyjne zagadnienia metodologiczne współczesnej socjologii Polskiej.— «Studia socjologiczne», 1964, N 2.

⁷⁰ В. А. Ядов. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования.— «Вопросы философии», 1966, № 10; его же. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, с. 110; И. Т. Павлова. О научной методологии исследования общественного мнения.— «Вестник Московского государственного университета», серия философии. М., 1968, № 4.

информации. Мы согласны с мнением В. А. Ядова, что сводятся они преимущественно к проверке по трем главным параметрам — *обоснованности, устойчивости и точности*.

Понятие обоснованности является одним из центральных в логико-методологическом анализе. Во всех случаях, когда возникает проблема надежности информации, неизбежно встает проблема ее логического обоснования, т. е. анализа тех критериев, которые являются аргументами для доказательства меры соответствия ее объекту.

Однако обоснованность информации вовсе не означает, что она достоверна. Достоверность — это характеристика гносеологического подхода к объекту исследования. Она определяет, как уже отмечалось, знание абсолютного соответствия информации об объекте самому объекту, т. е. знание того, что информация воспроизводит объект таким, каким он существует независимо от субъекта исследования. Иными словами, достоверность — это доказанность объективной истинности информации. Она не доказывается полностью в процессе исследования, например путем логических процедур, а должна быть практически проверена.

Что касается обоснования, то эта процедура осуществляется в границах самого знания. Обоснованность информации зависит от состояния наличных знаний, квалификации исследователя, правильности использования той или иной процедуры по сбору, обобщению и объяснению данных. Практически информация считается обоснованной, если она полностью удовлетворяет потребности исследователя и способна быть надежным базисом для дальнейших выводов⁷¹.

Обоснованность информации обеспечивается обоснованностью метода конкретно-социологического исследования. Обоснование метода достигается с помощью определенных технических приемов, направленных на оптимизацию того или иного инструмента, доведения его до запрограммированных возможностей. Всякий инструмент должен соответствовать цели исследования. Его

⁷¹ Существуют разные определения этого понятия. Пример несоответствующего с приведенным см. A. V e d á k o v a. Kategorie validity. — «Sociologický časopis», 1972, N 4.

функционально-качественные характеристики следует рассматривать с двух сторон. С формально-технической стороны он обязан выполнять инструментально-качественную функцию, т. е. быть технически пригодным измерительным инструментом. С содержательной стороны он должен соответствовать поставленным перед ним требованиям, т. е. измерять то, что запрограммировано.

Обоснованный инструмент, собственно, тот, который обеспечивает необходимую информацию, исключает возможность ее подмены, измеряет именно то, что является искомым. Такой инструмент — устойчив во времени, т. е. пригоден для использования на протяжении всего исследования, которое может длиться как угодно долго. В связи с этим он должен быть гибким, т. е. допускать возможность внесения определенных корректив, возникающих в процессе исследования под влиянием изменений и непредвиденных ситуаций, но которые, однако, не могли бы изменить главных его показателей.

Инструмент также должен быть устойчив в пространстве, т. е. быть пригодным для использования на всех типичных полигонах совокупности, а поэтому он подлежит стандартизации. Стандартизация инструмента позволяет также избежать «возмущения» информации, которое возникает в силу индивидуальных черт и разной квалификации исследователей (интервьюера, наблюдателя). Эти требования являются вместе с тем факторами, снижающими себестоимость единицы информации.

Обоснованность инструмента может быть прямой (непосредственной) и непрямой (косвенной). Если информация, полученная с помощью данного инструмента, является эмпирически очевидной, проверяется непосредственно, то она, конечно, обоснована. Такой инструмент также непосредственно обоснован, надежен. Непрямая обоснованность — это обоснованность с помощью определенной процедуры, например, путем вычисления коэффициента корреляции данных, получаемых с его помощью.

Если один инструмент измеряет ту же переменную, что и другой, доказательством его обоснованности является высокий коэффициент корреляции данных. Если же инструмент измеряет переменную, теоретически отличную от надежно измеренной ранее этим или каким-либо иным инструментом, на его обоснованность указывает

низкий коэффициент корреляции данных. Обоснованная информация может быть, таким образом, и сходной, и отличной.

Косвенно обоснованность инструмента можно проверить также экспертным опросом по известной переменной, т. е. опросом лиц, хорошо информированных об измеряемой величине. Оценки, полученные по шкале инструмента, коррелируются с оценками экспертов. Если коэффициент корреляции достигает 0,90, то инструмент считается обоснованным.

Второй способ непрямого обоснования инструмента — судейское посредничество. Он используется при конструировании инструмента для обоснования отдельных его пунктов, например шкалы закрытых вопросов. Судей отбирают из числа совокупности респондентов в соответствии с правилами репрезентативного отбора. Отдельные пункты инструмента оцениваются с точки зрения их целесообразности, способности фиксировать информацию, возможностей ее искренности и т. п., по согласованности высказываний судей. Затем они отбираются по числу наиболее согласованных оценок для использования в массовых опросах.

Существуют и другие способы обоснования инструментов исследования⁷².

Устойчивость первичных данных означает их постоянство при повторных измерениях, если они выполняются по одной программе с использованием техники одного и того же метода. Неизбежная при этом зависимость результатов от повторных измерений (эффект обучаемости респондента, эффект запоминания, ослабления памяти или просто изменение обстановки) учитывается при помощи поправочных коэффициентов. Устойчивость информации означает также ее стабильность в условиях возмущающих влияний в процессе ее получения. Такая информация характеризуется сохранением качественной определенности.

Исходным при определении устойчивости информации является допущение, что объекты измерения имеют относительно неизменяемые постоянные признаки, а неустойчивость результатов обусловлена, таким образом,

⁷² См.: G. A. Linert. Testaufbau und Testanalyse. Weinheim. 1961, S. 256, и. w.

ошибками измерения и недостатками инструмента измерения.

Надежный инструмент должен давать устойчивые показания, не выходящие за пределы допустимых ошибок счета в каждом отдельном измерении. Постоянство показаний тесно связано с их адекватностью, но не является в полной мере ее признаком. Тем не менее нарушение принципа устойчивости служит свидетельством того, что объективные процессы взаимодействия инструмента и объекта несколько отошли от известного типа и видов взаимоотношения условий исследования, объекта и субъекта. Именно поэтому устойчивость показаний инструмента выступает критерием надежности измерения, а значит, и относительной безошибочности информации.

Общепринятого способа непосредственной проверки устойчивости информации нет. В практике социологических исследований способы проверки выбираются в зависимости от обстоятельств, от используемого инструмента, а также от реальности повторного контакта с источниками информации.

Наиболее распространенными способами проверки инструмента на стабильность показаний являются: способ перепроверки (повторения), способ деления пополам («расщепления») и способ «эквивалентной формы». Иногда в специальной литературе называют также и четвертый способ — выявление согласованности пунктов шкалы (*konsistenzanalyse*)⁷³, который в сущности является модификацией техники деления пополам.

Способ перепроверки заключается в измерении одного и того же объекта одним и тем же инструментом дважды или несколько раз через определенный промежуток времени. При этом должно быть обязательно выполнено условие: между повторными измерениями и в их процессе не должно быть никакого внешнего влияния. Коэффициент корреляции между результатами повторных измерений и является коэффициентом надежности инструмента. Этот способ считается классическим, но, несмотря на его простоту, его использование связано с рядом трудностей. Проблема возникает уже при опре-

⁷³ См.: Methoden der marxistisch-leninistischen Sozialforschung. Berlin, 1970, S. 250.

делении промежутка времени между измерениями. С одной стороны, он должен быть по возможности наиболее кратким, чтобы избежать вероятности изменений измеряемых признаков, с другой — достаточно продолжительным, чтобы исключить эффект запоминания респондентами показаний первого опыта.

Общих указаний для всех случаев определения интервала времени не может быть выработано, так как он определяется по-разному в соответствии с целью исследования, которой соответствуют и методы. Иногда, если нужно уменьшить интервал времени, используют инструмент с большим числом индикаторов. И хотя в этом есть своя опасность, такой инструмент, однако, позволяет делать повторное измерение через достаточно короткое время. Например, эффект запоминания длится от нескольких дней до трех недель при изучении личностных установок и мотивов анкетами с оценочными шкалами в пять и больше индикаторов в каждом вопросе⁷⁴. Правда, другие авторы свидетельствуют, что эффект запоминания, особенно у молодежи, может сохраняться и через год.

Другие трудности использования способа перепроверки возникают в связи с необходимостью учета эффекта «приобретения навыков» в первом опыте, влияющих затем на повторное получение данных. Препятствием в перепроверке являются мотивационные изменения респондентов, которые нередко бывают общего типа и свойственны всем опрашиваемым (например, исчезновение эффекта заинтересованности новым при повторном опросе и т. п.), и много других влияний не систематического характера, которые могут существенно изменить коэффициент корреляции. Иногда прибегают к процедуре разовой проверки инструмента на устойчивость показаний. Выбирают для этого две совершенно равные группы или одну равноценно делят пополам. В первой группе осуществляют два измерения, во второй — одно. Потом результаты этих измерений в первой группе коррелируют между собой и коэффициент корреляции сравнивают с результатом измерения другой группы. Если они равны или же коэффициент корреляции результа-

⁷⁴ См.: Methoden der marxistisch-leninistischen Sozialforschung. Berlin, 1970, S. 247.

тов, полученных в первой группе, несколько больше, то инструмент считается надежным.

Часто для проверки устойчивости показаний инструмента используют способ «эквивалентной формы». Он сводится к тому, что к данному инструменту конструируется строго эквивалентный ему по показателям другой. Необходимым условием должна быть их гомогенность — они должны быть одномерными, исключать двусмысленную интерпретацию оценок.

Измерения проводятся в одной группе исследуемых поочередно — одно за другим или через интервал времени в несколько дней. Корреляция результатов, полученных разными формами инструментов, показывает степень надежности инструмента. Этот способ лишен некоторых неблагоприятных эффектов, свойственных способу перепроверки. Несмотря на очевидные преимущества этого способа, применяется он пока еще редко. Очевидно, его применение тормозится трудностями разработки двух эквивалентных форм инструмента.

Третий способ проверки надежности инструмента («деление пополам») заключается в делении каждого пункта шкалы инструмента на два производных. Конструируется, таким образом, субшкала, производная от основной, но так, чтобы каждая пара пунктов этой субшкалы фиксировала информацию в целом эквивалентную одному пункту основной шкалы. Затем все пункты обеих шкал произвольно смешиваются и в таком виде инструмент предлагается испытуемому. После опроса основная шкала восстанавливается, а пункты производной шкалы группируются в две субшкалы, например по модусу ААВВ (парный — непарный) или АВВА и т. п. Высокая корреляция результатов, полученных по основной шкале, с результатами, полученными по субшкалам, свидетельствуют о стабильности основной шкалы инструмента, а значит — и о его надежности⁷⁵.

Иногда неустойчивость информации обуславливается неоднозначностью понимания отдельных пунктов инструмента. В этом случае прибегают к проверке их осмысленности. Один и тот же показатель измеряется несколькими исследователями с помощью сомнительного

⁷⁵ Пример применения этого способа проверки см.: В. А. Ядов. Социологическое исследование. М., 1972, с. 88.

инструмента. Если данные, полученные разными исследователями, коррелируются, то инструмент считается надежным.

Следует заметить, что коэффициент надежности никогда не может равняться 1,00. Если в результате повторных измерений, при соблюдении соответствующей техники, получают абсолютно один и тот же количественный результат, то это вряд ли показатель надежности. Скорее всего — это показатель того, что чувствительность инструмента не соответствует специфике измеряемых переменных, что инструмент не реагирует на неизбежные, обусловленные разными факторами ошибки, которых нельзя избежать повышением надежности инструмента, а можно только уменьшить до определенной величины.

Чувствительность инструмента — это количественная характеристика его избирательности. Чувствительность социологического инструмента можно определить как отношение показателей шкалы к изменению значений переменных измеряемого объекта. Иначе, чувствительность — это оптимальные границы измерений инструмента. Повышение чувствительности инструмента увеличивает точность измерения, и, следовательно, уровень его надежности. Увеличивая число индикаторов шкалы (дробление пунктов), повышают точность показателей. Связь между числом индикаторов и точностью измерения выражается формулой Спирмэна-Брауна. Если, например, десятииндикаторную шкалу с точностью показаний $r = 0,33$ продлить до сорока индикаторов, то по этой формуле точность измерения приблизительно удваивается. Однако повышение чувствительности инструмента, выходящее за необходимые границы (чрезмерное дробление шкалы), может обусловить уменьшение точности. Границей дробления шкалы должна быть устойчивость данных измерения. Заботясь о качестве информации, исследователь должен заранее определить необходимую ему точность показаний инструмента, которая обычно находится в обратной зависимости от количества ошибок, сопутствующих измерению.

Резюмируем сказанное. В процессе логико-методологического и процедурно-технического обеспечения достоверности теории устанавливается соответствие теоретических положений исходным данным, полученным

в процессе эмпирического исследования. Необходимость такого установления диктуется потребностью иметь некоторую предварительную оценку эффективности теории до ее широкого практического применения. Установление соответствия теоретических выводов эмпирическим данным еще не является окончательным решением вопроса об истинности теории — это прерогатива практики. Тем не менее такой путь оправдан, поскольку в марксистской философии истина рассматривается как процесс. Следовательно, такое установление может осуществляться внутри самого процесса. Практически это выглядит как обеспечение надежности эмпирического базиса — важнейшего условия достоверности социологической теории.

Определяется его надежность, в основном, следующими критериями: обоснованностью программы исследования и проверяемостью принятых гипотез; надежностью сбора эмпирических данных — доброкачеством первичной информации; репрезентативностью полученных данных в отношении всех изучаемых объектов; надежностью обработки полученных данных — доброкачеством вторичной информации; сопоставимостью информации, соответствием определенным научным стандартам; обоснованностью и правильной экстраполяцией отдельных выводов; интерпретируемостью полученных результатов в более общей системе знания.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПОЛУЧЕНИЯ ИСХОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализ методологических проблем надежности социологической информации показывает, что их решение неразрывно связано с решением проблем методики социологического исследования. При этом обеспечение адекватности методов сбора информации и корректность техники применения их — основное условие ее надежности. Под этим углом зрения эти методы рассмотрим ниже. Ими, как известно, являются опросы, анализ документов и наблюдения. Что касается других методов сбора первичной информации, которые нередко используются социологами, то они, в сущности, представляют собой лишь определенную комбинацию трех названных методов и на них мы не будем останавливаться особо.

Среди методов сбора первичной информации наиболее распространенным, по данным «Международного справочника институтов, проводящих социальные исследования методом зондажа», который издается ЮНЕСКО, является устный опрос (интервью)¹. Такая популярность устного опроса объясняется, очевидно, преимуществами, которые он имеет даже в сравнении с анкетированием — другим методом опроса, наиболее применяемым в конкретных социальных исследованиях. Последнее было доказано оригинальным методическим экспериментом советским социологом А. Свенцицким².

Опрос предоставляет широкие возможности получать информацию как о реальном поведении людей в прошлом и в настоящее время, так и об их субъективном мире, установках, ориентациях, мотивах деятельности и т. п. Однако этот метод является далеко не универсальным с точки зрения надежности получаемой с его помощью информации. С этой стороны метод опросов по

¹ Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Информационный бюллетень № 1. М., 1967, с. 14.

² А. Л. Свенцицкий. Интервью как метод конкретного социологического исследования. — «Философские науки», 1965, № 4.

всех его разновидностях требует дальнейшего тщательного анализа, в особенности выявления логической структуры вопроса, как основного инструмента получения исходной информации.

Следует отметить, что в последние годы, в связи с повышением квалифицированности социологов, в нашей стране наблюдается рост удельного веса использования других методов, особенно методов анализа документов. Работа с документами требует специальных знаний не только по социологии, но и по психологии, лингвистике, источниковедению и статистике. Отсюда те трудности в определении надежности документальной информации, с которыми сталкиваются социологи, не имеющие сегодня хотя бы такого опыта работы с документами, как в проведении опросов. Изучение и устранение причин искажения документальной информации, типичных ошибок, возникающих в процессе ее сбора и обработки, позволит реализовать еще не исчерпанные возможности этого эффективного метода социологического исследования.

Существенно специфичен в социальном исследовании метод наблюдения. Он не является простейшим, как в естествознании, поскольку и объект, и субъект наблюдения являются членами одной системы — общества. В связи с этим возникает проблема исключения «побочных» влияний этого взаимодействия, деформирующих первичную информацию.

Последовательность, в которой анализируются отдельные методы социологического исследования, вовсе не означает, что автор ранжирует их таким же образом по значению. В этом плане вопрос решается каждый раз конкретно, в соответствии с объектом исследования.

АНКЕТНЫЙ ВОПРОС И НАДЕЖНОСТЬ ПЕРВИЧНЫХ ДАННЫХ

Основными условиями, определяющими надежность метода опросов, являются доброкачественный инструмент (опросный лист, анкета) и корректность техники его использования.

Со времени, когда последователи Ле Пле (Р. Пино, П. де Рузье, В. де Бланш) использовали вопросник («номенклатуру») как инструмент («микроскоп») изуче-

ния социальных явлений, проблемы опроса до сих пор не перестают привлекать внимание социологов-методологов. По проблемам опросов на протяжении немногим более полувека издано значительное число монографий и статей. Однако нам не известно ни одной работы, в которой специально рассматривался бы «вопрос о вопросе» как основном структурном элементе инструмента *социологического* опроса. Социологи все еще недостаточно уделяют внимания теории вопроса, его логической структуре, правилам его формулирования и постановки. В своей практике они руководствуются преимущественно интуитивными соображениями и опытом. Нередко это — основная причина, которая приводит к искажению ответов респондентов и к ошибочным выводам.

Теория вопроса разрабатывалась до настоящего времени почти исключительно логиками, которые достаточно основательно исследовали семантический и синтаксический аспекты вопроса. Однако, в силу специальных интересов, они игнорировали прикладной аспект теории вопроса.

Эротетическая прагматика, изучающая вопросы в их связи с людьми, которые их ставят, а также с людьми, которые должны на них отвечать, требует не менее основательного исследования. Действительно, совокупность семантических и синтаксических связей вопросов с ответами в абстракции от человека, оперирующего этими формами, еще не достаточно характеризует вопросно-ответную процедуру. Известно, что логическое содержание вопроса, отнесенное к определенному лицу, может испытать существенное изменение. Вопрос, уместный в одной аудитории, может потерять свое содержание в другой (например, ситуация «несогласованности тезаурусов»).

Специфический смысл, который определяется именно прагматическими факторами, имеет и многочисленные вопросы, используемые в инструментарии конкретных социальных исследований. Вопрос и ответ — главные структурные элементы социологических опросников. От их правильности зависит успех опроса. Однако трудно переоценить значение и самой вопросно-ответной процедуры.

Эмпирическая ситуация, в которой реализуется проблема получения надежной первичной информации,

требует не менее тщательного учета многих элементов этой процедуры — цели опросов, лица, ставящего вопрос, и лица, дающего ответ, внешних объективных факторов, влияющих на нее. Надежная реализация этой процедуры требует учета также субъективных факторов (социальных, психологических, политических и т. п.), которые неизбежно влияют при этом на участников. Вместе с тем анализ этих элементов является лишь частью (прагматической) общей теории вопросов, которая, к сожалению, также еще не создана. Правда, выдвинуты концепции, разработаны отдельные фрагменты теории вопроса в работах К. Айдукевича, Т. Кубиньского, Д. Харраха, Н. Белнапа, Г. Сталя, Л. Анквиста, Ю. Петрова, Ю. Зуева и др.³, но ни один из этих опытов нельзя считать законченным и бесспорным. Что же касается прагматического аспекта теории вопросов, то он рассматривался лишь косвенно. Косвенно рассматривается этот аспект и в прикладных исследованиях. Большей частью это или анализ отдельных примеров эффективного формулирования вопросов (в педагогической практике, в социологических и психологических исследованиях и т. п.), или же анализ отдельных ошибок, которые возникают при этом. Такие фрагменты содержат иногда также различные практические рекомендации и пожелания. Но, вполне понятно, ограничиться этим сегодня уже нельзя. Отдельные ученые рассматривают вопрос как некоторую неопределенность, измерить и описать которую, по их мнению, можно с помощью аппарата теории информации. Таков, например, подход Д. Харраха, который исходит из отождествления вопроса с суждением определенного вида, а ответ на вопрос рассматривает как определенную информацию. Вопросно-ответная процедура, по Харраху, является, таким образом, «игрой обмена информацией» между опрашивающим и респондентом. Этим путем, применяя язык математической символики, Д. Харрах пытается решить проблему оценки логической валентности вопроса.

Без изучения природы вопросов, их гносеологических характеристик, без совершенствования на этой основе методики и техники их постановки в конкретном

³ См.: К. А. Сергеев, А. Н. Соколов. О логике вопросов. — В сб.: Вопросы философии и социологии, вып. 1. Л., 1969, с. 108.

социологическом исследовании немислимо развитие прикладной социологии. Именно поэтому изучение вопросов перестает быть сферой профессиональных интересов только логиков. Изучение структуры вопросов на основе их функционирования в процессе научного исследования представляет существенный интерес также и для исследователей методологии социального познания. И это естественно: ведь в самой основе вопроса лежит стремление субъекта познания получить новую информацию, расширить наличное знание об объекте. К. Айдукевич называл такое состояние субъекта познания «вопросительным», относя его к особой форме проявления интереса. Это присуще субъекту всякого исследовательского процесса, любой науке, которая, по словам О. Моргенштерна, в конце концов «не что иное как непрерывное стремление правильно поставить вопросы и найти затем ответы на них. При этом вопрос часто значит больше, чем ответ»⁴.

В социологических исследованиях методами опросов отмеченная О. Моргенштерном особенность науки приобретает буквальное значение. Здесь объектом исследования, как и субъектом, выступает в конце концов конкретный человек. Поэтому анализ вопросно-ответной процедуры приобретает особую значимость, так как он необходимо включает социально-психологические аспекты ее реализации. Таким образом, при решении этой проблемы, как и любой другой, должно учитываться известное методологическое положение исторического материализма, согласно которому постановка и уровень разрешения проблем обусловлены общественной практикой. Однако прагматический анализ вопросов, имеющийся в литературе, далеко не удовлетворителен. Вместе с тем нельзя сказать и то, что исследователи этой проблемы должны начинать *ab ovo*, поскольку анализ прагматической осмысленности вопросов, несомненно, должен опираться на исследования по общей логической теории вопросов.

Сущность этой теории заключается в определении связи между вопросом и ответом. Примечательно, что эта связь и ее эвристическая функция были замечены

⁴ О. Моргенштерн. О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1968, с. 35.

еще Сократом, который использовал последнюю как метод. Суть его метода («майевтики») состояла в том, что спрашивающий путем ряда методически правильно поставленных вопросов и полученных ответов доказывал истинность (или неистинность) тезиса собеседника. Правда, существует и столь же древняя традиция скептического отношения к этой функции вопроса. Она идет от Аристотеля, который считал, что «доказывающий не должен спрашивать». Вместе с тем Аристотель не исключал вопрос из круга логических проблем, как это делали еще совсем недавно⁵.

Существуют различные методологические подходы к анализу вопросов. Наиболее правильным и плодотворным оказался подход, рассматривающий вопрос как элемент системы «вопрос — ответ». Сопоставление вопроса с ответом облегчает изучение структуры вопросов, позволяет делать выводы относительно их осмысленности, функций и, на этой основе, их классификации и практического использования.

Прагматическая осмысленность вопроса обеспечивается наличием лица или группы лиц, от которых ожидается ответ. Эти лица должны обладать возможностью дать ответ, т. е. данный вопрос должен быть ими предварительно осмыслен синтаксически и семантически. Такая осмысленность вопроса является необходимым предварительным условием получения правильного ответа. При оценке осмысленности вопроса прежде всего должна быть установлена синтаксическая правильность, затем — семантическая правильность и, наконец, прагматическая правильность, наличие адресата и условий получения ответа от него.

Синтаксическая осмысленность вопроса тесно связана с различием функций вопроса. Вопрос выполняет одну функцию, когда, например, спрашивающий интересуется информацией о неизвестном факте. Вопрос выполняет другую функцию, когда опрашивающий желает уточнить или проверить информацию об известном факте. Он может выполнять также специфическую функцию

⁵ См.: В. Ф. Берков. К проблеме вопроса в истории логики. — Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и аспирантов Белорусского государственного университета, посвященной 96-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Общественные науки. Минск, 1966, с. 50.

только стимула (побуждения) к выявлению установок и позиций респондентов⁶.

Различные функции, которые выполняют вопросы в практике социологических опросов (равно как и в обычном вербальном общении), определяет внешнюю структуру, грамматическую форму и типы вопросов. Вопрос и его элементы должны быть выражениями, сконструированными по правилам грамматики данного языка. Синтаксическая осмысленность вопроса предполагает соблюдение установленных в данном языке синтаксических правил. Бессмысленно синтаксически не осмысленные конструкции вопросов рассматривать с точки зрения их семантики.

Синтаксически осмысленный вопрос является по форме суждением с вопросным оператором («кто», «что», «когда», «где», «почему» и т. п.). Последнее обстоятельство является для некоторых авторов (Т. Кубинский, Н. Белнап) основанием для их классификации. Н. Белнап выделяет шесть типов вопросов, семантически отличающихся видом вопросных операторов⁷. Ниже мы остановимся на этой классификации, а сейчас заметим лишь, что Н. Белнап исходит (как, впрочем, и другие авторы, занимающиеся теорией вопросов) из общего разделения вопросов по их функциям на «вопросы решения» и «вопросы дополнения». Правда, различные исследователи дали им различное наименование, одни называют эти вопросы местоименными и неместоименными, другие — избирательными и дополнительными, третьи — прямыми и косвенными. В английской литературе это, соответственно, *whether-question* и *which-question*, в немецкой — *Ergänzungsfrage* и *Entscheidungsfrage* и т. п. Однако различие это только терминологическое.

Содержание вопросных операторов носит направленный характер, что и используется при типологии вопросов. Вопросы решения, к которым относят вопросы с операторами «кто», «что», а также вопросы с частицей «ли», употребляются для обозначения субстанциальных отношений. Вопросы дополнения с вопросными

⁶ Функция побуждения к ответу присуща вообще всякому вопросу, за исключением риторического.

⁷ N. D. Belnap. An analysis of questions: preliminary report. Technical Memorandum. Santa Monica. Calif., June, 1963.

операторами «какой», «когда», «где», «почему», «сколько» и т. д.— для обозначения отношений свойства и состояния, времени и места, цели, причины, количества и т. д.

В вопросах решения, требующих лишь ответов «да» или «нет», выражено требование установления логической валентности некоторого высказывания, выбора его из совокупности заданных альтернативных суждений, являющихся возможными прямыми ответами. Общим условием постановки этих вопросов является наличие экзистенциального суждения, т. е. суждения о существовании некоторого осмысленного высказывания. Вопросы этого типа имеют следующие характеристики: а) в них выражается необходимость выбора истинного суждения из конечного количества альтернатив; б) предполагается, что хотя бы одно ответное суждение из всех возможных альтернатив является истинным. Примером такого вопроса является следующий: «Имее ли Вы у себя дома: телевизор, радиоприемник, магнитофон?». Здесь точно названы альтернативы ответов и ожидается, что, по крайней мере, одна из них является истинной. Этот вопрос требует полного выделения альтернатив, которые здесь не являются исключающими. Ответ может быть, например, такой: «У меня есть дома телевизор, радиоприемник, но нет магнитофона».

В вопросах дополнения, требующих ответа на местоименный вопросный оператор (подразумевающий ассерторическую составляющую вопроса), имеется как бы прочерк, предварительно заполненный определенным оператором, который следует заменить экзистенциальным суждением. Например, вопрос: «Когда Вы окончили школу?» предполагает, что респондент окончил школу. Имплицитно содержащееся в вопросе утверждение характеризует сам предмет вопроса, признак которого выступает в качестве неизвестной вопроса.

Рассмотрим другой пример: «Какое натуральное число равно $7 + 5$?». Альтернативы, содержащиеся в этом вопросе, не явно выражены, но мы можем построить их основную форму. Каждая альтернатива может быть получена путем записи функции-указателя этого предложения $7 + 5 = x$. Для того чтобы полностью определить ряд альтернатив, необходимо найти функцию-указатель, определяющую величину переменной x . Это следует из

информации, содержащейся в самом вопросе: функция x должна быть натуральным числом. Это определяет тип величины, которая должна быть подставлена вместо x .

Вопросы этого типа имеют следующие характеристики: а) по крайней мере одно из ответных альтернативных суждений должно быть истинным, равно как хотя бы одно из ответных суждений может быть ложным; б) формой и содержанием эти вопросы указывают на класс альтернативных ответов, но не обязательно исключающих друг друга; в) множество ответных суждений не обязательно должно быть конечным.

Естественно, для правильной постановки тех или иных вопросов мы должны считаться, как уже отмечалось, со всеми требованиями, предъявляемыми ко всякой правильной речи.

Мы остановились лишь на некоторых признаках основных типов вопросов, необходимых для рассмотрения их семантической осмысленности.

Главным и необходимым условием семантической осмысленности вопроса является истинность суждения о существовании самого предмета вопроса. Для уяснения этого тезиса необходимо остановиться на структуре вопроса более детально.

Во всяком вопросе выделяют два элемента: известное (определенное) и неизвестное (неопределенное, то, что требуется выяснить). Вопрос считается семантически осмысленным, если он имеет оба эти элемента. В этом случае он содержит требование снять неопределенность и указывает на то, каким образом она может быть снята. Известное (ассерторическая часть вопроса) имплицитно содержит знание того, о чем спрашивается. Это знание может быть развернуто в виде одного или ряда суждений. Вопрос как раз и является мыслимой формой определения содержания спроектированного в нем суждения. Словесно он принимает формы вопросительных предложений. Вопросительные предложения, если они осмыслены, носят предметный характер и содержат законченную мысль (суждение), хотя сами они, как утверждают некоторые авторы⁸, суждениями не являются. Правда, другие авторы, и таких большинство (П. В. Копнин, Н. В. Тавапец, Э. де Гортари, Н. И. Жин-

⁸ См.: Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, с. 79.

кин, Ю. И. Зуев и др.), рассматривают вопрос как особую форму суждения. «Мы считаем,— пишет П. В. Копнин,— что мысль-вопрос имеет все общие признаки суждения. ...Вопрос, как и всякое другое суждение, представляет собой некоторую связь мыслей, отражающую объективно существующие связи явлений действительности»⁹.

Такой подход более плодотворный, поскольку он предусматривает рассмотрение вопроса как субъектно-предикатной формы мысли, и таким образом его характеристика оказывается трехчленной характеристикой суждения. Субъект вопроса — это такой его член, в котором проектируются субъекты ответных суждений. Он является основой осмысленной постановки вопроса, так как именно в субъекте сосредоточены те знания, которые должны быть восполнены через вопрос. Предикат вопроса — такой его член, в котором проектируются предикаты ответных суждений. Он выражает то, что следует выяснить в отношении субъекта. В связке проектируются связки ответных суждений.

Рассмотрим в качестве примера вопрос: «Станет ли гроссмейстер Карпов чемпионом мира?». Понятие, являющееся субъектом данного вопроса («гроссмейстер Карпов»), выступает в двух возможных ответных суждениях в качестве их субъекта: «Гроссмейстер Карпов станет чемпионом мира» и «Гроссмейстер Карпов не станет чемпионом мира». Элемент вопроса, выраженный понятием «чемпион мира», выступит в качестве предиката в этих ответных альтернативах. Предикат вопроса представляет собой такое понятие, в котором отражается признак некоторого множества предметов.

Однако из структуры вопроса неизвестно, является ли признак, отраженный в предикате, признаком элементов множества предметов отраженного в субъекте вопроса. Познавательная функция вопроса заключается в том, что в нем требуется определить, присущ ли признак, отраженный в его предикате, элементам того множества предметов, которое отражено в субъекте вопроса. Это отношение между субъектом и предикатом вопроса выражается в его связке. Связка вопроса включает то,

⁹ П. В. Копнин. Природа суждения и формы выражения его в языке.— В кн.: Мышление и язык. М., 1957, с. 306.

что называется утвердительной и отрицательной связкой категорического суждения, а также отношение исключающей дизъюнкции между ними. Поэтому требование (побуждение), заключенное в данном вопросе, фактически сводится к выбору одной из связок суждений, заключенных в вопросе.

Поскольку в вопросе избираются элементы связки, то в нем, по сути, проектируются различные суждения, из которых в одном суждении относительно одного и того же предиката мысли в одно и то же время в одном и том же отношении утверждается то же самое, что отрицается в другом суждении. Это характерно для наиболее употребительных альтернативных вопросов типа, приведенного выше. В таком вопросе проектируются такие ответы-суждения, которые по закону непротиворечия не могут быть одновременно истинными.

Из анализа структуры вопроса следует, что предмет его явно не выражен и путь к его выявлению может быть только один — рассмотрение вопроса в связи с ответом на него. Поэтому задача выявления предмета вопроса обычно сводится к определению предмета того суждения, которое является ответом на него. Это неизвестное, которое подразумевается как вопросом, так и ответом на него. Если мы рассмотрим с этой точки зрения приведенный выше пример вопроса, то легко заметить, что предмет его — не «гроссмейстер Карпов» и не «чемпион мира», а именно возможность гроссмейстера Карпова стать чемпионом мира. Наличие экзистенциального суждения о предмете является общей основой постановки всякого вопроса. Именно утверждение о возможности некоторого явления очерчивает предмет вопроса, а последний ставит задачу отыскания определенных признаков этого явления. Это утверждение указывает область определения функции вопросительного высказывания.

Как уже отмечалось, наличие в вопросе подразумеваемых суждений составляет ассерторическую (утверждающую) составляющую вопроса. Эта составляющая является неотъемлемой частью вопроса наряду с проблематической. Наличие суждений о существовании предмета вопроса определяет область поиска, но одновременно и выражает неопределенность вопроса. Снятие этой неопределенности достигается ответом,

правильность которого обеспечивается рассмотренными компонентами вопроса.

Таким образом, семантическая осмысленность вопроса предполагает логическую интерпретацию системы «вопрос — ответ» в единстве с предметным уровнем рассмотрения.

В реальной практике вербального общения осмысленность вопроса является условием получения осмысленного ответа. На осмысленный вопрос дают правильный (осмысленный) ответ, который может быть, конечно, как истинным, так и ложным. Не следует, однако, путать понятия осмысленности и правильности вопроса. Осмысленность — это условие правильной постановки вопроса. Осмысленность не имеет градаций, вопрос может или иметь смысл, или не иметь его. Правильность вопроса зависит от различных внешних факторов, которые можно определить, и может приобретать различные степени. Поэтому некоторые авторы, исследуя возможности правильной постановки вопросов, тем самым определяют и условия осмысленности вопросов¹⁰. Это, прежде всего, ясность, четкость, определенность формулировки, а также обоснованность и последовательность постановки.

Ясность, четкость, определенность постановки вопросов обуславливаются знаниями и уровнем профессиональной подготовки спрашивающего. Чем полнее и глубже спрашивающий может осмыслить предмет вопроса, тем точнее, определеннее, а значит, и надежнее он может поставить вопрос. Надежным вопросом мы называем такой вопрос, вероятность получения правильного ответа на который приближается к единице. Это значит, что правильный ответ на такой вопрос возможен и может быть получен, так как его возможность уже заложена в самой структуре вопросительного предложения.

Условием определенности является четкая дефиниция элементов, составляющих его структуру, достаточная определенность правил соотношения этих элементов в данном вопросе. Одним из условий ясности и опреде-

¹⁰ См.: В. Ф. Берков. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972, с. 106—112; Ф. С. Лимантов. Вопрос и истина. — В сб.: Вопрос. Мнение. Человек. Л., 1971, с. 26.

ленности в постановке вопросов должно быть устранение модальных оттенков сомнения или утверждения. Эти оттенки прагматической осмысленности вопроса могут существенно влиять на получаемый ответ.

В одном исследовании¹¹ была определена степень чувствительности респондентов к следующим модальным формам: « S есть P ?», « S есть ли P ?» и «Разве S есть P ?». Ответы на вопрос с таким различием модальности показали, что респонденты (учащиеся) очень чувствительны к модальным оттенкам. Чем больше момент сомнения в вопросе, выражаемый его модальной формой, тем больше они склонны давать отрицательный ответ. Так, количество этих ответов возросло на 10%, если вместо « S есть P ?» употреблялась форма « S есть ли P ?», и на 18%, если употреблялась форма «Разве S есть P ?». Такой эффект социологам известен под названием суггестивного. Суггестивный вопрос — это вопрос, ассерторическая часть которого предвосхищает содержание ответа. Таким вопросом респондент побуждается к определенному ответу, который, в силу этого, обесценивается в исследовательском отношении, содержит минимум возможной новой информации. Процедура опроса на основе такого рода вопросов утрачивает смысл, что свидетельствует о ненадежности этих вопросов.

Обоснованность постановки вопроса определяется истинностью его предпосылок, ассерторической частью вопроса. Если хотя бы одна из предпосылок является ложной, вопрос является необоснованным, а следовательно, и неправильно поставленным. Вопрос может быть несмысленным также и в тех случаях, если его предпосылками являются бессмысленные выражения.

Последовательность постановки вопросов должна отражать их последовательность в вопроснике или анкете. Она предполагает знание некоторой системы вопросов, в которой могут быть различные логические связи и отношения: тождества, подчинения, дополнения, пересечения. Но эта «внутренняя» логическая связь не должна быть тождественной «внешней» логической связи в постановке социологических вопросов. Здесь, как пи-

¹¹ В. В. Забогин. Проблема вопроса и ответа в логике. — «Философские науки», 1961, № 1, с. 76.

шет В. А. Ядов, «логика постановки вопросов должна быть понятна для анкетлируемого, хотя она и не будет совпадать с логикой анализа данных»¹², т. е. той «внутренней» логикой, которая должна быть понятна только исследователю.

Определяющим моментом для правильной постановки является исходная теория и гипотеза, на основе которых разворачивается система вопросов. На это обстоятельство обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс¹³. В. И. Ленин особенно подчеркивал важность методологического аспекта в постановке вопросов, отмечая, что одни и те же вопросы по-разному ставятся в контексте различных теоретических систем¹⁴. Специфика постановки вопросов органически связана с исходной позицией того, кто ставит вопрос, всякая постановка вопроса имеет определенную мировоззренческую окраску.

Рассмотренные аспекты логической теории вопросов являются существенными для правильной формулировки вопросов социологического инструментария. Логической теорией вопросов определяются точные и полные формы открытых и закрытых вопросов, используемых в социологических опросниках и анкетах.

Специфика открытых вопросов заключается в отражении того факта, что исследователем точно не определен предмет вопроса и, следовательно, ему не известно, каким может быть содержание и форма ответа.

Закрытый вопрос, наоборот, строго определяет форму ответа — суждения по существу поставленного вопроса. Следует отметить, что в обыденной речи такой вопрос часто ставится в сокращенной форме, что порой затрудняет его понимание и построение правильной формы тех суждений, которые являются прямыми ответами на него.

Ответ на открытый вопрос может быть дан в различных формах, зависящих от различных объективных и субъективных факторов, определяющих вербальное поведение респондента — его тезауруса, эмпирической ситуации, в которой осуществляется вопросно-ответная

¹² В. А. Ядов. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, с. 223.

¹³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 25.

¹⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 532—533.

процедура, состояния респондента и т. п. Открытые вопросы представляют свободу респонденту в выборе ответа. Это обстоятельство может способствовать получению полноценного ответа в тех случаях, когда нежелательно или невозможно строго определить форму ответного суждения. В связи с этим многие авторы считают открытый вопрос более надежной формой по сравнению с закрытым. Открытый вопрос в самом деле имеет больше возможности для выявления доминантного ответного суждения. Например, он обладает значительно меньшим суггестивным действием. Возможности получить полноценный ответ на этот вопрос выше также потому, что в нем полнее реализуется прагматическая осмысленность. В интервью по выяснению установок, ориентаций, позиций и т. п. скрытых социопсихологических переменных поэтому целесообразнее использовать открытые вопросы, ибо они позволяют полнее раскрыть качества респондента как личности. Они целесообразнее также при необходимости получения информации о фактах, с которыми респондент не знаком хорошо или исследователь не знает, какие из них наиболее важные для него. Примером выяснения последней ситуации может быть вопрос: «Как Вы обычно проводите свободное время?». Социолог может, конечно, сформулировать его в закрытой форме, однако он не в состоянии предусмотреть весь возможный ряд альтернатив и рискует потерять при этом важную информацию. Часто в подобных случаях уместны полужакрытые вопросы.

Полужакрытый вопрос предполагает прочерк для возможных перечисленных исследователем альтернатив. Такая сокращенная формулировка вопроса может затруднить его понимание и, в частности, понимание того множества альтернатив, которые содержатся в данном вопросе. Кроме того, такая формулировка возможна только при осведомленности респондента о том, что альтернативы перечислены не полностью. Однако чаще всего прочерк (выражения «другие факторы», «другие причины» и т. п.) отражает лишь незнание опущенных альтернатив, невозможность определить их точно.

В этом случае и не делается такая попытка, так как точная формулировка не должна делаться за счет пренебрежения альтернативами, которые не могут быть

предусмотрены. Структурно полузакрытый вопрос представляет, в сущности, синтез двух форм вопросов: закрытого и открытого.

Наряду с отмеченными достоинствами открытые вопросы имеют и ряд серьезных недостатков. Открытая форма вопроса неблагоприятно влияет на ответ тогда, когда опрашиваемый желает, чтобы респондент понял его строго определенно и дал точный отчет. Последнее не всегда удается, поскольку открытая форма вопроса требует от респондента определенных умственных усилий, умения излагать свои мысли, понимания существа дела и т. п. Поэтому в социологических вопросниках значительное число открытых вопросов остается без ответа или содержит бракованные ответы (ответы не вполне полные, неточные, неполные и т. д.). Кроме того, открытая форма вопроса значительно затрудняет статистическую обработку полученной информации, что также снижает ее надежность. Поэтому при составлении вопросника исследователи чаще всего стремятся уйти от неопределенности формулировок открытых вопросов к точной формулировке закрытых вопросов.

Закрытый вопрос содержит в себе ряд суждений-альтернатив, ответ выделяет определенный член этого ряда. Альтернативы могут быть использованы для построения различных по форме вопросов в соответствии с условиями, наложенными на способ, которым это выделение делается. Рассмотрим следующие примеры: «Какие из перечисленных фильмов... Вы смотрели?» и «Назовите один из фильмов, который Вы смотрели среди следующих...». Оба вопроса представляют собой ряд альтернатив, однако они отличны, т. к. каждый требует различного выделения. В ответе на первый вопрос респондент должен назвать все фильмы, которые он смотрел, а в ответе на второй — только один из них.

Таким образом, данный тип вопроса определяется наличием ряда альтернатив и требованием выделения. Н. Белнап в указанной выше работе обращает внимание еще и на такой важный фактор, как полноту предъявляемого требования (completeness claim request). Полнота предъявляемого требования определяет, как много правильных альтернатив должно быть выделено. В качестве примера рассмотрим следующие два вопроса.

«Какие разделы газеты Вы обычно читаете? (передовую; деятельность Советов; события за рубежом; фельетоны; экономические вопросы; спортивное обозрение; семья и быт; статьи о конфликтных ситуациях; происшествия и хронику)».

«Что Вы будете делать осенью этого года? (работать; учиться)».

Первый вопрос требует, чтобы респондент в прямом ответе перечислил все правильные для него содержащиеся альтернативы (читаемые им разделы газеты). Для этого вопросы такого типа включают максимум полноты предъявления. Второй вопрос содержит минимум полноты предъявления. Выделяя определенную альтернативу, респондент не сообщает о возможных других своих действиях. Для обоих вопросов характерно требование выделения, ибо они оба требуют прямого ответа, точного выделения одной из содержащихся альтернатив. Однако они различны по полноте предъявления. Только вопросы, содержащие максимум полноты предъявления, требуют «всей истины» в ответе, т. е. указания всех тех альтернативных суждений, которые в состоянии наиболее адекватно воспроизвести картину неизвестного.

Однако это не значит, что такие вопросы более надежные. Респондент не всегда может дать полноценные ответы по максимуму полноты предъявления, поэтому иногда лучше ограничиться надежным минимумом. Нередко рациональнее ограничиться минимумом полноты предъявления с целью экономии времени, ибо большая анкета может повлечь снижение качества информации. Не всегда также нужно знать исследователю полную картину неизвестного, а достаточно ограничиться оптимальным минимумом информации. Во всех этих случаях социологи конструируют вопросы, содержащие минимум полноты предъявления.

Рассмотренные признаки закрытых вопросов — требование выделения, полнота предъявления и способ предъявления альтернатив — наиболее выпукло характеризуют социологический инструментальный опросов. Они являются наиболее существенными и определяющими характеристиками основных типов социологических вопросов. В связи с этим целесообразно рассмотреть эти типы вопросов по уже рассмотренному выше их членению на вопросы решения и вопросы дополнения в осно-

ваний. Это три пары дизъюнктивных вопросов, несводимых друг к другу¹⁵.

1. Вопросы, которые задаются с целью выбора единственной истинной альтернативы, или *единственно-альтернативные вопросы решения* типа: «Являетесь ли Вы членом профсоюза?», «Бывает ли у Вас желание сменить профессию: очень часто, иногда, редко, никогда?».

Первый вопрос — это двухместный вопрос решения, второй — четырехместный вопрос решения. Содержание каждого вопроса означает, что он требует от респондента выбора только одной из альтернатив, представленных этим вопросом, и альтернатива, указанная таким образом, должна быть единственно истинной. Максимум полноты предъявления сочетается здесь с требованием выделения, образующего только одну из содержащихся альтернатив. Респондент, таким образом, сообщает, что альтернатива, которую он выбирает, является единственно правильной.

2. *Единственно-альтернативные вопросы дополнения* типа: «Какой из просмотренных за последний месяц фильмов Вам понравился больше всего?», «Какое натуральное число равняется сумме $5+7$?». Вопросы данного типа идентичны единственно-альтернативным вопросам решения в смысле требования выделения и полноты предъявления. Вместе они представляют одну пару единственно-альтернативных вопросов. Различие их заключается в способе предъявления альтернатив: в вопросе дополнения они не представлены явно, но могут быть получены подходящей подстановкой в функцию-указатель, определяемую вопросом.

3. *Вопросы решения*, которые задаются с целью выбора *всех истинных альтернатив*, содержащихся в вопросе. «Удастся ли Вам быть в курсе последних достижений (событий) в областях: профессиональной, поли-

¹⁵ Заметим, что в повседневной речи операции дизъюнкции соответствует соединение двух или более высказываний с помощью союза «или». В нашем тексте союз «или» может не предполагать связи между высказываниями по смыслу, как это имеет место в естественном языке, а только по их истинности или ложности. Иногда слово «или» выступает также в неисключающем значении («или А, или В, или оба вместе»), когда в сложном высказывании, состоящем из двух и более суждений, истинность одного из них не исключает истинности другого.

тической, научной, литературы, искусства?». Вопросы этого типа предъявляют альтернативы путем их перечисления. В данном отношении они идентичны единственно-альтернативным вопросам решения. Различие их в требовании выделения и полноте предъявления. Они требуют прямого ответа с выделением всех правильных альтернатив. Например, полная формулировка одного из возможных прямых ответов на приведенный выше вопрос может выглядеть так: «Мне удастся быть в курсе последних достижений в профессиональной и научной областях, но не удастся быть в курсе событий политических, литературы и искусства».

4. *Вопросы дополнения*, которые требуют полного перечисления *всех истинных альтернатив*. «Каких современных украинских поэтов Вы знаете?». Прямой ответ на вопрос такого типа должен содержать все те альтернативы, которые правильны по мнению респондента. Вопросы этого типа идентичны с вопросами решения полного перечисления альтернатив в смысле требования выделения и полноты предъявления. Однако они отличаются по способу предъявления альтернатив, которые в этом типе не указываются точно в вопросах, но могут быть получены подходящей подстановкой в функцию-указатель, определенную вопросом. Так, например, одним из возможных прямых ответов на приведенный вопрос может быть следующий: «Я знаю Павла Тычину, Максима Рыльского, Владимира Сосюру, Андрея Малышка — и это все современные украинские поэты, которых я знаю».

5. *Вопросы решения*, в которых альтернативы не являются исключающими и в которых требуется выбрать только некоторые из *истинных альтернатив*, а не все. «Вы учитесь или работаете?», «Что явилось причиной Вашего увольнения с предприятия (нужное подчеркнуть): однообразная, неинтересная работа; штурмовщина, простои; физически тяжелая работа; грязная работа; напряженность норм выработки; частые сверхурочные работы; трехсменная работа; вредные для здоровья условия труда (загрязненность, шум, жара, холод и т. д.); устарелое, изношенное оборудование; плохие бытовые условия (раздевалка, душ, места отдыха); плохая организация общественного питания; низкая оплата труда; малый размер премии; непродолжительный

отпуск; невозможность получить отпуск летом; частые командировки; невозможность получить квартиру; нет общежития или не хватает мест в нем; отсутствуют условия для учебы; отсутствие хорошего клуба; отдаленность предприятия от дома?».

Первый вопрос ставит требование выделения для прямого ответа только одной из двух наличных альтернатив. Однако это не исключает того, что другие альтернативы, не упомянутые в ответе, тоже могут быть правильными. Эти вопросы дают минимум полноты предъявления. Прямой ответ не говорит о том, насколько правильны другие альтернативы, и поэтому он содержит только один элемент, т. е. одну выделенную альтернативу. Во втором примере в скобках указывается, что респонденту необходимо отметить только одну или несколько предлагаемых правильных альтернатив. Подобные пояснения часто делаются в социологических анкетах и очень повышают надежность такого типа вопросов, так как помогают правильно ответить на вопрос.

6. *Исключающие вопросы дополнения* типа «Какой футболист киевского «Динамо» достоин быть, по Вашему мнению, членом сборной СССР?». Этот тип вопросов требует прямого ответа с выделением только одной из возможных альтернатив, представленных вопросом. В то же время он дает минимум полноты предъявления.

Следует отметить, что подобные вопросы не всегда могут быть классифицированы как вопросы решения или дополнения. В частности, как и в приведенном примере, не каждый вопрос, начинающийся вопросным оператором «какой», может быть определен как дополняющий. Вот более определенный пример вопроса-теста: «Какой из следующих русских писателей является автором романа «Обломов»: С. Т. Аксаков; Н. В. Гоголь; Ф. М. Достоевский; И. А. Гончаров; Л. Н. Толстой; И. С. Тургенев?». Здесь возможны две интерпретации вопроса. Согласно одной — это вопрос дополнения, различные альтернативы которого могут быть получены подстановкой в функцию-указатель высказывания «х является автором романа «Обломов». Однако равновозможна и другая интерпретация. Данный вопрос может быть рассмотрен как вопрос решения, в котором оператор «какой» используется лишь для краткости формулировки. Ведь полный вид такого вопроса может быть таким:

«Является ли автором романа «Обломов» С. Т. Аксаков? или им является Н. В. Гоголь? или Ф. М. Достоевский? или И. А. Гончаров? или Л. Н. Толстой? или И. С. Тургенев?». Нетрудно видеть, что в такой форме этот вопрос имеет все атрибуты вопроса решения.

Очень многие вопросы, употребляемые как в обыденной речи, так и в социологических анкетах, могут быть интерпретированы в двух описанных выше видах. Но такая двойная интерпретация возможна только в тех случаях, когда вопрос содержит небольшой ряд альтернатив. Если же этот ряд большой или неопределенный, то вопрос, содержащий его, может быть интерпретирован как вопрос дополнения, так как вопрос решения должен содержать полное и точное перечисление всего множества альтернатив. Последнее же практически затруднено при большом их числе и невозможно в неопределенном ряду.

В социологических анкетах, так же как и в обыденной речи, нередко употребляются альтернативные ответы, которые, хотя и являются ответными суждениями в закрытом вопросе, однако прямой информации не несут. Это отрицательные ответы на вопросы дополнения и косвенные ответы. Например, учитель спрашивает: «Кто решил арифметическую задачу?». Сокращенный отрицательный ответ может быть следующий: «Никто из нас». Полный прямой ответ на этот вопрос является конъюнкцией отрицательных высказываний, каждое из которых относится к отдельному человеку. Н. Белнап называет эти ответы корректирующими, так как они игнорируют ассерторическую часть вопросов.

Косвенные ответы можно рассматривать в целом как такие, которые связаны с прямыми ответами логическим следствием¹⁶. В силу этой связи высказывания, которые не являются прямыми ответами, предполагают определенную информацию и могут рассматриваться как ответы на поставленный вопрос.

Связь следствия может быть двух видов, по которым устанавливается различие между полными и частичными косвенными ответами. Непротиворечивое высказывание *S* является полным косвенным ответом на вопрос,

¹⁶ См.: J. Gieduńin. Problemy, założenia, rozstrzygnięcia. Poznań, 1964, cz. I.

если прямой ответ на него является логическим следствием этого высказывания. При этом требуется, чтобы высказывание S отличалось от любого прямого ответа на этот вопрос. Высказывание S' является частичным косвенным ответом на вопрос, если оно является логическим следствием прямого ответа на этот вопрос, и, как и в предыдущем случае, S' должно отличаться от любого прямого ответа. Связь следствия, которая существует между прямыми и косвенными ответами, является эллиптической (сокращенной) по своему характеру. Она зависит от обоснованности определенного утверждения, которое имплицитно предполагается. Поэтому говорят о зависимости косвенного ответа, то есть о его соответствии такому предположению.

Рассмотрим примеры. Высказывание «Я работаю слесарем» является полным косвенным ответом на вопрос: «Вы рабочий?», так как прямой положительный ответ является логическим следствием этого высказывания (в связи с определением понятия «рабочий»). Высказывание «Я получил бесплатную путевку в санаторий» является частичным косвенным ответом на вопрос: «Какими преимуществами пользуются члены профсоюзной организации?». Это высказывание является косвенным ответом в связи с учетом утверждения: «Члены профсоюзной организации имеют иногда возможность получения бесплатной путевки в санаторий», так как прямой положительный ответ на вопрос: «Какими преимуществами пользуются члены профсоюзной организации?» является логическим следствием связи высказываний: «Члены профсоюзной организации имеют ряд определенных преимуществ» и «Одним из преимуществ члена профсоюзной организации является возможность получения бесплатной путевки в санаторий».

В социологических опросах (особенно устных) исследователи очень часто имеют дело с такими видами ответов. Нередко при их осмысленности допускаются ошибки, снижающие качество первичной информации. Поэтому никогда не следует забывать о недостатках косвенных ответов, наиболее существенным из которых является неправильное понимание связи логического следствия между косвенным и прямым ответом на вопрос. Последняя должна быть достаточно тесной и очевидной, хотя логическая тавтология далеко не всегда очевидна.

Поэтому социологи должны иметь элементарные познания о логической структуре вопросов.

Мы подробно остановились на структуре закрытых вопросов, так как она является ключом к пониманию структуры и менее употребимых в социологических опросниках открытых вопросов. Однако это не значит, что закрытая форма вопросов лучше открытой. Выбор формы вопроса зависит, как уже отмечалось, от целей исследования и эмпирической ситуации опроса.

На основании изложенного материала нетрудно выделить по меньшей мере две группы ошибок, чаще всего встречающихся в формулировках и при постановке анкетных вопросов. Одна группа ошибок относится к синтаксису и семантике вопросов. Вопросы с такого рода ошибками алогичны и несмысленны.

Другая группа ошибок относится к прагматике вопросов: они не столько вытекают из характера и структуры вопросов, сколько сопутствуют эмпирической ситуации опроса, кроются в неясностях и неопределенностях процедуры общения, понятийного аппарата исследования методами опросов и т. д.

Причины ошибок первой группы изучаются преимущественно логиками и лингвистами. Для социологов особый интерес представляет вторая группа ошибок. Эти ошибки присущи многим исследовательским процессам, связанным с вопросами, особенно же — проведению социологического интервью и анкетирования. При анализе этих ошибок уже недостаточно принять во внимание только вопрос и грамматическую форму его постановки, как в первом случае. Детерминанты их менее явны и более многочисленны. Их анализ предполагает рассмотрение особенностей взаимодействия объекта и субъекта социологического исследования: конкретизации вопросно-ответной процедуры, конкретизации эмпирической ситуации опроса, типичных условий, которые порождают систематические ошибки, и других факторов, в общем виде уже рассмотренных при анализе гносеологических предпосылок устранения неопределенности социологической информации. В качестве следствий из общей теории вопроса, на основе анализа их логической структуры можно сформулировать ряд требований к составлению вопросов, знание которых может помочь

избегать наиболее типичных ошибок при сборе первичной информации методами опроса.

1. Определение типа вопроса не должно вызывать сомнения. Это существенно для правильной его формулировки.

2. Ассерторическая и проблематическая части вопроса должны быть отчетливо видны респонденту, поскольку являются основой для определения структуры ответа.

3. Структура вопроса должна быть предельно простой и доступной для понимания ее каждым из респондентов.

4. Вопрос должен быть рассчитан на получение только той информации, которую может дать респондент. Он должен учитывать возможную осведомленность респондента и не вызывать у него конфликта с «я-идеалом».

5. Закрытый вопрос должен ясно обнаруживать тип предложенного в нем выбора альтернатив. Это необходимо во избежание их двусмысленной интерпретации.

6. Предложенный ряд альтернатив должен охватывать все стороны неизвестного, определяемого вопросом.

7. Вопрос должен быть ясным и в отношении полноты предъявления выбора альтернатив. Выполнение названных выше требований (5, 6) позволит точнее определить сферу неизвестного и повысить точность ответов респондентов.

8. Вопрос должен ясно показывать, что множество альтернатив является законченным и сформулированы они правильно.

9. Наложение содержания альтернатив друг на друга должно быть исключено (кроме специальных случаев, предусматривающих контроль надежности информации).

10. Если в вопросе требуется выделение только одной-двух из ряда альтернатив ответа, то необходимо осторожно подходить к исключению тех членов ряда, которые могут оказаться хотя бы частично правильными.

11. Обязательным условием правильной формулировки закрытого вопроса является несомненность в истинности хотя бы одной альтернативы ответа, иначе вопрос может оказаться беспредметным.

12. Формулировка вопроса не должна производить суггестивный эффект на респондента.

13. Последовательность постановки вопросов (структура анкеты) должна быть ориентирована на благоприятное восприятие респондентом (должна казаться ему логичной).

Разумеется, данный перечень требований корректности процедуры постановки вопросов не является исчерпывающим. В этой работе мы не имеем возможности более детально остановиться на правилах адекватной реализации вопросно-ответной процедуры — важнейшего условия надежности эмпирических данных в социологическом исследовании методом опросов¹⁷.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В арсенале методических средств социологии метод анализа документов, особенно личных, занимает сейчас более скромное место, чем опросы. Несмотря на то что еще в начале века, и особенно в 20-е годы, в нашей стране и за рубежом этот метод зарекомендовал себя как эффективное средство социологического исследования (вообще имеет более чем трехсотлетнюю практику применения), вскоре он «попал в опалу» и долгое время незаслуженно игнорировался. Совсем недавно конкретная социология отождествлялась только с опросами. «Анкетомания» вытеснила не только этот метод, но и другие, не менее эффективные, экономичные и, главное, надежные методы исследования.

Документы по характеру информации большей частью ретроспективны. Поэтому среди некоторых социологов существует мнение, что этот источник информации ненадежен. Такое мнение было широко распространено в США. Причину недоверия к документам, которые якобы «менее достоверны, чем материалы, собранные интервьюером, ходящим от дома к дому с расписанием в руке», Дж. Ч. Маккини справедливо усматривает в том, что «американская социология в общем

¹⁷ Заинтересованного читателя отсылаем к обширной статье, касающейся этой темы: М. Жабский. Принципы методики стандартизированного интервью в социологических исследованиях. — «Труды Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута», вып. 60. М., 1971.

подходила к изучению общества антиисторически»¹⁸. Ретроспективные данные действительно могут оказаться менее надежными, но только в руках малоквалифицированного социолога или социолога, исходящего из неправильных методологических позиций. Известная пятитомная работа У. Томаса и Ф. Знанецкого, даже после не менее известной критики ее Гербертом Блумером¹⁹, вот уже более полувека продолжает оставаться образцом грамотного применения метода анализа документов и блестяще демонстрирует его возможности.

У. Томас и Ф. Знанецкий считали метод анализа документов основным в социологии и утверждали, что социологи должны прибегать к другим методам лишь в случае трудностей получения достаточного числа документов. Очевидно, это преувеличение, ибо критерии выбора того или иного метода определяются прежде всего объектом и условиями исследования. Однако нельзя согласиться и с противоположным мнением, что «возможности этого метода сравнительно скромны»²⁰. Мы полагаем, что меньшая популярность метода анализа документов объясняется не малыми его возможностями, а незнанием этих возможностей, неумением пользоваться этим методом, неумением отыскивать, анализировать и использовать документы, а прежде всего неумением оценить документы с точки зрения основного критерия, которому они должны удовлетворять, — критерия надежности.

Специфика документальной информации заключается в том, что в ней отражается как объект — реальная действительность, так и отношение к ней субъекта, творца документа. Для получения информации из документа о реальном факте необходимо раскрыть связь между ними. Задача социолога — реконструировать документальную информацию с тем, чтобы получить информацию о действительности, т. е. учесть исторически и субъективно обусловленную форму отражения действитель-

¹⁸ Х. Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория. М., 1961, с. 265, 263.

¹⁹ H. Blumer. An appraisal of Thomas and Znaniecki's «The Polish peasant in Europe and America». N. Y., 1939.

²⁰ Г. Н. Черкасов. Социология труда и профсоюзы. М., 1970, с. 40.

ности в данном документе и получить максимально достоверную информацию.

При сборе информации из документальных источников исследователь должен руководствоваться двумя взаимодополняющими друг друга критериями — требуемым количеством и качеством информации. Применяя эти критерии, исследователь должен следовать определенным правилам. Первое из них требует исключения информации, взятой из документа сомнительной надежности, или информации, степень научной пригодности которой близка к нулю. Другое правило требует использования информации исключительно из документального первоисточника или перепроверенных данных. Наконец, третье правило требует рассмотрения документальной информации во взаимосвязи с другой информацией, надежность которой определена. Вопрос о соотношении документальной информации и информации, полученной другими методами, следует решать в рамках соответствующей специальной социологической теории.

Социологическая информация, получаемая методом анализа документов, по своей природе существенно отличается от информации, получаемой методами опроса. С помощью методов опроса социолог получает целенаправленную информацию, т. е. информацию, которая создается по его воле, в соответствии с его целями и интересами. В этом случае он создает такой инструмент и такие условия исследования, которые в принципе могут обеспечить достоверную информацию.

Информация, получаемая методом анализа документов, создана ранее, не по воле исследователя (за редким исключением), а значит, независимо от его интересов²¹. Поэтому анализ документов как источников социологической информации предполагает, в первую очередь, выяснение возможностей использования их в научных целях. Магическое слово — «документ» (лат. *documentum* — «свидетельство», «доказательство») не должно вводить исследователя в заблуждение относительно его надежности, ибо, как отмечал еще академик М. Н. Покровский, в любом документе, «будь он написан

²¹ Следует отметить, что это обстоятельство в известном смысле является преимуществом данного метода. При создании документов редко предполагают, что они будут специально исследоваться.

на каком угодно бланке и снабжен какими угодно подписями и печатями, может быть столько же ошибок, как в любом частном письме или в любых воспоминаниях»²². В силу этого обстоятельства в социологическом анализе документы следует использовать только после того, как оценена надежность документальной информации.

Трудности в определении надежности документов делают весьма актуальной эту проблематику, тем более, что необходимость использования документов в социологических исследованиях все возрастает в связи с лавинообразным ростом их числа и разнообразия, но прежде всего в связи с возрастанием их значения в общественной жизни. Вместе с тем в отечественной литературе эта проблематика не разработана с надлежащей полнотой. Возможностям документального анализа в социологии специально была посвящена, пожалуй, только статья А. М. Гелюты и З. А. Янковой²³⁻²⁴.

Правда, несколько ранее изданы также материалы Сибирского социологического семинара (1970), посвященного контент-анализу²⁵. Однако, как подчеркивает Л. Н. Коган в своем предисловии к этому сборнику, «далеко не всегда анализ документов предполагает применение контент-анализа». Соглашаясь с Л. Н. Коганом в том, что «контент-анализ является лишь одним из этапов работы социолога над документом», мы, однако, считаем его также самостоятельным видом анализа документов (количественным), к которому следует прибегать лишь при достаточно репрезентативной совокупности однопорядковых документов с известной степенью надежности. Л. Н. Коган также особо подчеркивает то обстоятельство, что контент-анализу «предшествует необходимый этап предварительного анализа имеющихся в распоряжении социолога документов — определение степени их достоверности (верификация), авторства документов, их хронологии, характера (общественный,

²² М. Н. Покровский. Н. Н. Авлес как историк. — «Пролетарская революция», 1926, № 5, с. 218.

²³⁻²⁴ А. М. Гелюта, З. А. Янкова. Официальные и личные документы в социологическом анализе. — «Социальные исследования», вып. 7. М., 1971.

²⁵ Проблемы контент-анализа в социологии (Материалы Сибирского социологического семинара). Новосибирск, 1970.

личный документ), классификация имеющихся документов и т. д.»²⁶. Именно эти вопросы и являются предметом нашего рассмотрения.

С точки зрения определения надежности документов представляется целесообразным разделить их по информативному признаку на документы, содержащие первичную информацию, и документы, содержащие вторичную информацию. В дальнейшем будем называть их для краткости документами первичной информации и документами вторичной информации.

Такая типология документов позволяет выделить соответственно и два различных подхода к определению их надежности. Следует отметить, что в специальной литературе описывают различные классификации документов, в зависимости от принятого основания²⁷. В социологической литературе очень популярно деление документов на личные и официальные. Наша типология имеет существенное отличие, в ее основу положен не принцип создания документа, а характер его информативности.

Первичную информацию мы рассматриваем как сырой, необработанный материал, содержащий данные о состоянии объекта в определенной эмпирической ситуации. Особенностью этого вида информации является то, что она получена в форме, непригодной для непосредственного научного использования. Для этой цели она должна быть определенным образом обработана.

Соответственно, источниками первичной информации могут быть как личные, так и официальные документы. Это прежде всего документы социально-психологического характера, к которым обычно относят письма, дневники, биографии, воспоминания, характеристики, личные карточки, отчеты, заявления, жалобы, докладные и т. п., а также некоторые общественно-значимые документы, не содержащие глубоких социальных обобщений: протоколы, справки, ведомости, приказы, договора, соглашения, стенные газеты, народные сказки, баллады, анекдоты и т. п. К ним относятся также и некоторые материалы массовых коммуникаций: газет, журналов, кино, радио, телевидения, рекламы.

²⁶ Проблемы контент-анализа в социологии, с. 6.

²⁷ См.: Документалистика-69. Материалы I Всесоюзного симпозиума по документалистике. Вильнюс, 1970.

Вторичная информация носит более обобщенный характер, представляет преимущественно статистическое резюме и отражает более глубокие социальные связи.

Документами вторичной информации являются статистические данные, отчеты, сводки, планы, справки и т. д. Преимущества этого вида документов заключаются в том, что они дают возможность без особого труда проследить развитие объекта, определить его особенности на данном этапе, вскрыть тенденции дальнейшего изменения и т. п. Эти документы более формализованы, более информативны. Однако, как и документы первичной информации, они могут содержать ошибки, элементы волюнтаризма и субъективизма. Такими недостатками страдают даже материалы государственных переписей населения, получаемые обычно с помощью хорошо разработанной и надежной методики. Например, в США при государственной переписи населения в одном лишь штате Коннектикут было пропущено два города с числом жителей по 15—20 тыс., двенадцать — по 10—15 тыс., семнадцать — по 5—10 тыс., а население остальных тридцати городов было указано неправильно. Перепись населения США в 1959 г. всего не учла приблизительно 5 млн. человек²⁸. Это равняется таким городам США, как Чикаго и Детройт. Вместе с тем статистические данные обычно менее других вызывают сомнения в их надежности и уверенно используются (как это было и с данными, приведенными в примере) в научных публикациях.

Таким образом, вторичная информация, как и первичная, является научной информацией потенциально. Статус научной она приобретает в результате применения определенных исследовательских процедур (абстрагирования, генерализации, классификации, формализации, статистических методов и др.), в идеале повышающих ее надежность. Способы определения надежности и достоверности первичной и вторичной документальной информации различны, но не исключают друг друга. Иногда надежность вторичной информации предполагает проверку надежности и достоверности первичной, если она является ее непосредственным обобщением.

²⁸ О. Моргенштерн. О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1968, с. 242.

Рассмотрим оба вида документов социологической информации особо, через призму понятий надежности и достоверности.

В первой главе был дан методологический анализ понятий надежности и достоверности информации, поэтому сразу перейдем к прикладной интерпретации этих понятий. Надежность, как отмечалось, — это показатель обоснованности информации, определяющей уверенность исследователя в том, что он получает информацию, которая по ряду параметров удовлетворяет требованиям конкретного исследования, приемлема для него. Надежность документа первичной информации — это, прежде всего, есть установленная подлинность, а также неискаженность и точность содержащихся в нем данных. Определить надежность такого документа — значит определить степень доверия ему. Это предполагает анализ проблемы «происхождения» документа: установление личности автора, выявление места, времени обстоятельств появления документа, выявление в тексте исправлений, установление и устранение ошибок и т. д. При этом попутно бывает необходимой расшифровка неясных мест, обозначений, терминов, а также выявление возможных подделок, подлогов и т. п.

Однако установление надежности документа первичной информации еще не гарантирует установления достоверности его содержания. Как справедливо пишет В. А. Ядов, «документ может быть весьма надежным и тем не менее может содержать совершенно недостоверную информацию»²⁹. Польский логик Е. Гедымин в упоминавшейся выше работе определяет достоверность документальной информации как вероятность истинности суждений, содержащихся в документе, т. е. как частоту получения истинной информации на основе всех сообщений документа. Иначе достоверность можно определить как достаточно полную степень соответствия (адекватности) между явлением и его описанием в документе.

Установление надежности и достоверности документов — два взаимообусловленных аспекта исследования при определении истинности документальной информа-

²⁹ В. А. Ядов. Методология и процедуры социологических исследований, с. 167.

ции. Исходные методические указания по этому вопросу высказаны К. Марксом, который обратил внимание на то, что в работе с документами всегда следует предполагать «ложные взгляды» и «ложь в передаче фактов». Поэтому сначала «должно быть доказано, что действительно имело место нечто такое, что в известной степени равнозначно резюмируемому обозначению...», причем, если «требуется доказать, что он (Автор.— В. В.) говорит правду, то едва ли можно думать, что надо доказывать *буквально каждое слово*, иначе пришлось бы считать неверным всякое резюме...». Затем «речь может идти уже не о том, *правда ли* это или нет, а лишь о том, насколько это *точно выражено...*»³⁰.

Установление достоверности содержания документа первичной информации предполагает текстологическую критику его. Последняя одновременно является и способом определения его надежности. Под этой критикой понимается «интерпретация» документа — истолкование его содержания, фактической ценности данных, его классовой и политической направленности и т. д. Текстологическая критика документа прежде всего предполагает выяснение и уточнение данных об объекте: выражают ли они ретроспективный взгляд с позиций настоящего или впечатление о текущем событии, являются ли отражением официальных, чужих или личных концепций и аргументов, несут ли отпечаток политической и идеологической конъюнктуры, замечаний рецензентов, редактора, цензуры или какого-либо самоограничения автора.

Именно такой подход к документам неоднократно позволял К. Марксу установить истину, разоблачить его идеологических противников. Так, когда в 1860 г. публицист Цабель обвинил К. Маркса в том, что он якобы сам «сфабриковал от имени Блинда» текст анонимной листовки «Предостережение», а затем изобразил Блинда автором ее³¹, К. Маркс действовал следующим образом:

Во-первых, он проанализировал то, что Блинд говорил ему (речь шла о разоблачении К. Фогта как бонапартистского агента), и установил, что тот говорил правду. Во-вторых, К. Маркс сопоставил собранные об этом

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 187—188.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 632.

факты с интерпретацией их в листовке³² и пришел к выводу, что «в ней только сведен воедино изустный и напечатанный Блинд; это *есть* сведенный воедино Блинд». Отсюда делается вывод: независимо от того, является ли Блинд автором листовки или нет, «он остается ответственным *инициатором*». И наконец, К. Маркс приводит в завершение «документальные, имеющие юридическую силу доказательства» авторства Блинда, ибо «*быть автором и написать — действительно разные вещи*». Эти доказательства таковы: листовка «написана *почерком* Блинда», передана в типографию им самим и «рассматривалась Ф. Холлингером как плод творчества Блинда»³³.

Подобная критика — сложная задача, однако ценность документа как источника информации не должна пострадать от недостаточно критического отношения к нему. *Критический анализ даже ненадежных документов позволяет нередко получить достоверные данные.* К. Маркс писал, что, «*нимся в своем распоряжении скудные и ненадежные источники*», ему удавалось из-под «*покрова лжи*», «*из самых противоречивых утверждений «собственных корреспондентов», из французской лжи и австрийских преувеличений... извлечь то, что характеризовало действительное положение вещей...*»³⁴.

Исследователь всегда должен помнить, как отмечает советский текстолог Д. С. Лихачев, что за текстом документа стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. «Из этих людей, — пишет он, — наиболее важен для нас (если он, конечно, есть) автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переплетчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою

³² Листовка печаталась в типографии Холлингера, где В. Либкнехт обнаружил ее корректурный экземпляр с поправками К. Блинда. Наборщик утверждал, что рукопись листовки была написана рукой Блинда и передана им же Холлингеру для опубликования. В листовке содержались данные, о которых Блинд говорил Марксу. Из всего следовало, что автором «Предостережения» является Блинд, но последний отрицал это.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 499.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 461—462.

очередь, люди и люди; все общество оказывает свое замечное и незаметное влияние на судьбу памятника»³⁵.

Вопрос об авторстве документа первичной информации, в отличие от документа вторичной информации, имеет определяющее значение в установлении его надежности. Честность автора, знание им объекта описания или используемых источников, его подход к ним — вот существенные предпосылки того, что исследуемый документ является надежным. В работе над книгой «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс, например, считал возможным использование материалов, заимствованных из книги Д. Лича, так как знал, что «автор работал в течение многих лет в различных отраслях промышленности, на фабриках и угольных копях» и был ему лично известен как «человек честный, надежный и дельный», к тому же «благодаря своему партийному положению (Д. Лич был лидером манчестерских чартистов.— В. В.) он имел под рукой множество подробнейших сведений относительно различных фабрик — сведений, собранных самими рабочими...»³⁶.

В раскрытии анонимности документов первичной информации, если это необходимо, основным ключом являются преимущественно сами изучаемые документы, ибо, как правильно отмечает М. М. Рубинштейн, «и самый искусный фальсификатор не выдержал бы подделки и неизбежно в ряде мелочей выдал бы себя»³⁷.

Автор часто дает о себе ряд таких сведений, которые помогают установить его личность. При этом нужно обращать внимание на период, когда был написан документ, мотивы его написания, на принадлежность автора к определенному социальному слою, профессиональной категории, группе, на его служебное положение, общественные связи, интересы, занятия, события, в которых он принимал участие, и т. п. При отсутствии биографических данных, которых, конечно, может и не быть в документах первичной информации, нужно использовать все другие признаки документа, которые подсказали бы исследователю, каким путем надо идти для определения

³⁵ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, с. 38.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 366—367.

³⁷ М. М. Рубинштейн. Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928, с. 11.

автора. В этом плане следует обращать внимание на мировоззрение, идейную направленность, язык, стиль и прочие характеристики автора документа.

В специальной литературе отмечается тот факт, что ряд признаков, обнаруживаемых при анализе истории составления документа, может свидетельствовать об объективности автора: 1) если истинность (ложность) информации безразлична составителю или сообщаемые данные являются для него второстепенными; 2) если информация противоречит предполагаемым установкам автора; 3) противоречит интересам социальной группы, к которой принадлежит составитель и интересы которой он выражает; 4) если составитель нарушает господствующие (официальные) предписания; 5) или же описываемые в документе факты общеизвестны и легко могут быть проверены, — то имеются основания (при отсутствии других противоречащих и более сильных аргументов) доверять информации, содержащейся в данном документе ³⁸.

Таким образом, целью анализа содержания документов является установление того, *кто говорит, что, кому, как, по какому поводу и с каким результатом* ³⁹.

Эта формула приемлема и для анализа документов вторичной информации. Однако определение надежности информации, содержащейся в этих документах, имеет свою специфику. Эти документы, как правило, итоговые, автором их является преимущественно коллектив, а не отдельная личность. Поэтому важно знать методологию и процедуру сбора, обработки, анализа и интерпретации этой информации разными людьми. В публикациях по конкретной социологии обычно указывается применяемый арсенал исследовательских средств и описывается процедура исследования, чтобы «потребитель» информации мог судить о корректности ее получения и адекватности сделанных обобщений. Но делается это не всегда — иногда это невозможно или нецелесообразно.

³⁸ См., например: С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1931; А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; L. Gottschalk, F. R. Kluckhohn and R. C. Angell. The use of Personal Documents in History, Anthropology and Sociology. N. Y., 1945.

³⁹ H. D. Lasswell, N. Leites and associates. Language of politics. Studies quantitative semantics. N. Y. 1949.

Однако знать основные параметры качества информации необходимо всегда. В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость перепроверки используемых данных, требовал умения «различать факты и их интерпретацию». Широко используя вторичные документы, В. И. Ленин ни одного из них не оставлял без перепроверки. Даже в статистических таблицах он делал уточнения, перерасчеты, исправления, перегруппировки данных, в результате которых складывалась более точная картина изучаемого явления. Рассматривая, например, составленный народниками «Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии», он пишет: «Усиленно просим только читателя — как можно строже различать две стороны дальнейшего изложения: изучение и обработку фактических данных, с одной стороны, и оценку народнических воззрений авторов «Очерка», с другой»⁴⁰. Разбирая эти «Очерки», В. И. Ленин показывает, что фактические материалы могут привести к выводам, отличным от народнических, так как народники тенденциозно подходили к их интерпретации: «Приведенные данные достаточно опровергают попытки составителей «Очерка» противопоставить принципиально «кустарную форму производства» — «капиталистической»»⁴¹. В. И. Ленин указывал: «Точка зрения марксиста *всегда* будет требовать «оценки» глубокой, а не поверхностной, *всегда* будет вскрывать убожество *либеральных* извращений, недомолвок, трусливых прикрытий»⁴².

Ленинский подход к вторичным источникам информации показывает, что один и тот же материал дает диаметрально противоположные выводы при различных методических приемах его анализа. Нарушение ленинских методов работы с документами ведет к серьезным теоретическим и практическим ошибкам, которые необходимо проанализировать.

Показательным результатом применения порочной методической системы являются некоторые материалы юбилейного статистического сборника, выпущенного ЦСУ в 1927 г. к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. В одной из таблиц сборника

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 320.

⁴¹ Там же, с. 328.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 241.

приводились цифры, из которых следовало, что в Советском Союзе среди крестьянства процент середняков за десятилетие снизился. А между тем за это время в стране осуществлены величайшие социальные преобразования, совершена экспроприация кулачества, распределены не только земля, но и значительная часть средств производства между беднотой и середняками. По материалам же ЦСУ оказалось, что средняя группа крестьянства занимает в большинстве районов меньший процент, чем занимала до революции. На самом же деле в СССР шел неуклонный рост удельного веса середняков в деревне и резкое уменьшение количества бедняков. Средняк в то время уже стал, как отмечалось в партийных документах, «центральной фигурой земледелия».

В описанном случае была совершена злостная, *преднамеренная ошибка* правыми оппортунистами, выступавшими против курса XV съезда партии за всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства. Здесь не был выдержан классовый, научный подход при анализе данных, которые, как оказалось, и подобраны были тенденциозно.

Преднамеренные ошибки во вторичных документах могут совершаться и с «добрыми» намерениями. В. А. Ядов описывает такой случай, с которым столкнулись сотрудники социологической лаборатории ЛГУ в начале 60-х годов⁴³. Опираясь на вторичные документы, социологи пытались определить объем деятельности трудящихся на общественных началах. При анализе документов профсоюзных организаций, полученных в Облпрофсовете, было установлено, что последний значительно «округлял» сведения отраслевых профсоюзов. Проверка на одном из предприятий показала, что и отраслевой профсоюз также был повинен в этом. В итоге было установлено, что надежность этой информации ниже всех допустимых пределов, и от нее пришлось отказаться.

Каковы бы то ни были мотивы преднамеренных ошибок во вторичных данных, они наносят значительный ущерб науке и государству. Поэтому проблема надежности информации оказалась объектом внимания не

⁴³ В. А. Ядов. Методология и процедуры социологических исследований, с. 168.

только ученых. Коммунистическая партия и Советское правительство специально рассматривали вопрос обеспечения надежности некоторых видов массовых документов, поступающих в государственные органы. Особое значение в этой связи имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств» (1961 г.).

Важную роль в искоренении преднамеренных искажений информации (приписок, очковтирательства), явлений, глубоко чуждых самой природе нашего общества, сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1961 г. «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана». Указ устанавливает, что «приписки в государственной отчетности и представления других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов должны рассматриваться как противогосударственные действия, наносящие вред народному хозяйству СССР, и лица, виновные в этом, наказываются лишением свободы на срок до трех лет»⁴⁴.

Ряд мероприятий для повышения надежности первичных отчетов предприятий и организаций народного хозяйства разработало ЦСУ при Совете Министров СССР. Была введена единая первичная документация, сбор первичных данных стали осуществлять отдельные министерства и местные органы государственной власти по программам, утвержденным ЦСУ. Была отработана надежная система контроля данных и т. п. В настоящее время первичный статистический учет в нашей стране ведется по единой, научно обоснованной системе. В этих целях используется достаточно разработанная и надежная методика сбора и обработки первичных данных. В инструкциях составителям документов также даются научно обоснованные указания о порядке их составления и содержания каждого показателя отчетности. С целью повышения качества отчетности, представляемой предприятиями, организациями и учреждениями, статистические органы по окончании проверки и разработки той или иной формы отчетности направляют пред-

⁴⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 22, ст. 225.

приятиям письма, в которых наряду с перечнем выявленных дефектов указываются их причины и излагаются пути устранения их в дальнейшем. С работниками предприятий и организаций, отвечающими за сроки представления и надежность отчетных данных, систематически проводятся совещания, на которых обсуждаются результаты контрольных проверок и пути совершенствования работы по учету и отчетности.

Однако по целому ряду причин степень надежности статистических данных все же бывает различной. Основная причина тому — различные неизбежные в исследовании *непреднамеренные ошибки*. Поэтому, как справедливо считает А. Г. Здравомыслов, «анализ статистических данных, содержащихся в документах, требует умения оценить степень надежности изложенной в статистических сводках информации»⁴⁵.

Прежде всего следует выяснить характер, тип и причины ошибок. Источники ошибок могут быть самыми разнообразными⁴⁶, однако по своему характеру ошибки во многом общи. Они могут заключаться в неполноте охвата подлежащих регистрации единиц, в пропуске или неясности записи, в неправильности единичных записей и т. д. Такие ошибки возникают обычно непреднамеренно, в связи с невнимательным отношением авторов документов к порученной работе, отсутствием твердых знаний и опыта в проведении наблюдения и составлении документов и т. п. Неточности, неправильности в данных, полученных при статистическом наблюдении, принято называть *ошибками наблюдения*. Последние подразделяются на два вида: ошибки регистрации и ошибки репрезентативности.

Ошибки регистрации возникают в результате неправильного установления фактов в процессе наблюдения или ошибочной их записи. В итоге неизбежно расхождение между значением показателя, найденного при наблюдении, и действительным его значением. Ошибки регистрации бывают случайными и систематическими.

⁴⁵ А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 151.

⁴⁶ О некоторых из них см., например: С. Ковалевски. Условия честности информации в многоинстанционных учреждениях. — «Prakseologia», № 35, 1970.

Случайные ошибки могут быть допущены при заполнении документов (описки), при измерении определенных показателей, при подсчете и т. п. Они вызываются большим количеством таких факторов, эффекты действия которых столь незначительны, что их нельзя полностью выделить и учесть в отдельности. Случайную ошибку можно рассматривать как суммарный эффект действия таких факторов. Случайные ошибки неустраняемы, их нельзя исключить в каждом из результатов измерений. Но с помощью методов теории вероятностей можно учесть их влияние на оценку истинного значения исследуемой величины, что позволяет определить ее значение со значительно меньшей ошибкой, чем ошибки отдельных измерений.

Случайные ошибки могут быть направлены как в сторону приуменьшения, так и в сторону преувеличения истинного значения. При описании массовых явлений они большой опасности не представляют, так как в обобщающих показателях в основном взаимопогашаются.

Систематические ошибки вызываются вполне определенными причинами: неправильным выбором метода сбора или обработки первичных данных, неточностью в инструменте, постоянным влиянием некоторых внешних факторов и т. п. Например, если при измерении первичной информации имелась погрешность равномерности шкалы, то все снятые показания будут смещены на определенную постоянную величину, выражая систематическую ошибку. Так как причины, вызывающие систематические ошибки, в большинстве случаев определяемы, то эти ошибки в принципе могут быть исключены. Выявление и исключение систематических ошибок требует специальных исследований — изменения метода исследования, измерения одной и той же величины разными методами, введения соответствующих поправочных коэффициентов к полученным данным, сравнения полученных данных с результатами аналогичных исследований и т. п.

Ошибки репрезентативности данных возникают в выборочном исследовании. Они представляют собой отклонения значений показателей по выборочной совокупности от их значений по генеральной совокупности. Эти ошибки также бывают случайными и систематическими. Случайные ошибки репрезентативности возникают при

отборе единиц, подлежащих изучению, и являются фактически неизбежными в выборочном исследовании. Размер случайных ошибок зависит от способа отбора единиц изучения, от степени колеблемости признака в совокупности и от числа единиц, подвергаемых исследованию. При помощи теории математической статистики ошибки такого рода можно рассчитать и предвидеть в случайных способах отбора.

Систематические ошибки репрезентативности данных могут быть вызваны как отбором, так и другими причинами. Ошибки, связанные с отбором, возникают в основном из-за применения несоответствующего списка единиц совокупности или неправильной процедуры оценки. Эти ошибки при правильном проведении отбора не возникают или же являются незначительными. Более серьезное искажение результатов исследования является следствием систематических ошибок, не связанных с отбором. Основная причина их в том, что в социологической выборке неизбежно существует некоторая доля единиц, которые остаются неизученными из-за трудностей контакта с ними. Существенными причинами искажения результатов являются также систематические ошибки измерения первичных данных и процедуры обработки (кодирования, расчетов и т. п.).

Таким образом, результаты статистического наблюдения, вторичные данные, всегда выражаются с той или иной, большей или меньшей ошибкой. Однако признание этого факта не означает, что с ошибками следует мириться как с неизбежностью. Напротив, необходимо приложить максимум усилий для их идентификации и устранения. При этом следует иметь в виду, что случайные ошибки подчиняются стохастическим закономерностям и могут быть оценены. Что касается систематических ошибок, которые носят процедурно обусловленный характер, то они могут быть скорректированы с помощью известных технических приемов, поправочных коэффициентов и т. п.

Поэтому использование материалов статистического наблюдения в социологических исследованиях предполагает их всестороннюю проверку и контроль. Прежде всего производится внешний контроль. При этом проверяется правильность оформления документов, наличие и отчетливость всех необходимых записей, предусмотр-

ренных программой и правилами, а также полнота материала и охвата всех отчетных единиц или единиц наблюдения.

После внешнего контроля следует прибегать к внутреннему — качественному и количественному. Качественный контроль — это контроль за сохранением параметров (очевидных) наблюдаемых объектов. Например, в материалах переписи (ценза) США за 1950 г. исследователи обнаружили вызывающее удивление число 14-летних овдовевших и разведенных подростков. Также тысячи 13—15-летних подростков, по данным переписи, поступили в первый класс начальной школы⁴⁷. Несомненно, что здесь содержится ошибка, которую не обнаружил строгий контроль ценза. Качественный контроль предусматривает также сопоставление данных между собой или сравнение полученных данных с другими источниками по этому же вопросу. Такой анализ документов нередко дает возможность установить структурные связи между полученными фрагментарными сведениями и на их основе воспроизвести действительный процесс или явление.

Количественный контроль заключается в счетной проверке всех итоговых показателей, содержащихся в отчетности или формулярах обследования. Его цель — находить и исправлять ошибки подсчетов, увязывать те показатели, которые могут быть выведены один из другого. При количественном контроле результатов статистического наблюдения, и особенно отчетности, необходимо привлекать материалы из других источников по тем же показателям. Например, при проверке данных годовых отчетов о текучести кадров на предприятии их можно сопоставить с месячными отчетами. При обнаружении в процессе таких проверок сколько-нибудь заслуживающих внимания расхождений, не находящихся удовлетворительного объяснения, необходимо произвести дообследование: использовать документацию цехов, отделов, служб или прибегнуть к опросам.

Наконец, надежность вторичных данных не может быть оценена, если они не сопоставляются с задачей и программой исследования, в рамках которых они планируются и используются.

⁴⁷ О. Моргенштерн, О точности экономико-статистических наблюдений, с. 44.

Анализ документов — эффективный метод социологического исследования. Он может выступать ведущим методом при изучении многих социальных переменных, особенно латентного характера. Однако в силу недостаточной систематичности, репрезентативности или же в силу значительной субъективности документальных данных этот метод не всегда оказывается достаточно надежным.

Поэтому определение надежности документальных данных в процессе их сбора — первостепенная задача исследователя. Необходим также контроль их надежности с помощью данных, полученных другими методами. Не следует забывать, что ни один из методов не гарантирует получение готовых научных фактов, а дает только исходный эмпирический материал, который требует дальнейшего анализа и интерпретации.

НАДЕЖНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Основные причины неопределенности социологической информации, как уже отмечалось, кроются в специфике социологического эмпирического исследования. Разная степень ее зависит, прежде всего, от надежности выбранного метода получения информации. Забегая вперед, заметим, что социологическое наблюдение — наиболее уязвимый в этом отношении метод.

Социологическое наблюдение⁴⁸ в настоящее время применяется преимущественно как дополнительный метод сбора первичной информации наряду с опросами и анализом документов. Однако оно может быть и основным методом при изучении объектов с локализованным, четко определенным зрительным полем, а на стадии первичного ознакомления с объектом во всяком исследовании наблюдение просто незаменимо.

Основным преимуществом наблюдения по сравнению с другими методами социологического исследования является то, что этот метод позволяет изучать социальные

⁴⁸ В отличие от распространенного понимания наблюдения как всякой процедуры получения эмпирических данных в социологии под наблюдением понимают только метод регистрации непосредственно наблюдаемых эмпирических референтов социальных явлений или процессов.

явления и процессы непосредственно во взаимодействии, в процессе их функционирования и, таким образом, яснее и точнее обнаруживать их связи и отношения, более четко очерчивать их параметры. Являясь преимущественно методом изучения явлений, связанных с функционированием малых групп и коллективов, наблюдение позволяет непосредственно в естественных для них условиях воспринимать формы общения индивидов, направленность действий и т. п. и давать им более надежные оценки при анализе. Достоверность данных наблюдений не зависит при этом ни от информированности (тезауруса) наблюдаемых, ни от их желания дать истинные сведения, что существенно, например, при опросах.

Вместе с тем широкому применению этого метода препятствуют серьезные трудности внутреннего порядка, существенно сужающие его возможности. Мнение о наблюдении «как наиболее элементарном методе»⁴⁹ эмпирического исследования явно не учитывает его особенностей в социологическом исследовании. Обеспечение надежности эмпирических данных именно при использовании этого метода чрезвычайно усложняется. При разработке методики социологического наблюдения необходимо учитывать, прежде всего, «возмущающее» влияние субъекта и объекта наблюдения на процесс исследования. Это влияние, как уже отмечалось, — основная причина деформации первичной информации.

Независимо от вида наблюдения наблюдатель так или иначе всегда «вмешивается» в исследуемый процесс, привносит в него нечто «от себя». Это ведет к некоторым изменениям в этом процессе, а в результате — наблюдаемая ситуация будет несколько отличаться от ненаблюдаемой. Показательным примером «эффекта наблюдения» является широко известный социологам Хоуторнский эксперимент, при осуществлении которого оказалось, что никакое манипулирование с условиями труда и даже системой заработной платы не произвело столь глубокого влияния на производительность труда наблюдаемых, как ставший известным факт, что группа находится под наблюдением.

⁴⁹ О. М. Сичивада. Методы и формы научного познания. М., 1972, с. 8.

Подобное влияние особенно существенно деформирует данные об аномальных явлениях и отклоняющемся поведении. Такие явления обычно скрывают от наблюдателя, и, естественно, ситуация наблюдения существенно изменяется.

Известно, что опыт наблюдателя никогда не ограничивается только научным знанием, а обязательно включает личный жизненный опыт, привычные, укоренившиеся стереотипы суждений, эмоциональное восприятие объекта и т. п. Социолог, в отличие от естествоиспытателя, наблюдает в широком смысле то, частью чего является он сам — общество, социальные процессы. Жизненные ситуации настолько знакомы и привычны ему, что он затрудняется смотреть на них «со стороны». Поэтому наблюдатель может «приспосабливать» получаемые данные к своим сложившимся стереотипам суждений, установкам и давать им неправильную оценку. В итоге получается, что он регистрирует не сам факт, а свое мнение о нем. Это типичная систематическая ошибка, которая трудно поддается устранению. Не случайно К. Мозер пишет, что «стремление к наблюдению, не окрашенному выводом и интерпретацией, является, возможно, стремлением к невозможному»⁵⁰. Надежный наблюдатель поэтому — неизменная проблема исследовательских организаций.

Характерный пример. Когда в 1940 г. фонд Карнеги США предпринял попытку объективно исследовать положение негров в стране, то самой трудной проблемой оказался подбор беспристрастных, непредубежденных наблюдателей. Безуспешными оказались даже поиски беспристрастного руководителя исследовательской программы. В итоге председатель фонда признал, что в США им не удалось найти такого ученого. Поэтому для руководства исследованием вынуждены были пригласить иностранного ученого — известного шведского социолога Гуннара Мюрдаля.

Следует отметить и другую сторону отрицательного эффекта взаимодействия субъекта и объекта наблюдения, особенно ярко проявляющегося во включенном

⁵⁰ К. Мозер. Методы социального исследования. — «Информационный бюллетень ССА. Серия: переводы и рефераты», № 32, вып. II. М., 1970, с. 18.

социологическом наблюдении. «Вживаясь» в исследуемую группу, наблюдатель утрачивает возможность объективно судить о ней. Этот феномен возникает потому, что наблюдатель подчиняется нормам этой группы, разделяет ее ценности, становится на точку зрения ее членов, лишаясь, тем самым, многих каналов получения объективной информации. При этом, будучи вынужденным занимать в иерархии позиций различной престижности свою определенную, наблюдатель теряет и независимость исследователя.

Таким образом, особенности взаимодействия объекта и субъекта социологического наблюдения определяют в конце концов и надежность первичной информации. Поэтому конкретный анализ типов этого взаимодействия приобретает существенное значение для разработки эффективной процедуры и техники сбора надежной информации.

Социологическое исследование методом наблюдения конкретизируется в различных типах взаимодействия субъекта и объекта. Для всякого социологического наблюдения, в зависимости от того, знают ли наблюдаемые о нем или нет, характерны следующие типы этого взаимодействия:

1. *Включенное наблюдение* — наблюдаемые знают о нем. Субъект в силу самого факта включения ощущает влияние объекта, в известной мере сам становится объектом. Объект реагирует на присутствие субъекта.

В данном случае причиной деформации информации может быть «возмущение», вызванное обоюдным влиянием.

2. *Включенное наблюдение* — наблюдаемые не знают о нем. Субъект также ощущает влияние объекта, однако объект не реагирует на присутствие субъекта. Надежность информации в данном случае повышается.

3. *Невключенное наблюдение* — наблюдаемые знают о нем. Объект существенно не влияет на субъекта, но сам реагирует на его присутствие. Эта реакция, изменение поведения — основная причина деформации эмпирических данных.

4. *Невключенное наблюдение* — наблюдаемые не знают о нем. Во взаимодействии субъекта и объекта фактически «возмущающего» влияния не возникает. Однако увеличивается возможность деформации и потери ин-

формации за счет более ограниченного зрительного поля наблюдения. В данном случае, как и в предыдущем (3), большая вероятность ошибок организационно-технического характера.

В рассмотренных взаимодействиях субъекта и объекта наблюдения проблема исключения «возмущающих» факторов, проблема получения надежной информации — это проблема учета конкретных условий наблюдения, его научной организации и проведения, а также контроля данных на обоснованность, устойчивость и точность.

С этой целью объект прежде всего должен быть определен в конкретной эмпирической ситуации. Последняя, как известно, может быть как естественной, так и искусственной. В зависимости от этого, а также от условий ведения наблюдения выбирают и тип взаимодействия. При стандартизированном наблюдении эмпирическая ситуация должна быть кодифицирована в категориях гипотезы и программы исследования. Соответственно им разрабатываются рубрики индикаторов наблюдения. Единая система индикаторов наблюдения определенной эмпирической ситуации позволяет унифицировать данные, осуществлять их количественную обработку, повторять и вычислять необходимые корреляции наблюдения.

Операционально это выглядит как протокольная регистрация определенных актов поведения наблюдаемых индивидов под определенным углом зрения, по предельно стандартизированной методике (в дневниках, таблицах или на специальных карточках), в строго фиксированное время. Например, рубрики наблюдаемых индикаторов, относящихся к категории «активность», могут фиксировать определенные социально-психологические характеристики объекта (позитивные и негативные реакции): степень коммуникабельности, уровень сознательности, конфликтные реакции, их причины, характер (личный, общественный) и др.⁶¹

⁶¹ В качестве примера можно привести шкалу индикаторов, определяющую общительность по ритуалу приветствия в группе.
Место: ... Время: ... Состав группы: ..., в том числе: муж. ..., жен. ...
А. Приветствие членов группы между собой следует преимущественно:

1. ко всем, 2. к большинству, 3. к большей половине группы, 4. к почти половине, 5. менее, чем к половине, 6. к немногим,

Тщательная разработка методики наблюдения еще в 20-е годы позволяла советским социологам получать достаточно надежные результаты и выводы. Особенно эффективным метод наблюдения оказался при изучении аудитории кинозрителей. Наблюдение велось обычно по второму типу взаимодействия субъекта и объекта — наблюдатель находился в зрительном зале и в специально разработанной таблице индикаторов отмечал реакции зрителей. Под реакцией понимались определенные варианты поведения зрителя во время просмотра фильма:

1) положительное активное вмешательство зрителя в ход действия; 2) разговор по существу момента; 3) овации; 4) сильный смех (+), плач (—), испуг (?); 5) слабый смех (+), плач (—), испуг (?); 6) звуко-двигательное беспокойство; 7) напряженная тишина; 8) тишина; 9) рассеянность; 10) разговор не по существу; 11) отрицательное активное вмешательство в ход действия.

Каждому игровому моменту фильма ставился в соответствие определенный показатель варианта поведения зрителя⁵². Полученные данные нетрудно было представить для анализа в виде точных графиков и таблиц, количественно изображающих степень восприятия зрителем данного кинофильма.

Эмпирические социальные ситуации отличаются разнообразием показателей. При их наблюдении не может быть использован общий план и единая система индикаторов, пригодных на все случаи. Анализ специальной литературы, тем не менее, позволяет выделить основные категории социальной эмпирической ситуации:

— состав участников (социально-демографические индикаторы);

— внутренние мотивы, создавшие ситуацию;

7. к определенному члену группы.

Б. Приветствие происходит обычно:

1. очень незаметно	1.2.3.4.5.6.7.	очень заметно
2. очень официально	1.2.3.4.5.6.7.	очень фамильярно
3. очень тихо	1.2.3.4.5.6.7.	очень громко
4. лаконично	1.2.3.4.5.6.7.	многословно
5. без жестикующий	1.2.3.4.5.6.7.	с жестикующий

Пример взят из кн. Methoden der marxistisch-leninistischen Sozialforschung, S. 129.

⁵² «Труды Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута», вып. 60. М., 1971, с. 147.

- внешние стимулы (побуждения);
- целенаправленность действий наблюдаемых;
- связь ситуации с условиями возникновения;
- продолжительность ситуации;
- регулярность и частоту повторения;
- средства, применяемые в социальном общении;
- внутреннюю атмосферу (солидарность в разделении функций, конфликты);
- внешнюю среду;
- ограничения, налагаемые на участников;
- существенные упущения (участники не производят действий, которых от них ожидают в данной ситуации);
- отклоняющееся поведение;
- противоречивое в данной ситуации (одни действия наблюдаемых противоречат другим);
- последствия взаимодействия между участниками.

Исследование, ориентированное на учет всех этих показателей, делает возможным в итоге сопоставимость данных с исходными посылками. Достигается это, как уже отмечалось, унификацией данных, путем выбора единой системы индикаторов. В связи с этим большое значение имеет и проблема унификации терминологии, которой пользуются исследователи.

Вербальные формы регистрации данных, как известно, носят произвольный характер, в силу этого показания разных наблюдателей могут не совпадать. Кроме этого, остается опасность, что наблюдатель будет регистрировать наиболее яркие, наиболее выраженные внешние свойства объекта, упуская другие, возможно, более существенные для понимания изучаемых процессов и явлений.

Вместе с тем существует закономерность: чем больше отличаются между собой данные единичных наблюдений, тем меньше надежность результатов исследования, и наоборот. Использование единой системы индикаторов регистрации социальной ситуации и единого понятийного аппарата позволит описать ее наиболее адекватно, наиболее полно и в необходимых деталях (если это не специально флюктуирующее наблюдение) и обеспечить единообразие и воспроизводимость результатов исследования, даже проводимого различными наблюдателями. В итоге, вопреки мнению о неустойчивости и

несопоставимости данных, полученных от различных наблюдателей, может быть достигнута корреляция данных в пределах 0,75—0,95⁵³.

Однако научная разработка системы наблюдения, позволяющая учитывать объективные аспекты в исследовании — формирование проверяемой гипотезы, рациональный выбор поля и ситуации наблюдения, точное и полное определение категорий и индикаторов объекта наблюдения, — не гарантирует автоматическое получение достоверной информации. В программе наблюдения невозможно предусмотреть, а тем более — устранить многие субъективные причины деформации информации. К таковым причинам относятся те, которые обусловлены личностным характером восприятия. Поскольку от наблюдателя фактически всецело зависит надежность эмпирических данных, его личности должно быть уделено особое внимание.

В рассмотренных выше взаимодействиях мы отмечали возможность обратного влияния — объекта исследования на субъект. В этом влиянии кроются многие причины неточного или деформированного восприятия объекта. С точки зрения психологии восприятия, наблюдение — это отбор впечатлений. Сам отбор обусловлен не только ситуацией, но и особенностями личности наблюдателя. Возможности отбора не являются результатом сознательного регулирования действий наблюдателя, а заложены в самой природе восприятия⁵⁴. Поэтому при отборе трудно провести грань между объективным и субъективным в восприятии. Это и обуславливает возможность неадекватного восприятия.

Проблема адекватного наблюдения индивидуальным наблюдателем, таким образом, должна решаться как проблема обеспечения достоверности субъективного восприятия. С процедурно-технической стороны это принимает форму обеспечения обоснованности метода. Метод считается тогда обоснованным, когда он обеспечивает сбор именно той информации, которая отражает реальное положение вещей, и исследователь уверен, что он по-

⁵³ См.: М. Л. М о н и н а. Критические очерки методов и техники социологических исследований за рубежом. — «Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Информационный бюллетень, № 1». М., 1967, с. 87.

⁵⁴ М. С. Р о г о в и н. Введение в психологию. М., 1969, с. 154.

лучает запрограммированное качество информации. Важной задачей при этом является учет и исключение ошибок. Ниже рассмотрим некоторые, наиболее часто встречающиеся ошибки наблюдения, возникающие по причине субъективного восприятия объекта наблюдателем.

Одной из наиболее распространенных ошибок наблюдения, обусловленных «возмущающим» действием объекта на субъект, является «ошибка впечатления» («галло-эффект» или «престижное излучение»). Например, в процессе наблюдения исследуемый проявил ряд положительных качеств, которые к тому же совпадают с ожиданиями исследователя. В результате последний склонен приписывать наблюдаемому другие положительные качества, проявления которых он фактически не наблюдал. Это, естественно, касается и обобщения отрицательных свойств. Данный эффект проявляется прежде всего тогда, когда наблюдаемые переменные определены неясно, редко встречаются или имеют большое моральное значение. Существенна роль при этом степени осведомленности субъекта об объекте. Подмечена тенденция — чем продолжительнее знакомство наблюдателя с наблюдаемым, тем сильнее становится ошибка впечатления.

Надежность информации снижается иногда из-за допущения родственной ошибки — «ошибки снисходительности». Она заключается в тенденции наблюдателя давать завышенную оценку реакциям наблюдаемого. Иногда это случается из-за того, что наблюдатели-полевики, полагая, что получаемые отрицательные данные могут повредить их профессиональному престижу или вызвать недоверие, сознательно «улучшают» и дополняют данные наблюдения. Но, чаще всего, эффект снисходительности возникает несознательно, в случае личной симпатии к наблюдаемому. Причинами этой ошибки могут быть также поверхностное ознакомление наблюдателя с программой исследования, недобросовестное отношение к порученной работе и т. п. Это типичная ошибка моментных статистических наблюдений, особенно если ведутся они не по стандартизированной технике.

Следующую ошибку, которая возникает по вине наблюдателя, можно назвать «боязнью крайностей». Боязнь крайностей при оценке данных имеет объективную основу: каждый наблюдатель знает, что крайние

реакции поведения наблюдаемых бывают намного реже, чем реакции средней интенсивности. Поэтому некоторые наблюдатели стремятся избежать крайних оценок. В итоге данные наблюдения определяются в направлении усреднения. Однако это даст бесцветные и однообразные, трудно отличимые от других результаты. Другими причинами такого рода ошибок могут быть неуверенность, плохое знание объекта наблюдения, недостаточная продолжительность наблюдения и, опять таки, снисходительность наблюдателя.

Нередко допускается сходная с описанной ошибкой наблюдения логическая *«ошибка поспешного обобщения»*. Обыденное сознание полагает, например, что «образованные люди красноречивы, а красноречивые — образованны». Подобным образом считается, что «приветливые люди добродушны, а добродушные также и доверчивы». Предположение, что определенные черты личности связаны между собой (или наоборот — несовместимы) нередко является причиной своеобразного модельного мышления наблюдателя. Такой наблюдатель склонен заключать на основании некоторых черт личности наблюдаемого или некоторых актов поведения о характере или способе его поведения вообще. Ложная установка на стереотип поведения наблюдаемого является причиной *«приспособления»* к этому стереотипу действительных черт личности наблюдаемого.

Ложная установка лежит и в основе часто встречающейся серьезной *«ошибки интерпретации данных»*. Еще Э. Дюркгейм отмечал, что некоторые наблюдатели склонны оценивать наблюдаемых с собственных позиций, например, считать их несчастными на том основании, что сами они на их месте были бы несчастны. Предубежденный наблюдатель, исходя из собственной установки, регистрирует то, что ему кажется, а не видится. Точнее — ему видится то, что кажется.

У этой ошибки есть объективное основание. Известный французский психолог П. Фресс пишет, что «в той мере, в какой научное наблюдение является поисками ответа на какой-то вопрос, оно создаст установку, благоприятную для того, чтобы не упустить значимый факт». Однако тут же добавляет, что «излишне нацеленная установка создает предвзятость и заставляет нас интерпретировать двусмысленные показания в духе на-

ших ожиданий»⁵⁵. Такая установка бывает причиной того, что даже высококвалифицированные наблюдатели (психологи) могут давать до 80% несовпадающих заключений о поведении человека⁵⁶.

Отметим еще одну, реже встречающуюся ошибку этого рода — «ошибку контакта». Исследователи психологии личности констатировали, что если индивидуум воплощает в себе более-менее крайние черты характера, то он легко склоняется приписывать другим людям противоположные крайности этого характера⁵⁷. Наблюдатели с таким складом характера склонны не замечать или оспаривать наличие собственных, интроспективно наблюдаемых черт характера у других людей. Это ведет к тому, что они обычно гипертрофируют противоположные себе черты характера у наблюдаемых. В итоге представленные ими данные оказываются недостоверными.

Рассмотренный перечень ошибок не является исчерпывающим. Некоторые авторы указывают на другие, менее существенные ошибки наблюдения⁵⁸.

Пути повышения надежности данных наблюдений различны. Некоторые из них мы уже рассмотрели. Основной подход к исключению большинства рассмотренных ошибок напрашивается сам собой — наблюдатель должен строго регистрировать лишь очевидные реакции поведения наблюдаемых и по возможности избегать общих оценок в отношении сложной совокупности личностных черт. При этом «чем более наблюдение структурировано и кодифицировано заблаговременно, — пишет М. Гравитц, — тем меньшую роль играет личность наблюдателя»⁵⁹.

Арнольд Пинтер считает, что подготовка и тренировка квалифицированных наблюдателей может значительно ослабить или вовсе свести к минимуму влияние наблюдателей на качество результатов.

⁵⁵ П. Фресс. Экспериментальный метод. — В кн.: Экспериментальная психология, под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М., 1966, с. 109.

⁵⁶ М. С. Роговин. Введение в психологию, с. 162.

⁵⁷ J. P. Guilford. Fundamental Statistics in Psychology and Education. New York, Toronto, London, 1965, p. 141.

⁵⁸ См.: J. P. Guilford. Fundamental Statistics..., p. 149. H. Donat. Persönlichkeitsbeurteilung. München, 1965, S. 105 u. w.

⁵⁹ Р. Пэнто, М. Гравитц. Методы социальных наук. М., 1972, с. 552.

Решение этой проблемы он видит в теоретической подготовке социологов по проблемам теории личности и группы, воспитании и тренировке воли, самокритичности, объективности, в сравнении данных, полученных разными наблюдателями⁶⁰.

Метод наблюдения (при правильной его организации и корректному проведению) позволяет получать достаточно надежные первичные данные. Применение его в конкретных социальных исследованиях имеет то преимущество, что он позволяет изучать социальные явления в самых разнообразных естественных условиях. Вместе с тем это создает и определенные трудности при вычленинии общего в изучаемых явлениях. Поэтому на основании информации наблюдения намного труднее (а иногда — и вовсе невозможно) установить закономерности изучаемого явления, выявить его детерминанты. В процессе наблюдения явление выступает в своем сложном, аналитически не расчлененном виде, зависящее от влияния множества случайных и нетипических факторов.

Невозможность изолировать явление от всей совокупности взаимосвязанных условий, в том числе и условий наблюдения, составляет главную трудность использования этого метода в конкретных социологических исследованиях. Этим объясняется то, что наблюдение чаще всего используется на предварительных, диагностических этапах социологического исследования и должно корректироваться другими методами. Уместно здесь привести мысль Ф. Энгельса о том, что наблюдение также стимулирует «потребность в новых способах объяснения» фактов⁶¹.

В заключение отметим, что метод социологического наблюдения содержит в себе большие, далеко еще не исчерпанные возможности сбора достоверной информации. Поэтому очень актуальной является дальнейшая разработка его методологических основ, уточнение границ его применения и нахождение наиболее адекватных процедур и техники наблюдения в каждом конкретном случае.

⁶⁰ A. Pinther. Grundprobleme der Beobachtungsmethode. In: Methoden der marxistisch-leninistischen Sozialforschung, S. 136—137.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 555.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные методологические проблемы надежности социологической информации. Осуществленный анализ позволяет утверждать, что многие понятия аппарата их исследования, заимствованные из техники и точных наук, правомочно экстраполированы на конкретные социологические исследования. Границы экстраполяции определяются спецификой этих исследований. Осознавая ограниченное значение понятий, используемых в других конкретных науках и адаптировавшихся в социологии, мы стремились дать им философскую интерпретацию. Определение надежности социологической информации встречает некоторые трудности методологического характера, вызванные тем, что в социологии нет специального понятийного аппарата для характеристики процесса конкретного социологического исследования с точки зрения этой проблемы. Преодоление этих трудностей возможно путем логико-методологического анализа системы получения достоверного социального знания, основных ее методов и техники с точки зрения их возможностей и границ применения.

Нам представляется, что перспективные в научном отношении пути повышения надежности социологической информации, а следовательно, и эффективности конкретных социальных исследований связаны с более высоким уровнем общей процедурной организации отдельного исследования и целых циклов проблемных исследований. Разрозненные, проведенные с разных методологических позиций с помощью неадекватной методики исследования не могут дать сравнимые и надежные результаты и не могут обеспечить решение социальных проблем. Более сложная и широкая по масштабам организация социологических исследований, основанная на прочном фундаменте марксистской методологии, становится необходимой как в теоретическом, так и в практическом плане. Этого требует и сложность логического пути социального исследования — от исследований поискового, эмпирического уровня к рабочим гипотезам

и предварительным теоретическим концепциям, от более организованного, направленного исследования к более разработанной теории и более обоснованной гипотезе дальнейшего исследования.

Актуальной задачей социологии в настоящее время является активное применение диалектического метода к конкретному исследованию социальных явлений, их анализ с точки зрения реальных противоречий как движущих сил любого социального процесса. В работе подчеркивается, что руководящей нитью конкретного социального исследования должно быть сознательное применение основных принципов, разработанных марксистской философией: принципа детерминизма, принципа развития, принципа определяющей роли общественного бытия по отношению к сознанию, принципа единства теории и практики, принципа конкретности исследовательского подхода и других. Принципы диалектического метода в конкретном исследовании исключают применение умозрительных схем и шаблонов, требуют правильного сбора, адекватной оценки, надежной обработки и, главное, научно-обоснованной марксистской интерпретации эмпирических данных. Умение объяснять эмпирический материал, «свободное движение в материале,— подчеркивал К. Маркс,— есть не что иное, как парафраз определенного метода — именно диалектического метода»⁶².

Методологические принципы и теоретические положения марксистской философии являются критериями самого выбора и формулировки проблемы социологического исследования, разработки гипотезы, надежности методов и процедуры организации и проведения исследования. Метод определяется автором как надежный, если он обладает оптимальной чувствительностью, стабильностью и соответственной обоснованностью. Информация, полученная надежными методами, является точной, устойчивой, обоснованной. Такая информация, доброкачественная и по уровню адекватности отражения объекта, является достоверной или приближается к ней. В связи с этим понятие надежности, определяемое автором как приемлемое исследователем качество получаемых результатов, рассматривается в соотношении с по-

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 572.

нениями достоверности, вероятности, качества (в прикладном понимании).

Анализ методики конкретно-социологического исследования позволяет утверждать, что каждый метод имеет свою наиболее адекватную и эффективную сферу применения. Любое преувеличение значения конкретного метода, абсолютизация его, как это наблюдалось в отношении анкетирования, является исключительно опасным в социологии. Ни один из эмпирических методов не гарантирует получение бесспорных научных результатов, а только дает исходный эмпирический материал, который требует дальнейшего анализа и интерпретации. Ни один из методов конкретного социологического исследования не гарантирует также получения достоверных и надежных данных. Практика показывает, что действительно оригинальные и ценные научные исследования требуют не только глубокого теоретического предвидения и не просто тщательной реализации готовых методических правил, но и подлинно методического искусства. Сложность этого искусства состоит в выборе наиболее эффективных технических приемов с учетом изучаемой проблемы, гипотезы, характера исследуемого объекта и других особенностей процесса исследования.

В связи с этим правильной представляется тенденция в марксистской социологии к комплексному использованию целого ряда методических приемов в рамках одного исследования. В наиболее крупных исследованиях, проведенных в нашей стране, очень редко использовался один метод в «чистом» виде. Как правило, в каждом исследовании применяется комплекс различных методов, представляющих методическую систему данного конкретного исследования, объединенную общей социологической концепцией и методологической позицией. В этой системе каждый метод, сохраняя общие особенности этой системы, имеет и свои специфические свойства. В каждом конкретном социологическом исследовании эта система выступает в своем качественном своеобразии и зависит от того, какая социальная проблема подвергнута анализу.

В качестве ведущего может выступить любой из применяемых методов. Так, при изучении скрытых социальных переменных личностного характера ценные данные дает анализ личных документов. Однако в силу недоста-

точной систематичности, репрезентативности или же в силу субъективности документальных данных этот метод недостаточно надежен при исследовании вербального поведения и используется реже опросов. Методы опроса более универсальны, они эффективны при изучении как скрытых переменных, так и реальных актов поведения. Кроме того, данные опроса носят направленный характер и лучше поддаются количественному анализу. При изучении невербального поведения ведущим методом может быть также социологическое наблюдение, а интервьюирование — лишь дополнением к нему. Неблагодарным занятием было бы ранжирование методов конкретного социологического исследования с точки зрения их надежности. Гораздо нужнее их позитивная разработка и совершенствование для блага социологической науки, которая, как и всякая другая, развивается в связи с успехами в разработке методики.

В итоге отметим, что даже самая надежная методика все же не гарантирует получение достоверного знания. При установлении достоверности знания исходным является не понятие надежности, а понятие истины. Применение критерия истины в познании означает установление меры объективности содержания знания. Этим критерием, как известно, является практика. Гносеологическое значение практики проявляется в ее функциях по отношению к познанию. Эти функции выражаются в том, что в конце концов именно практикой формируются и определяются сам объект, основные условия и принципы познания. На основе практики решается и сложная проблема взаимосвязи субъекта и объекта познания. Она является тем действительным опосредствующим звеном, которое обеспечивает возможность познавательного отношения как отражения объективных свойств и отношений исследуемых объектов.

Именно в ходе практического освоения социальной действительности ставится и решается теоретическая задача — задача познания того, что есть данный процесс или явление, каковы его существенные свойства и отношения, учет и использование которых позволяют достичь поставленных целей. Практика создает и технико-методические средства их эмпирического познания. Неразрешимая в буржуазной социологии проблема единства эмпирического и теоретического уровней познания в

марксистской социологии решается также путем исследования практической обусловленности их взаимосвязи и различия. Через реализацию цели в практике знание соизмеряется, сопоставляется со своим предметом, обнаруживает свою достоверность. Достоверность социального знания не может полностью измеряться устойчивостью, надежностью отдельных социологических показателей, согласованностью эмпирических данных, что, как это мы видели, утверждают некоторые буржуазные социологи, ибо этот критерий не выходит за пределы теоретического отношения к действительности. Принципиальное и подлинно научное решение этой проблемы возможно только на основе марксистской методологии и ее основного принципа — единства теории и практики.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
- К. Маркс. Оправдание мозельского корреспондента.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
- К. Маркс. Истина, подтвержденная свидетельством.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13.
- К. Маркс. «Господин Фогт».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14.
- К. Маркс. О Прудоне.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16.
- К. Маркс. Капитал, т. III.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II.
- К. Маркс. Письмо Вильгельму Либкнехту от 17 сентября 1859 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.
- Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
- Ф. Энгельс. Диалектика природы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
- В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1.
- В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе).— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1.
- В. И. Ленин. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2.
- В. И. Ленин. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4.
- В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18.
- В. И. Ленин. Спорные вопросы. Открытая партия и марксисты.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23.
- В. И. Ленин. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23.
- В. И. Ленин. Философские тетради.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29.
- Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— В кн.: XIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1971.
- Л. И. Брежнев. Об актуальных проблемах партийного строительства. М., 1973.

- Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». — «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 9. М., 1972.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана». — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 22, статья 225.
- Анализ научного знания. М., 1970.
- Г. М. Андреева. О соотношении микро- и макросоциологии. — «Вопросы философии», 1970, № 7.
- Г. М. Андреева. В. И. Ленин и методологические проблемы конкретно-социологического исследования. — «Вестник МГУ», серия VIII, № 2, 1970.
- М. Н. Андрющенко. Понятие эффективности и его философский смысл. — «Философские и социологические исследования», вып. XII, ЛГУ, 1971.
- П. К. Анохин. Методологическое значение кибернетических закономерностей. — В сб.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968.
- В. Ф. Берков. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972.
- Б. В. Бирюков. Проблема абстракции безошибочности в логике. — «Вопросы философии», 1973, № 11.
- А. А. Бодалев. Восприятие человека человеком. М., 1960.
- Э. Борель. Вероятность и достоверность. М., 1961.
- Л. Бриллюэн. Научная неопределенность и информация. М., 1966.
- Л. Бриллюэн. Наука и теория информации. М., 1960.
- С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1931.
- В. Г. Виноградов. Научное предвидение (гносеологический анализ). М., 1973.
- И. Д. Волков. Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. Л., 1970.
- Р. Вормс. Индуктивный метод в социологии. Казань, 1899.
- Вопрос. Мнение. Человек. Л., 1972.
- Г. Глезерман, В. Келле, Н. Филипенко. Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия. — «Коммунист», 1971, № 4.
- А. М. Гелюта, Э. А. Янкова. Официальные и личные документы в социологическом анализе. — «Социальные исследования», вып. 7. М., 1971.
- Б. В. Гнеденко, Ю. К. Беляев, А. Д. Соловьев. Математические методы в теории надежности и основные ее характеристики. М., 1965.
- Б. А. Грушин. К анализу способов производства научной информации. — «Вопросы философии», 1973, № 11.
- Документальные системы в управлении. Под ред. Г. Г. Воробьева и М. Г. Гаазе-Раппопорта. М., 1973.
- Д. В. Демин. Некоторые научно-организационные вопросы экономичности и надежности социологического исследования. — В сб.: Проблемы социологии печати, вып. 1. Новосибирск, 1969.
- Н. Дмитриу. Восхождение от абстрактного к конкретному в социологическом исследовании. — «Философские науки», 1970, № 6.

- П. С. Дышлевый. Объект, субъект и условия познания в физике.— В сб.: Методологические проблемы теории измерений. К., 1966.
- Э. Дюркгейм. Метод социологии. К.— Х., 1899.
- В. В. Заботин. Проблема вопроса и ответа в логике.— «Философские науки», 1961, № 1.
- М. В. Захарченко. Про можливість деформації образу дійсності в конкретному соціологічному дослідженні.— «Соціологічні дослідження», вип. II. К., 1971.
- А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.
- Н. Зимилова. Лицо орехово-зугевской рабочей аудитории.— «Коммунистическое просвещение», 1928, № 6.
- А. А. Зинovieв. Основы логической теории научных знаний. М., 1967.
- Измерение и моделирование в социологии. Новосибирск, 1969.
- Н. Т. Иовчук, А. Г. Харчев, В. А. Ядов. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР.— «Философские науки», 1970, № 5.
- П. Ф. Йолон. Наукова теорія та її особливості в гуманітарних науках.— В зб.: Логіка і гуманітарні науки. К., 1971.
- В. Ж. Келле. Значение и функции социального знания при социализме.— «Вопросы философии», 1972, № 5.
- С. В. Крымский. Интерпретация как логическая операция.— «Вопросы философии», 1965, № 11.
- Ст. Ковалевски. Условия честности информации в многоинстанционных учреждениях. «Prakseologia», 1970, № 35.
- В. З. Кован, В. С. Тапилина. К вопросу об обеспечении надежности первичной социологической информации.— В сб.: Проблемы социологии печати, вып. II. Новосибирск, 1970.
- В. С. Комаровский. Некоторые проблемы измерения социальных установок.— «Вопросы философии», 1970, № 7.
- П. В. Копнин. Природа суждения и формы выражения его в языке.— В сб.: Мышление и язык. М., 1957.
- В. М. Костюк. Підтвердження та вибір гіпотези в науковому дослідженні. К., 1973.
- В. И. Куценко. Социальная задача как категория исторического материализма. К., 1972.
- Д. С. Лихачев. Текстология. М.— Л., 1962.
- Лекции по методике конкретных социальных исследований. Под ред. Г. М. Андреевой. М., 1972.
- Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Логіка і гуманітарні науки. К., 1971.
- Логика научного исследования. М., 1965.
- Логическая структура научного знания. М., 1965.
- Б. Е. Лебніков. Емпіричне обґрунтування теоретичних положень в гуманітарних науках.— В зб.: Логіка і гуманітарні науки.
- Р. Макгиннис. Новое в методах исследования.— В кн.: Американская социология. М., 1972.
- Н. М а с т р ю к о в. Пишите книгу своей жизни. М., 1916.
- Математика и социология. Новосибирск, 1972.
- Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966.

- Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968.
- Методологические проблемы современной науки. М., 1970.
- Л. А. Микешина. К проблеме достоверности знаний, полученных в эксперименте.— «Записки Ленинградского горного института им. Г. В. Плеханова», вып. 3, т. XIII (социально-экономические вопросы), М., 1970.
- Ст. Михайлов. Относно проблема за достоверността в емпирично-то социологически изследване.— «Социологически проблеми», брой 2. София, 1969.
- Ст. Михайлов. О понятийных и эмпирических индикаторах при разработке программы эмпирического социологического исследования.— «Вопросы философии», 1973, № 7.
- Д. Миллер. Магическое число семь плюс минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию.— В сб.: Инженерная психология. М., 1964.
- Д. Миллер, Е. Галантер, К. Прибран. Планы и структура поведения. М., 1964.
- К. Мозер. Методы социального исследования.— «Информационный бюллетень ССА», № 32, вып. 2. М., 1970.
- М. А. Моница. Критические очерки методов и техник социологических исследований за рубежом.— Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. «Информационный бюллетень», № 1. М., 1967.
- О Моргенштерн. О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1968.
- А. Муртар, М. Титма. Некоторые методологические проблемы социальных измерений.— Сборник научных трудов Эстонской сельскохозяйственной академии. Труды по философии, вып. II, № 54. Тарту, 1967.
- В. Ф. Навозов. Оценка, ее структура и роль в познании.— Ученые записки Томского государственного университета, № 79, вып. 5. Проблемы методологии и логики наук. Томск, 1969.
- В. Невский. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. М., ГИЗ, 1923.
- Е. П. Никитин. Объяснение — функция науки. М., 1970.
- В. И. Огорелков. Надежность измерений и оценки знаний учащихся на основе элективных заданий.— «Советская педагогика», 1970, № 7.
- Р. Орженцкий. Сводные признаки. Ярославль, 1910.
- В. Л. Оссовский. Активність трудящих в управлінні виробництвом. К., 1973.
- М. В. Попович. О критериях истинности и осмысленности при анализе научных теорий.— В сб.: Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1965.
- М. В. Попович. Логіка і наукове пізнання. Київ, 1971.
- Проблемы контент-анализа в социологии (Материалы Сибирского социологического семинара). Новосибирск, 1970.
- Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях. К., 1973.
- Проблемы социологии печати, вып. 1. Новосибирск, 1969.
- В. Г. Пушкин. Проблема надежности. М., 1971.

- Р. Пэнто, М. Гравити. Методы социальных наук. М., 1972.
- А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания.— В сб.: Проблемы логики научного познания. М., 1964.
- А. И. Ракитов. Анатомия научного знания. М., 1969.
- У. Дж. Рейхман. Применение статистики. М., 1969.
- М. М. Рубинштейн. Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928.
- М. Н. Руткевич. Социальная структура развитого социалистического общества.— «Коммунист», 1974, № 2.
- М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган, Ю. Е. Волков. Социология: некоторые методологические вопросы.— «Философские науки», 1968, № 2.
- Н. А. Рыбников. Биографии и их изучение. М., 1920.
- А. Л. Свенцицкий. Интервью как метод конкретно-социологического исследования.— «Философские науки», 1965, № 4.
- Ф. А. Селиванов. Принципы исследования ошибок.— В сб.: Актуальные проблемы диалектического и исторического материализма. Тюмень, 1970.
- К. А. Сергеев, А. Н. Соколов. О логике вопросов.— В сб.: Вопросы философии и социологии, вып. 1, ЛГУ, 1969.
- Н. К. Серов. О некоторых психологических проблемах прагматической оценки научной информации.— «Научно-техническая информация», серия 2, 1969, № 12.
- О. Ф. Серебрянников, А. И. Уемов. Проблемы возникновения нового знания и теория умозаключений.— В кн.: Синтез современного научного знания. М., 1973.
- М. Смит. Основы статистической методологии. М., 1924.
- В. И. Смыслов. О тактических приемах допроса свидетелей.— «Ученые записки Всесоюзного заочного юридического института», вып. XX, ч. III. М., 1971.
- Соціальні проблеми виробничого колективу (з досвіду соціологічних досліджень). К., 1972.
- Социология и математика. Новосибирск, 1970.
- Социологические исследования. Вопросы методологии и методики. Новосибирск, 1966.
- Н. Стефанов. Теория и методы общественных наук. М., 1967.
- Л. Н. Суворов. Первичная и вторичная информация в марксистских социологических исследованиях.— «Философские науки», 1967, № 3.
- С. П. Трапезников. Марксистско-ленинская философская наука и современность.— «Вопросы философии», 1973, № 8.
- Поль Фресс. Экспериментальный метод.— В кн.: Экспериментальная психология, ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М., 1966.
- Б. Хансен. Понятие поля как синтез естественнонаучных и гуманитарных традиций в социологии.— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.
- Человек и его работа. М., 1967.
- В. Ф. Черноволенко. Мировоззрение и научное познание. К., 1970.
- В. П. Черноволенко. XXIV з'їзд КПРС та деякі актуальні

- проблеми конкретних соціальних досліджень.— «Філософська думка», 1971, № 6.
- В. С. Швырев. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966.
- Ю. А. Шерковин. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
- В. І. Шинкарук, Л. В. Сохань. Сучасна науково-технічна революція та її соціальні наслідки.— В зб.: Соціологічні проблеми радянського суспільства. К., 1971.
- В. Э. Шляпентох. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М., 1973.
- Ю. А. Шрейдер. Об одной модели семантической теории информации.— В сб.: Проблемы кибернетики, вып. 13. М., 1965.
- В. И. Шубкин. Социологические опыты. М., 1970.
- А. Щукарев. Проблеми застосування математичного аналізу до явищ соціального життя.— «Червоний шлях», 1924, № 8—9.
- Г. Е. Эдельгауз. Точность, надежность и устойчивость экономических показателей. Л., 1971.
- Ф. Эйгельбергер. Методика обследования. М., 1931.
- И. Элез. Достоверность.— Философская энциклопедия, т. 2.
- М. В. Эмдин. О категориях основания и обоснованного.— «Вестник Ленинградского государственного университета», вып. 4, № 23, 1959.
- В. А. Ядов. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования.— «Вопросы философии», 1966, № 10.
- В. А. Ядов. Социологическое исследование. М., 1972.
- Analizy i próby technik badawczych w Socjologii. Wrocław — Warszawa — Kraków. T. I, 1966, t. 2, 1968, t. 3, 1970, t. 4, 1972.
- N. D. Belnap. An analysis of questions: preliminary report.— „Technical Memorandum“, Santa Monica, Calif., June, 1963.
- P. Bernstein, H. Jetzschman. Informations — und Spiltheoretische Aspekte in der Soziologischen Forschung. Berlin, Dietz Verlag, 1969.
- H. Blumer. An appraisal of Thomas and Znanieckis. «The Peasants in Europe and America». N. Y., 1939.
- K. S. Crittenden, R. I. Hill. Coding reliability and validity of interview data.— „American Sociological Review“, N. Y., 1971, vol. 36, № 6.
- R. H. David. Separating Reliability and Stability in Test — Retest Correlation — „American Sociological Review“, vol. 34, February, 1969.
- Einführung in die soziologische Forschung. Berlin, 1966.
- J. Giedymin. Problemy, założenia, rozstrzygnięcia. Poznań, 1964.
- L. Gottschalk, Kluckhohn, R. C. Angell. The use of Personal Documents in History, Anthropology and Sociology. N. Y., 1945.
- Harry J. Kiersle. Epistemology and sociology.— „The British Journal of Sociology“, vol. XXI, No. 4, December, 1970.
- A. Kiliński. Jakość, czyli nie wiadomo co.— „Miesięcznik Literacki“, 1968, № 1.
- T. Kotarbiński. Traktat o dobrej robocie. Wud. II, Warszawa, 1958.
- H. Krentz. Revision theoretischer Vorstellungen durch empirische

- Sozialforschung. Soziologie Forschung in Österreich Wein — Köln, 1969.
- T. Kubiński, *Przegląd niektórych zagadnień logiki pytań*. — „Studia logica”, t. XVIII. Warszawa — Poznań, 1966.
- I. A. Lienert, *Testaufbau und Testanalyse*. Weinheim, 1961.
- D. K. Lloyd, M. Lipow, *Reliability: Management, Methods and Mathematics*. New Jersey, 1962.
- Logik der Sozialwissenschaften*. Köln — Berlin, 1966.
- M. Mazur, *Problem jakości*. — „Prakseologia”, 1969, N 32.
- R. Mayntz, K. Holm, P. Hubner, *Einführung in die Methoden der empirischen Soziologie*. Köln und Opladen, 1969.
- Methoden der marxistisch-leninistischen Sozialforschung*. Hrsg. W. Friedrich. Berlin, 1970.
- Metody badań sociologicznych*. Warszawa, 1965.
- H. Roede, *Befrager und Befragte*. Berlin, 1968.
- K. Roghman, *Zuverlässigkeit*. — Wörterbuch der Soziologie. Stuttgart, 1969.
- L. Rosenmayer, *Das wechselseitige Verhältnis von Empirie, Theorie und Praxis*. — Soziologie Forschung in Österreich, Wein — Köln, 1969.
- K. Rychtařík, *Jaka je metodologie, takova ja věda*. — „Sociologický časopis”, 1971, N 4.
- W. Sibel, *Die Logik des Experiments in der Sozialwissenschaften*. Berlin, 1965.
- Soziologie im Sozialismus*. Berlin, 1970.
- J. L. Simon, *Basic research methods in Social science. The art of Empirical investigation*. N. Y., 1969.
- J. Szczepański, *Dyskusyjne zagadnienia metodologiczne współczesnej socjologii Polskiej*. — „Studia socjologiczne”, 1964, N 2.
- J. Szczepański, *Socjologia. Rozwój problematyki i metod*. Warszawa, 1967.
- W. I. Thomas and F. Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe and America*. Boston, 1918—1921, 1—5 vols.
- R. C. Tryon, *Reliability and behavior domain validity*. — „Psychol. Bull.”, Bd. 54, 1957.
- J. Zieleniewski, *Organizacja i zarządzanie*. Warszawa, 1969.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адекватность 10, 32, 36, 97, 122

— методов 16, 41, 47, 52, 58, 67, 116, 122

— данных 42, 43, 46, 62, 101

— и неадекватность 8, 57

Вероятность 7, 22, 30

— и достоверность 30, 97

— и истинность 17, 19, 23, 24, 59

— и надежность 22, 31, 34

Достоверность 30, 59, 97

— знания 7, 8, 21—22, 24, 26, 124

— информации 7, 26, 42, 59, 92, 96, 99, 110

— и истина 30, 124

— и надежность 29, 31, 96, 97, 99

— и практика 25, 30, 59, 71, 124

— теории 6, 7, 20—21, 66

Информация

— документальная 68, 92, 93, 95, 103

— наблюдений 68, 110, 120

— опросов 67, 68, 78, 83, 90, 93

— первичная и вторичная 23, 95, 96, 101, 122

— и неопределенность 9, 10, 52, 53, 54, 70, 77, 89, 109

Исследование 5, 15, 27, 71, 121

— теоретическое 13, 16, 18, 27, 122, 124

— эмпирическое 4, 6, 13, 15, 16, 19, 20—22, 27, 70, 123

— и предмет 47

— и объект 12, 46, 47, 53, 89, 92, 110, 112, 116

— и субъект 12, 46, 48, 49, 53, 58, 71, 89, 112

— и условия н. 48, 51, 53, 55, 92, 113

— и познание 50

— и практика 25—26, 66, 122

Качество 6, 32, 34, 35—38, 39

— и квалиметрия 38—39, 44

— информации 39—40, 58, 102

— и надежность 34, 40, 57, 83

Методы 10, 123

— эмпирические (индуктивные) 13, 16—17, 18, 20, 123

— теоретические 18, 122, 124

— контроля данных 62—65, 107—108.

Надежность 7, 10, 31—32, 33—34, 42, 47, 67, 97, 103, 113, 115, 121, 122—123

— и контроль 43, 62—64, 107—108

— и корректность 52, 55, 56, 58, 67, 78, 91, 120

— коэффициент 41, 57, 60, 62, 65

— методов 10, 20, 32, 41, 53—56, 57, 58, 60—62, 68, 79, 83, 92, 94, 100, 122, 123

— обобщений 19, 20—22, 24, 55, 82

— и правдивость 31, 98

— и осмысленность, 64, 72, 75, 77—78, 88

Обоснованность 6, 20, 31, 47, 57, 58, 59, 61, 78, 79, 97, 116

Ошибки 8, 20, 39, 52, 54

— документов 97, 102—108

— наблюдения 105, 113, 117—119

— опросов 88, 89—90

— их типы 55, 89, 103, 105—106, 117—119

— и надежность 42, 62, 65, 100

Теория 14—15, 25, 66

— общесоциологическая 4, 12, 13, 14, 122

— частная (специальная) 4, 7, 14, 22, 69, 71, 93

— и гипноза 14, 15, 16, 21, 122

— и операциональные определения 13—14, 15, 16, 19, 43, 56

— и эмпирический базис 7, 9, 14, 18, 24—25, 42, 66

Точность 57, 58, 90, 98

— и чувствительность 65, 79, 122

Устойчивость 34, 47, 58, 60—61, 62—64

Эмпирические данные 4, 7, 9, 16, 22—23, 56, 91, 95, 96, 109

Эмпирическая ситуация 23, 51, 53, 58, 69, 89, 95, 111—112, 113, 114—115

В монографии рассматриваются малоизученные вопросы методологии и методики конкретного социологического исследования. В центре внимания автора — проблема надежности эмпирических данных в исследовании. С этой точки зрения анализируется исследовательский процесс, условия его проведения, причины деформации получаемой первичной информации и вскрываются возможности сбора доброкачественных эмпирических данных, способных стать надежным базисом для достоверных выводов.

Значительное внимание уделяется методам сбора данных — опросу, анализу документов, наблюдению, оцениваются их возможности и определяются границы применения, а также адекватность их объекту исследования.

Рассчитана на социологов, философов, специалистов по методологическим проблемам науки.

Ответственный редактор

кандидат философских наук *В. Ф. Черноволенко*

Рецензенты:

кандидаты философских наук

М. В. Захарченко; М. П. Гончаренко;

В. А. Буслинский

Редакция философии и права

В $\frac{10505-259}{\text{М}221(04)-75}$ 1-74

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.